Филиппа Грегори

Еще одна из рода Болейн

Подняться как можно выше, чего бы это ни стоило.
Kirkus Reviews

Тюдоры

Филиппа Грегори

Еще одна из рода Болейн

«Азбука-Аттикус»
2001

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Грегори Ф.

Еще одна из рода Болейн / Ф. Грегори — «Азбука-Аттикус», 2001 — (Тюдоры)

ISBN 978-5-389-14484-2

В дворцовых интригах и борьбе за власть нет места милосердию, искренней привязанности, узам семейной любви. Сестринская нежность, которая связывала Анну и Марию Болейн, превращается в ненависть, когда они становятся соперницами в поединке за благосклонность короля Генриха VIII. «…Одна сестрица Болейн или другая – какая разница. Каждая из нас может стать королевой Англии, а семья… семья нас ни в грош не ставит», – с горечью говорит Анна сестре. Несмотря на то что одна из них взойдет на трон, обе они только пешки в играх сильных мира сего. Принесет ли победительнице счастье любовь монарха, человека столь же могущественного, сколь и жестокого, и какова будет цена этой победы?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14484-2

© Грегори Ф., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

Весна 1521 года 6
Весна 1522 года 8
Лето 1522 года 40
Зима 1522 года 54
Весна 1523 года 60
Лето 1523 года 79
Зима 1523 года 87
Весна 1524 года 88
Лето 1524 года 92
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Филиппа Грегори
Еще одна из рода Болейн

Philippa Gregory
Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title:
THE OTHER BOLEYN GIRL
Copyright © Philippa Gregory Ltd 2001
All rights reserved

© О. Бухина, Г. Гимон, перевод, 2018
© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Энтони

Весна 1521 года

Слышен приглушенный рокот барабанов, но мне ничего не видно – только кружева на корсаже, дама передо мной полностью закрывает эшафот. Я при дворе уже больше года, бывала на многих празднествах, но на таком – никогда.

Шаг в сторону, вытянуть шею – и наконец я вижу осужденного, рядом с ним священник, вот они вышли из Тауэра, медленно ступают по лужайке туда, где ждет деревянный помост. Плаха – посредине, палач давно готов, рукава засучены, черный капюшон опущен на лицо. Похоже на маскарад, все такое ненастоящее, придворное увеселение, да и только. Король[1] на троне рассеян, будто повторяет про себя речь – готов простить преступника. Рядом с ним трое, лица мрачные: мой муж Уильям Кэри – года не прошло, как мы поженились, мой брат Джордж и мой отец сэр Томас Болейн. Я переминаюсь с ноги на ногу в маленьких шелковых туфельках. Хорошо бы король поскорее даровал помилование, тогда можно будет пойти позавтракать. Мне всего тринадцать, и я зверски голодна.

Герцог Бекингем еще далеко от эшафота, но уже скинул теплый плащ. Он наш близкий родственник, я зову его «дядюшка». Он был на моей свадьбе, подарил позолоченный браслет. Отец говорит, герцог не раз уже ссорился с королем, у него самого в жилах королевская кровь, и гарнизон он держит слишком большой – это не радует короля, который пока не слишком прочно сидит на троне. Хуже всего, люди слышали, герцог как-то сказал: у короля нет сына и наследника и он, наверное, так и умрет, не оставив после себя потомка.

Подобных мыслей вслух не произносят. Король, двор, да и вся страна – все уверены, королева скоро, совсем скоро родит мальчика. А кто с этим не согласен, уже ступил на скользкую дорожку – ту, что кончается деревянными ступеньками на эшафот. Герцог, мой дядя, уже идет по этим ступенькам, шаги твердые, ни малейшего признака страха. Хороший придворный никогда не скажет неприятной правды. Жизнь при дворе – сплошной праздник.

Дядя Бекингем как раз подошел к краю эшафота – настало время последних слов. Мне ничего не слышно, да и в любом случае я не свожу глаз с короля – пора уже ему подать реплику, произнести положенное королевское помилование. Этот человек, там, на эшафоте, залитый бледными лучами золотистого утреннего солнца, играл с королем в теннис, состязался на турнирах, сотни раз пил с ним и в кости резался, они – товарищи с детства. Хорошо, король преподал ему урок – и к тому же при всем честном народе, а теперь надо его простить, а нам всем отправляться завтракать.

Фигура вдали повернулась к духовнику, герцог склонил голову, поцеловал четки. Упал на колени перед плахой, вцепился в нее обеими руками. Интересно, как это – прижаться щекой к гладкому навощенному дереву, ощущать легкое дуновение теплого ветерка, слышать резкие крики чаек. Даже если знаешь, что все делается невзаправду, просто маскарад, все равно страшно. Каково сейчас дяде положить голову на плаху, а палач уже тут как тут, наготове?

Палач взмахнул топором. Я взглянула на короля, дальше откладывать уже некуда. Дядя раскинул руки, сигнал – к казни готов. Я снова перевела взгляд на короля, он, должно быть, уже встал. Нет, все еще сидит, усмешка на лице, как всегда красивом. Я все еще гляжу на него, опять барабанная дробь, и вдруг барабаны резко замолкают, удар топора, один, затем другой, третий – такой знакомый, домашний звук, будто дрова рубят. Глазам своим не верю: дядина

---

[1] *Король* – Генрих VIII Тюдор (1491–1547). Повествование ведется от лица Марии Болейн (ок. 1499/1508–1543), жены члена личного королевского кабинета Уильяма Кэри, в течение двух лет являвшейся фавориткой короля. В романе Ф. Грегори Мария представлена как младшая сестра Анны Болейн, хотя большинство историков сходятся во мнении, что она была старшей.

голова катится по соломе, устилающей помост, из обрубка шеи – фонтан крови. Палач в черном капюшоне кладет заляпанный кровью топор, поднимает голову за клок густых курчавых волос, теперь всем видна эта странная маска-лицо, черная повязка между лбом и носом, зубы скалятся в прощальной дерзкой ухмылке.

Король медленно поднялся на ноги. А мне по-ребячьи подумалось: «Должно быть, ему ужасно стыдно, затянул до последней секунды, и все пошло наперекосяк. Он ошибся, не вмешался вовремя».

Но ошибалась, конечно, я. Вовсе он не затянул, не забыл. Вот так, перед целым двором, расправился с дядей – пусть все видят, кто у них король. Двух королей не бывает, король один, и зовут его Генрих. И у этого короля будет сын, а кто сомневается – тому позорная смерть.

Притихший двор возвращается в Вестминстерский дворец. Три большие барки идут на веслах вверх по течению. Люди толпятся на берегу, снимают шапки и плюхаются на колени, когда мимо быстро проплывает королевская барка. Разноцветный вихрь вымпелов, дорогие одежды сияют на солнце. Я, вместе с придворными дамами, на второй барке, с королевой. Рядом сидит моя мать. Взглянула на меня – что случается нечасто – и спросила:

– Ты такая бледненькая, Мария, тебе дурно?

– Я думала, его не казнят. Думала, король его помилует.

Мать наклонилась – губы у самого моего уха, никто другой не расслышит из-за скрипа барки и ударов весел по воде, – бросила резко:

– А ты еще дурочка. И говоришь глупости. Смотри и учись, Мария. При дворе ошибкам места нет.

Весна 1522 года

– Я еду завтра во Францию, привезу твою сестру Анну[2] домой, – объявил отец, стоя на ступенях Вестминстерского дворца. – Пусть займет место при дворе королевы Марии Тюдор[3], когда та вернется в Англию.

– Я думала, она остается во Франции. Выйдет замуж за французского графа или кого-то в этом роде.

Он покачал головой:

– У нас на нее другие виды.

Я знала – спрашивать отца о его планах бесполезно. Больше всего на свете меня страшило – вдруг она сделает лучшую партию, чем я, и тогда мне по гроб жизни тащиться за шлейфом ее платья, покуда ей шествовать впереди.

– И пожалуйста, без этого сердитого выражения на лице, – потребовал отец.

Я тут же улыбнулась льстивой придворной улыбкой и послушно произнесла:

– Конечно, отец.

Он кивнул и собрался уходить, а я присела в низком реверансе. Выпрямилась, неторопливо отправилась в спальню мужа. Там на стене висит небольшое зеркало, я застыла перед ним, уставившись на свое отражение. «Все будет в порядке, – шепчут мои губы, – я ведь Болейн, это вам не мелочь, моя мать – урожденная Говард, а Говарды одна из самых знатных семей страны. Я из Болейнов, я из Говардов. – Я закусила губу. – Но ведь и она тоже».

Улыбнулась ничего не значащей придворной улыбкой – в зеркале отразилось хорошенькое веселое личико.

Я младшая сестра, но уж не самая распоследняя. Замужем за Уильямом Кэри, королевским фаворитом. Меня отличает королева, я самая молодая фрейлина. Никому не позволю мне жизнь испортить. Даже ей это не удастся.

Анна и отец задержались в пути из-за весенних бурь, а я вдруг поняла, что в глубине души по-ребячьи надеюсь – вдруг корабль разобьется и она утонет. Думая о ее смерти, я испытывала странную смесь чувств: тут и непонятная острая боль, настоящее отчаяние, и в то же время бурная радость. Будто мир без Анны для меня не существует, но в мире просто нет места для нас обеих.

Как бы то ни было, ничего особенного не случилось, и она добралась благополучно. Я увидела ее, когда она вместе с отцом сходила по трапу на королевский причал, откуда ко дворцу шла мощенная гравием дорожка. Даже издали, из окна на первом этаже, удалось разглядеть широкий подол ее платья, модный покрой плаща, и это зрелище элегантно развевающейся материи вызвало приступ чистой, беспримесной зависти. Я смотрела на нее, пока она не скрылась из виду, и заторопилась к своему месту в парадной спальне королевы.

План простой – пусть сначала увидит меня, по-домашнему устроившуюся в богато украшенной вышитыми гобеленами комнате, и тогда я поднимусь и поприветствую ее, такая взрослая и грациозная. Но как только распахнулись двери и она вошла, меня охватила бурная радость, и с громким криком «Анна!» я бросилась ей навстречу, только юбки летели. И Анна – голова высоко поднята, выражение лица высокомерное, бросает хмурые взгляды по сторонам – вдруг перестала быть важной юной особой пятнадцати лет от роду и бросилась, распахнув объятия, ко мне.

---

[2] *Анна Болейн* (ок. 1501/1507–1536) – с 1533 года королева Англии, мать Елизаветы I.

[3] Речь идет о Марии Английской (1496–1533), сестре Генриха VIII и вдове французского короля Людовика XII.

– Ты выросла, – задыхаясь, проговорила она, крепко обхватила меня и прижалась щекой к щеке.

– Это просто каблуки ужасно высокие.

Я вдохнула такой знакомый аромат. Мыло, розовая вода на теплой коже, запах лаванды, пропитавший одежду.

– Ты как?

– Хорошо, а ты?

– Bien sur![4] А свадьба?

– Неплохо. Красивые платья.

– А он?

– Превосходно. Всегда с королем, тот ему благоволит.

– И ты это сделала?

– Сто лет назад.

– Больно было?

– Очень.

Она чуть отодвинулась, вглядываясь мне в лицо.

– Ну, не слишком больно, – поправилась я. – Он старается быть поласковей. Всегда дает мне вино. Но вообще-то, просто ужасно.

Хмурый вид исчез, она хихикнула, в глазах светится смех.

– Почему ужасно?

– Он писает в ночной горшок, а мне все видно.

Она просто зашлась от смеха:

– Быть не может!

– Довольно, девочки. – Из-за спины Анны появился отец. – Мария, представь сестру королеве.

Я повернулась, повела Анну сквозь толпу придворных дам, туда, где в кресле у камина, выпрямившись, сидела королева.

– Она строгая, – предупредила я Анну, – тут тебе не Франция.

Екатерина Арагонская[5] пристально взглянула на Анну, меня охватил приступ страха – вдруг сестра понравится ей больше, чем я.

Анна присела перед королевой в безупречном французском реверансе и величаво, будто весь дворец принадлежит ей одной, подошла ближе. Чарующий, мелодичный голос, каждый жест – все напоминает о французском дворе. Я с удовольствием заметила – королева восприняла манеры Анны с явным холодком. Я потянула сестру на скамью у окна:

– Она ненавидит все французское. Будешь продолжать в том же духе – не сможешь остаться при ней.

Анна пожала плечами:

– Но это модно, нравится ей или нет. Как же мне себя вести?

– Может, по-испански, если уж непременно хочешь кого-то изображать?

Анна хихикнула:

– Носить такие чепцы? Ей словно крышу на голову нахлобучили!

– Ш-ш-ш, – сказала я с упреком. – Она достойная женщина. Лучшая королева в Европе.

– Она старуха, – отрезала Анна. – Одевается как старуха, хуже всех в Европе, да еще из самой глупой страны в Европе! У нас нет времени на Испанию.

– У кого это – у нас? – холодно осведомилась я. – Не у англичан же?

---

[4] Естественно! *(фр.)*

[5] *Екатерина Арагонская* (1485–1536) – дочь Фердинанда II, короля Арагона и Кастилии, первая жена Генриха VIII и мать Марии Тюдор.

– Les Français![6] – раздраженно бросила Анна. – Bien sur! Я теперь настоящая француженка.

– Ты коренная англичанка, как Джордж и я. Вспомни, я тоже была при французском дворе. Зачем ты всегда притворяешься особенной?

– Каждому нужно что-нибудь этакое.

– Этакое?

– Каждой женщине необходима изюминка – то, что притягивает взгляды, делает ее центром внимания. Я собираюсь быть француженкой!

– Строишь из себя невесть что, – протянула я осуждающе.

Анна смерила меня взглядом.

– Я притворяюсь не больше и не меньше, чем ты, – спокойно произнесла она. – Моя маленькая сестричка, моя золотая сестричка, моя сладкая сестричка.

Я встретила ее взгляд. Мои светлые глаза утонули в ее, темных, я знала, что улыбаюсь ее улыбкой, она – мое зеркальное отражение, просто потемней.

– Ах так, – протянула я, все еще отказываясь признать ее правоту. – Ах так…

– Именно так. Я – темноволосая француженка, модная и таинственная, ты – милая, простодушная белокурая англичанка. Вот это будет парочка! Кто против нас устоит?

Я расхохоталась. Она всегда умела меня рассмешить. Сквозь мелкие стекла в свинцовом переплете окна увидела у конюшни короля с группой охотников.

– Это король? – спросила Анна. – Правда, так красив, как говорят?

– Он просто чудо. Правда-правда. А уж танцует и скачет верхом… просто слов нет.

– Сюда придет?

– Вероятно. Всегда к ней заходит.

Анна с отвращением глянула туда, где в окружении придворных дам сидела с шитьем на коленях королева.

– Интересно, почему?

– Потому что любит ее! Такая чудесная история. Ее выдали за его брата, а брат умер молодым, и она не знала, что делать и куда идти, тогда он решил жениться на ней и сделать ее королевой. Правда, романтично, и любит он ее по-прежнему.

Анна подняла красиво очерченные брови и оглядела комнату. Придворные дамы прислушивались к шуму возвращающейся охоты, расправляли юбки и поудобнее устраивались на стульях – настоящая живая картина для входящих. Дверь распахнулась, на пороге громогласно хохотал очень довольный собой король Генрих.

– Мне удалось застать вас врасплох!

– Какая приятная неожиданность, – сердечно произнесла королева.

Друзья и приятели короля ввалились в комнату вслед за ним. Первым вошел мой брат Джордж, замер на пороге, увидев Анну, но, как настоящий придворный, сдержал радость и низко склонился над рукой королевы.

– Ваше величество, – произнес он со вздохом. – Я пробыл на солнце все утро, но ослеплен только сейчас.

Королева вежливо улыбнулась, не отрывая взгляда от его темных кудрей.

– Можете поздороваться со своей сестрой.

– Мария здесь? – равнодушно спросил Джордж, будто не видя нас обеих.

– Другая ваша сестра, Анна, – поправила королева.

Легким жестом руки в кольцах она поманила нас к себе. Джордж склонился в поклоне, но не двинулся с места, чтобы не отходить от трона.

– Как по-вашему, она изменилась? – спросила королева.

---

[6] У французов! *(фр.)*

– Надеюсь, изменится еще больше, имея перед глазами такой образец, как вы.

– Очень мило, – благодарно улыбнулась королева и взмахом руки отправила его к нам.

– Здравствуйте, мисс Красотка, – обратился он к Анне. – Здравствуйте, миссис Красотка, – ко мне.

Анна взглянула на брата из-под темных бровей:

– Хотела бы я тебя обнять!

– Уйдем отсюда, как только будет возможно, – решил Джордж. – Хорошо смотришься, Анна-Мария.

– У меня все превосходно. У тебя?

– Как нельзя лучше.

– Что собой представляет муж нашей маленькой Марии? – спросила она, с любопытством глядя на Уильяма, склонившегося к руке королевы.

– Правнук третьего графа Сомерсета, в большой милости у короля. – Джорджа интересовали только семейные связи и близость к трону. – Хорошая партия. Знаешь, Анна, тебя привезли домой, чтобы выдать замуж.

– Отец не сказал за кого.

– Думаю, за Ормонда.

– Буду графиней! – победно улыбнулась Анна.

– Подумаешь, ирландской, – тут же возразила я.

Мой муж отошел от трона и с удивлением встретил дерзкий, настойчивый взгляд Анны. Генрих уселся позади королевы и оглядел комнату.

– К нам сегодня присоединилась сестра моей дорогой Марии Кэри, – заметила королева. – Анна Болейн.

– Сестра Джорджа? – осведомился король.

Брат поклонился:

– Да, ваше величество.

Король повернулся к Анне, она присела в глубоком реверансе, потом подняла голову и вызывающе улыбнулась. Это не произвело на него впечатления. Король любил беззаботных, весело хохочущих женщин, ему не мог понравиться пристальный, дерзкий взгляд темных глаз.

– Счастливы, что сестра вернулась? – спросил он меня.

Я тоже присела в низком реверансе. Немного покраснела, но слова лились без труда.

– Конечно, ваше величество. Как же не мечтать об обществе такой сестры, как Анна!

Брови у него сошлись к переносице. Король явно предпочитал грубоватые мужские шутки женским колкостям. Перевел взгляд с меня на изображающую загадочность Анну, и тут наконец до него дошло. Расхохотавшись, прищелкнул пальцами и протянул мне руку:

– Не беспокойтесь, моя милая. Никто не затмит новобрачную в первые годы семейного счастья. К тому же мы оба, Кэри и я, предпочитаем светловолосых женщин.

Все присутствующие рассмеялись, среди них и темноволосая Анна, и когда-то золотоволосая, а теперь седеющая королева. Глупо не рассмеяться от всего сердца, если король изволил пошутить. Я тоже смеялась, только куда искреннее и веселей, чем они.

Музыканты взяли первый аккорд, и Генрих притянул меня к себе.

– Такая славная девочка, – сказал он одобрительно. – Кэри сказал, ему так понравилась молодая невеста, что он теперь знать никого не захочет, кроме двенадцатилетних девственниц.

Нелегко было продолжать улыбаться. Мы кружились в танце.

– Ему повезло, – благосклонно сказал король.

– Ему повезло снискать ваше расположение, – запинаясь, произнесла я – как не сказать комплимент королю!

– А еще больше повезло с вашим расположением. – Он громко захохотал и закружил меня в танце.

Я поймала быстрый одобрительный взгляд брата, но приятнее всего – прочесть зависть в глазах Анны: сам король Англии держит меня в объятиях.

В ожидании помолвки Анна легко вписалась в повседневную жизнь английского двора. Она все еще не виделась со своим будущим мужем; казалось, споры о приданом и владении имуществом будут длиться вечно. Даже влияние кардинала Уолси[7] – а у него был свой интерес в этом, как, впрочем, и во всяком другом заваривающемся в Англии деле, – не могло ничего ускорить. Тем временем Анна флиртовала с изящностью истинной француженки, с показной любезностью прислуживала сестре короля, каждый день проводила несчетные часы в болтовне, верховой езде, играх со мной и Джорджем. У нас были схожие вкусы, да и по возрасту мы были близки, хоть я в свои четырнадцать считалась еще ребенком, когда Анне было уже пятнадцать, а Джорджу девятнадцать. Мы – ближайшие родственники, но все еще почти чужие друг другу. Мы с Анной оставались при французском дворе, пока Джордж учился быть придворным в Англии. Теперь, воссоединившись, мы стали известны при дворе как тройка Болейн, вернее – очаровательная тройка Болейн. Частенько король, бывая во внутренних покоях, оглядывался вокруг и звал тройку Болейн или посылал кого-нибудь на другой конец дворца привести нас.

Наша главная задача – украшать собою многочисленные развлечения короля: рыцарские турниры, теннис, верховую езду, охоту с гончими, соколиную охоту, танцы. Он любит жить в постоянном возбуждении, наш долг обеспечить, чтобы он никогда не скучал. Иногда, очень редко, перед обедом или во время дождя, когда охотиться невозможно, он находил путь в покои королевы, тогда она откладывала шитье или книгу и отсылала нас.

Если я медлила, то успевала заметить ее улыбку, так она никогда не улыбалась никому, кроме короля, даже дочери, принцессе Марии. Однажды я вошла, не подозревая, что король там, и обнаружила, что он, словно любовник, сидит у ног королевы, положив голову к ней на колени, а она гладит его золотисто-рыжеватые кудри, наматывает их на палец, и они блестят ярко, словно кольца, которые король когда-то дарил юной принцессе с такими же сияющими волосами, той, на ком женился вопреки всем советам.

Я вышла неслышно, пока меня не заметили. Они так редко бывают наедине, не хочется разрушать чары. Бросилась искать Анну. Плотно закутавшись в плащ, с букетом подснежников в руке, она гуляла вместе с Джорджем по холодному саду.

– Король наедине с королевой, – выпалила я.

– В постели? – Анна удивленно подняла брови.

Я покраснела:

– Конечно нет, сейчас два часа.

– Ты счастлива в браке, если думаешь, что в постели можно оказаться только ночью, – улыбнулась Анна.

Джордж протянул мне руку.

– Она счастлива, – ответил он за меня. – Уильям говорил королю, что никогда не встречал девушки милее. Но чем они занимались, Мария?

– Просто сидели.

Мне совершенно не хотелось описывать Анне эту сцену.

– Так ей сына не получить, – отрезала Анна.

---

[7] *Томас Уолси* (ок. 1473–1530) – английский государственный деятель, с 1515 года кардинал, сосредоточил в своих руках всю высшую административную и церковную власть. Впоследствии обвинен в государственной измене.

– Ш-ш-ш, – одновременно произнесли мы с Джорджем. Мы придвинулись друг к другу, понизили голос.

– Она, наверное, потеряла надежду, – сказал Джордж. – Сколько ей сейчас? Тридцать восемь? Тридцать девять?

– Всего лишь тридцать семь, – возмутилась я.

– У нее еще не прекратилось обыкновенное женское?

– О Джордж!

– Не прекратилось, – сухо ответила Анна, – но что толку? Это ее вина. Дело не в короле – у него есть бастард от Бесси Блаунт[8], он уже учится ездить на пони.

– Есть еще масса времени…

– Ты права, еще есть время ей умереть, а ему снова жениться, – задумчиво произнесла Анна. – Она ведь не очень крепка здоровьем, правда?

– Анна! – На сей раз я искренне возмутилась. – Это подло.

Джордж оглянулся вокруг, убедился, в саду никого нет, кроме двух сестер Сеймур с матерью, но нарочито не обратил на них внимания. Эта семья была нашим главным соперником в борьбе за влияние и успех, и мы предпочитали не замечать их.

– Звучит подло, но это правда, – отрезал Джордж. – Кто будет королем после него, если у него нет сына?

– Принцесса Мария[9] может выйти замуж, – предположила я.

– Иностранцу править Англией? Мне этого не вынести, – возразил Джордж. – Нельзя допустить еще одну войну за трон.

– Принцесса Мария может стать королевой и не выходить замуж, – наугад предложила я. – Будет править самостоятельно.

Анна недоверчиво фыркнула, в холодном воздухе стало видно облачко пара от ее дыхания.

– Ну да, – насмешливо протянула Анна. – Ездить верхом по-мужски и участвовать в турнирах. Девушке не управиться с такой страной, лорды съедят ее живьем.

Мы остановились возле фонтана в центре сада. Анна с заученной грацией опустилась на край водоема, и золотые рыбки с надеждой подплыли к ней. Она стянула вышитую перчатку и поболтала в воде длинными пальцами. Подплыли рыбки, широко разевая рот, но ничего не получили.

– Волнует ли это короля? – спросила Анна свое колеблющееся отражение.

– Конечно, – ответил Джордж. – Ничего в мире нет важнее. Думаю, он собирается узаконить сына Бесси Блаунт и сделать его наследником, если у королевы не будет потомства.

– Бастард на троне?

– Не зря же его крестили Генрихом Фицроем, – парировал Джордж. – Все знают, что он сын короля. Если Генрих проживет достаточно долго, чтобы сохранить для него страну, если он заставит Сеймуров и нас, Говардов, согласиться, если Уолси сохранит влияние на Церковь и власти за рубежом… что сможет его остановить?

– Маленький мальчик, к тому же бастард, – задумчиво протянула Анна. – Шестилетняя девочка, стареющая королева и король в расцвете сил.

Она посмотрела на нас, медленно отведя взгляд от бледного отражения в воде, и спросила:

– Что может случиться? Что-то должно случиться! Интересно – что?

---

[8] *Елизавета Блаунт* (ок. 1498/1500–1539/1541) – возлюбленная Генриха VIII и мать его внебрачного сына Генриха Фицроя.

[9] *Принцесса Мария* (1516–1558) – дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, будущая королева Мария Тюдор (с 1553 года).

Кардинал Уолси прислал королеве письмо, приглашая нас в свое поместье в Йорке на бал-маскарад во вторник на Масленой неделе. Голос у меня дрожал от восторга, когда я по просьбе королевы читала письмо: большой маскарад, крепость под названием Зеленая вилла и пять дам будут танцевать с пятью кавалерами, осаждающими крепость.

– О ваше величество. – Голос у меня прерывался от волнения.

– Что?

– Вот бы и мне позволили пойти, – продолжила я робко, – просто посмотреть на праздник.

– Думаю, что ты надеешься на большее, а? – Ее голубые глаза блеснули.

– Оказаться среди танцующих, – призналась я. – Звучит так заманчиво!

– Вполне может случиться. Сколько дам требует от меня кардинал?

– Пять, – ответила я, стараясь сохранять спокойствие, и краем глаза заметила, что Анна села на стул и прикрыла глаза. Я точно знала, о чем она думает, ее голос звучал у меня в голове так ясно, как если бы она кричала вслух: «Выберите меня! Выберите меня! Выберите меня».

Это подействовало.

– Мисс Анна Болейн, – задумчиво произнесла королева. – Королева Мария Французская[10], графиня Девон, Джейн Паркер и ты, Мария.

Мы с Анной переглянулись. Пятерка была подобрана странно: тетка короля, его сестра королева Мария, богатая наследница Джейн Паркер, которая станет нашей невесткой, если только ее отец и наш договорятся о приданом, и мы обе.

– Мы будем в зеленом? – спросила Анна.

Королева улыбнулась:

– Вероятнее всего. Мария, не напишешь ли ты письмо кардиналу? Сообщи, что мы с удовольствием принимаем приглашение и просим прислать распорядителя праздника, чтобы выбрать костюмы и обсудить порядок танцев.

– Я сделаю! – Анна поднялась со стула и подошла к столу, где были приготовлены бумага, перо и чернила. – У Марии такой неразборчивый почерк, что кардинал может принять ее письмо за отказ.

Королева рассмеялась.

– Французская выучка! – сказала она мягко. – Напишите кардиналу, мисс Болейн, на своем превосходном французском, или, может быть, вы собираетесь писать на латыни?

Взгляд Анны не дрогнул.

– Как предпочитает ваше величество, я достаточно бегло владею обоими языками.

– Напишите, мы жаждем принять участие в празднике, – спокойно ответила королева. – Вот досада, вы не владеете испанским.

Распорядитель праздника прибыл, чтобы разучивать с нами нужные па танцев, но это только послужило сигналом для беспощадной битвы, правда ведущейся при помощи улыбок и нежных слов. Мы никак не могли договориться, кто кого будет изображать на маскараде. В конце концов вмешалась королева и, не допуская никаких обсуждений, распределила роли сама. Я получила роль Доброты, сестра короля королева Мария – роль Красоты, Джейн Паркер – Постоянства. «Уж она как вцепится…» – прошептала мне Анна. Сама Анна стала Стойкостью. «Интересно, что она подумала о тебе», – шепнула я в ответ. У Анны вырвался нервный смешок.

Нас атакуют индейские женщины – на самом деле придворная певческая капелла, а спасти нас должен король с кругом избранных друзей. Нас предупредили, что король пере-

[10] *Мария Французская* – так в Англии называли королеву Франции Марию Английскую.

оденется, и придется очень постараться, чтобы не разгадать прозрачную уловку – кто скрывается под золотой маской на золотоволосой голове и к тому же выше всех в зале.

Это скорее походило на шуточное сражение, чем на танец, а шума и веселья было даже больше, чем я могла предположить. Джордж осыпал меня лепестками роз, а я вылила на него потоки розовой воды. Певчие оказались просто маленькими мальчиками. От волнения они все перепутали, напали на рыцарей, были сбиты с ног и, кружась и хохоча, попадали на землю. Когда дамы вышли из замка, чтобы танцевать с таинственными рыцарями, моим кавалером оказался самый высокий – сам король, и я, все еще задыхаясь после сражения с Джорджем, с розовыми лепестками на шляпе и в волосах, с засахаренными фруктами, застрявшими в складках платья, смеясь, подала ему руку и закружилась в танце, будто он самый обыкновенный человек, а я – простая кухонная девчонка на деревенском празднике.

Подали сигнал снять маски, но король закричал:

– Играйте! Потанцуем еще!

Вместо того чтобы пригласить другую партнершу, он снова повел меня в контрдансе – мы двигаемся рука в руке, его глаза сияют в прорези золотой маски. Я беспечно улыбаюсь в ответ и ощущаю, как его радостное восхищение проникает мне в душу.

– Завидую вашему мужу, ведь когда вы сегодня ночью снимете платье, то осыплете его сладостями, – сказал он вполголоса, когда танец снова свел нас и мы стояли бок о бок, наблюдая за другой парой в центре круга.

Я не нашла остроумного ответа, это не просто положенный куртуазный комплимент. Образ мужа, осыпаемого сладостями, – такой домашний и вместе с тем очень эротичный.

– Вам нечему завидовать. Все это – ваше.

– Почему?

– Потому что вы король, – начала я, забыв, что он хочет остаться неузнанным, и поправилась: – Король Зеленой виллы, Король Дня. Пусть вам завидует сам король Генрих – ведь вы выиграли сегодня великое сражение.

– А что вы думаете о короле Генрихе?

Я взглянула на него с невинным видом:

– Он величайший король, которого знала эта страна. Большая честь быть при его дворе, высочайшая привилегия находиться рядом с ним.

– Полюбили бы вы его как мужчину?

Я опустила глаза и покраснела:

– Не осмеливаюсь и думать об этом. Король даже не взглянул в мою сторону.

– Взглянул, и не раз, можете быть уверены, – решительно заявил он. – А если взглянет еще разок, мисс Доброта, оправдаете ли вы свое имя, будете ли добры к нему?

– Ваше… – Я прикусила язык, чуть не сказав «ваше величество», и оглянулась в поисках Анны. Как никогда, пригодилось бы мне сейчас ее остроумие.

– Ваше имя Доброта, – напомнил король.

Я улыбнулась ему, украдкой взглянула сквозь маску:

– Значит, придется быть доброй.

Музыканты кончили играть и ждали, готовые выполнять приказания короля.

– Снять маски, – провозгласил он и сорвал маску с лица.

Увидев короля Англии, я открыла рот от удивления и пошатнулась.

– Она падает в обморок! – закричал Джордж.

Разыграно было хорошо. Я упала на руки королю, Анна скользнула ко мне, отколола маску и – блестящая игра – сбросила мою шляпу так, что поток золотистых волос рассыпался по руке короля.

Я открыла глаза. Его лицо было совсем близко. Почувствовала запах его волос, дыхание на своей щеке. Губы так близко, словно собирается меня поцеловать.

– Вы должны быть добры ко мне, – напомнил он.

– Вы король… – произнесла я недоверчиво.

– Вы обещали мне доброту.

– Но я не знала, что это вы, ваше величество.

Он нежно поднял меня и перенес к окну. Сам открыл окно, холодный воздух ворвался в помещение. Я тряхнула головой, пусть волосы развеваются на сквозняке.

– Упали в обморок от страха? – прошептал он.

Я опустила глаза.

– От счастья, – прошептала я нежно, словно девственница на исповеди.

Король наклонил голову и поцеловал мне руку. Потом встал на ноги и громко провозгласил:

– А теперь обедать!

Я обернулась, ища глазами Анну. Она сняла маску, окинула меня долгим оценивающим взглядом – взглядом Болейнов и Говардов, ее взгляд говорил: «Что тут произошло и как мне это использовать?»

Будто под золотой маской была другая, красивая маска из собственной кожи, и только под ней – настоящая женщина, улыбающаяся мне тайно от всех.

Король подал руку королеве, та с такой радостной готовностью поднялась со стула, словно ей доставляло удовольствие наблюдать, как ее муж флиртует со мной. Но на меня она взглянула пристально и сурово, как бы кладя конец нашей дружбе.

– Надеюсь, вы оправились от обморока, миссис Кэри? Может быть, вам лучше пойти в свою комнату?

– У нее просто кружится голова от голода, – быстро вмешался Джордж. – Могу я проводить сестру к столу?

Анна выступила вперед:

– Король напугал ее, когда снял маску. Никто и предположить не мог, что это вы, ваше величество!

Король рассмеялся от удовольствия, и весь двор рассмеялся вслед за ним. Только королева поняла, что мы трое так вывернули ее приказ, что вопреки высказанному ею желанию я все-таки приму участие в обеде. Она оценила силу трех. Я – не Бесси Блаунт, за которую некому заступиться. Я – Болейн, а Болейны действуют сообща.

– Пообедайте с нами, Мария, – пригласила она, но в словах ее не было теплоты.

Мы свободно уселись за круглый стол, рыцари Зеленой виллы и дамы вперемежку. Кардинал Уолси, как хозяин, сел напротив короля и королевы, а остальные разместились кто где хотел. Джордж усадил меня рядом с собой, а Анна завладела вниманием моего мужа. Король, сидя напротив, пристально смотрел на меня, я старательно отводила глаза. Справа от Анны устроился Генрих Перси Нортумберленд[11], а по другую сторону от Джорджа – Джейн Паркер, которая внимательно наблюдала за мной, будто пытаясь разгадать секрет моего успеха.

Я ела немного, хотя на столе были и пироги, и паштеты, и разные виды мяса, и дичь. Я взяла только немного салата, любимого блюда королевы, выпила вина с водой. Мой отец присоединился к нам во время трапезы, подсел к моей матери. Она сразу же зашептала ему что-то на ухо, он окинул меня взглядом – чисто торговец лошадьми, оценивающий молодую кобылку. Но поднимала ли я глаза или смотрела в сторону, пристальный взгляд короля преследовал меня постоянно.

[11] *Генрих Перси* (1500–1537) – лорд, граф Нортумберленд, поклонник Анны Болейн, а в дальнейшем один из ее судей.

По окончании трапезы кардинал пригласил нас в зал послушать музыку. Анна свела меня по ступенькам, и, когда появился король, мы обе сидели на скамье напротив стены. Так естественно для него осведомиться о моем самочувствии. Конечно, мы с Анной встали, когда подошел король, он сел на освободившуюся скамью и предложил мне место рядом. Анна сделала шаг в сторону, будто поболтать с Генрихом Перси, и тем самым заслонила нас с королем от всего двора, особенно от пристального взгляда улыбающейся королевы Екатерины. Мой отец подошел к ней и, пока музыканты играли, завел разговор. Все проделано легко и непринужденно; получается, в комнате, полной людей, король и я невидимы для посторонних глаз, музыка заглушает наш шепот, а все члены семьи Болейн дружно стараются скрыть происходящее.

– Вам лучше? – спросил король вполголоса.

– Никогда в жизни так хорошо себя не чувствовала.

– Завтра я собираюсь на верховую прогулку. Вы сможете присоединиться?

– Если ее величество обойдется без меня, – ответила я, не решаясь рисковать милостью королевы.

– Попрошу королеву освободить вас на утро. Объясню – вам необходим свежий воздух.

– Каким бы вы были замечательным врачом, ваше величество! Можете поставить диагноз и обеспечить лечение в течение всего дня!

– А вам надлежит стать послушной пациенткой и следовать всем советам.

– Обещаю. – Я опустила глаза, но все равно чувствовала его пристальный взгляд. Душа моя парила, так высоко я не улетала даже в мечтах.

Он понизил голос:

– Со временем придется прописать вам постельный режим.

Я поймала его пристальный взгляд, покраснела, попыталась ответить, сбилась и замолчала. Музыка тоже внезапно смолкла.

– Играйте еще, – попросила моя мать.

Королева Екатерина оглянулась вокруг, ища короля, и заметила его рядом со мной.

– Начнем танцы? – спросила она.

Это был королевский приказ. Анна и Генрих Персизаняли свои места в ряду, музыканты заиграли. Я вскочила на ноги, Генрих направился к королеве и сел подле нее. Моим партнером оказался Джордж.

– Выше голову! – резко бросил он. – А то выглядишь виноватой.

– Она смотрит на меня.

– Конечно. Но важнее, что на тебя смотрит *он,* а еще важнее, отец и дядя Говард тоже смотрят и ждут от тебя поведения, подобающего молодой преуспевающей даме. Ты поднимаешься наверх, миссис Кэри, и мы все поднимемся вместе с тобой.

Вскинув голову, я беззаботно улыбнулась брату. Танцевала так грациозно, как только могла, приседала, поворачивалась, кружилась в его заботливых руках, а король и королева наблюдали за мной.

Семейный совет держали в большом доме дяди Говарда. Мы собрались в библиотеке, где книги в темных переплетах смягчали уличный шум. Двое слуг в наших говардовских ливреях стояли снаружи у дверей, чтобы никто не помешал и не смог подслушать. Мы собирались обсудить семейные дела, семейные тайны. Никого, кроме Говардов, рядом быть не должно.

Причиной и героем встречи была я, и все вертелось вокруг меня. Я – та пешка, которой надо рискнуть для достижения успеха. Все сосредоточилось на мне. Сердце мое билось чаще от сознания собственной значительности и одновременно трепетало от страха – вдруг подведу всех.

– Она может иметь детей? – спросил дядя Говард у моей матери.

– У нее регулярные месячные, и она здоровая девочка.

Дядя кивнул:

– Если король возьмет ее и она понесет от него бастарда, нам будет ради чего играть.

В этот момент ужасающей сосредоточенности я вдруг заметила: его рукава, отороченные мехом, скользнули по деревянной поверхности стола, яркий цвет плаща вобрал в себя блеск огня в камине.

– Она не может продолжать спать с Кэри. Брак надо приостановить, пока король благоволит ей.

Я онемела от изумления. Интересно, кто скажет об этом моему мужу? И, кроме того, мы поклялись быть вместе, мы заключили брак, чтобы иметь детей, и кого Бог соединил, человек разлучить не может.

– Я не должна… – начала я.

Анна дернула меня за платье, прошипела:

– Ш-ш-ш!

Мелкие жемчужины на ее французском чепце словно заговорщицки подмигнули мне.

– С Кэри поговорю я, – решил отец.

Джордж сжал мою руку:

– Если ты забеременеешь, король должен быть уверен, что ребенок от него.

– Я не могу стать его любовницей!

– У тебя нет выбора, – покачал головой брат.

– Я не смогу этого сделать! – сказала я громко.

Уютно устроившись в крепких объятиях Джорджа, я смотрела вдоль длинного стола на дядю, чей острый ястребиный взгляд не упускал ничего.

– Сэр, я люблю королеву, она великая женщина, и я не могу ее предать. Я поклялась перед Богом принадлежать только своему мужу, как я могу предать его? Конечно, король – это король, но вы ведь не всерьез, правда? Сэр, я никак не могу.

Он не ответил. Такова была его власть, он даже не считал нужным отвечать.

– Ну и что мне делать с такой чувствительной совестью? – произнес он, ни к кому не обращаясь.

– Предоставьте это мне, – просто сказала Анна. – Я сумею объяснить Марии положение вещей.

– Не молода ли ты для роли наставника?

Она встретила взгляд дяди со спокойной уверенностью:

– Я воспитывалась при самом блистательном дворе мира и времени даром там не теряла. Внимательно наблюдала, разглядела все, на что стоило смотреть. Я понимаю, что здесь требуется, и научу Марию, как себя вести.

Дядя мгновение помедлил.

– Не стоит изучать науку флирта слишком уж подробно, мисс Анна.

– Конечно нет, – ответила она безмятежно, как монахиня.

Я пожала плечами:

– С какой стати мне слушаться Анну?

Я была разочарована, с чего это Анна завладела их вниманием. Мы же собрались обсуждать меня!

– Хорошо, я доверяю тебе подготовить Марию. И тебе тоже, Джордж. Ты знаешь вкусы короля, следи, пусть Мария будет у него на глазах.

Оба кивнули. Последовало недолгое молчание.

– Я поговорю с отцом Кэри, – предложил мой отец. – Уильям, наверное, и сам этого ждет, он далеко не дурак.

Дядя мельком взглянул через стол на Анну и Джорджа. Они стояли по обе стороны от меня, больше похожие на тюремщиков, чем на друзей.

– Помогайте сестре, – приказал дядя. – Обеспечьте все, что нужно, для обольщения короля. Идите на любые хитрости, доставайте все, что ей потребуется, научите ее всему необходимому. Не забывайте, мы будем наблюдать, посмотрим, удастся ли вам обоим уложить сестру в его постель. Награда будет велика. Но при неудаче мы потеряем все. Помните об этом!

Расставание с мужем оказалось неожиданно мучительным. Я мерила шагами спальню, пока горничная собирала вещи, чтобы перенести их в покои королевы. Он стоял среди хаоса туфель и платьев, брошенных на кровать, плащей, развешенных по стульям, шкатулок с драгоценностями, стоящих здесь и там, и не мог скрыть потрясения.

– Вижу, вы делаете карьеру, мадам.

Он был приятный молодой человек, из тех, что нравятся женщинам. Если бы наши семьи сначала не приказали нам заключить брак, а потом не велели расстаться, мы вполне могли бы привязаться друг к другу.

– Мне очень жаль, – неуклюже пробормотала я. – Вы знаете, я должна слушаться отца и дядю.

– Знаю, – резко ответил он. – Мне тоже приходится покоряться.

К моему облегчению, в дверях появилась, сияя озорной улыбкой, Анна:

– Как поживаете, Уильям Кэри? Вот приятная встреча!

Казалось, нет для нее большей радости, чем встретить зятя среди моей разбросанной одежды и обломков его надежд на счастливый брак и сына.

– Анна Болейн! – Он сухо поклонился. – Пришли помочь сестре – все выше и выше, да?

– Конечно, как и все мы. Никто из нас не прогадает, если Марии улыбнется удача.

Она бесстрашно выдержала его взгляд.

– Мне пора. – Он отвернулся к окну. – Король пригласил меня на охоту.

Помедлив, он пересек комнату и вежливо поцеловал мне руку. Я потерянно стояла среди раскиданной повсюду одежды.

– Сожалею о вас. И о себе также. Когда вы пошлете за мной, быть может, через месяц, быть может, через год, я постараюсь вспомнить сегодняшний день и вас, ребенка, потерявшегося среди всех этих платьев. Я вспомню, что вы невиновны в интригах, что по крайней мере сейчас вы просто маленькая девочка, а не член семьи Болейн.

Королева ничего не сказала по поводу того, что я стала одинокой женщиной и живу теперь вместе с Анной в маленькой комнате неподалеку от ее покоев. Внешне ее отношение ко мне не изменилось. Она всегда вежлива и спокойна. Если нужно что-нибудь для нее сделать: написать письмо, спеть, унести комнатную собачку, она просит меня об этом так же ласково, как прежде. Но она больше не приказывает мне почитать вслух Библию, никогда не приглашает сесть у ее ног, пока шьет, не благословляет меня перед сном. Я больше не ее любимая маленькая камеристка.

Но какое утешение ложиться спать вместе с Анной! Как во Франции, в дни нашего детства, мы задергиваем полог и шепчемся в темноте без опасения, что нас подслушают. Иногда Джордж украдкой оставляет королевские покои, чтобы навестить нас, забирается на высокую постель и, укрепив в шатком равновесии свечу в изголовье, достает колоду карт или кости и играет с нами, пока все остальные девушки спят в соседних комнатах, не подозревая, что неподалеку прячется мужчина.

Брат и сестра не поучали меня. Согласно своему коварному плану, они ожидали, пока я сама не признаюсь: роль, которую мне предстоит сыграть, выше моего понимания.

Я не сказала ни слова, когда мою одежду перенесли с одного конца дворца на другой, молчала, пока двор переезжал в Кент, в любимый замок короля Элтам, не возражала, двигаясь в составе кортежа бок о бок с мужем, а он ласково говорил о погоде и хвалил мою лошадь, вернее – лошадь Джейн Паркер, одолженную мне с большой неохотой, только как дань семейным амбициям. Но когда мы остались наедине с Джорджем и Анной в саду Элтама, я заговорила решительно:

– Не смогу этого сделать!

– Чего именно? – резко спросил Джордж.

Мы выгуливали собачку королевы. Бедное создание растрясло за целый день поездки на луке седла, и теперь она выглядела совсем больной.

– Ко мне, Фло! – ободряюще позвал брат. – Ищи, ищи!

– Я не могу быть с мужем и королем в одно и то же время! Как можно шутить и смеяться с королем, когда за нами муж наблюдает?

– Почему бы и нет?

Анна бросила мяч, он покатился по земле, но собачка вместо того, чтобы броситься вдогонку, без особого интереса проводила его глазами.

– Беги же! – воскликнула Анна. – Вот глупое создание!

– Я чувствую, что это неправильно.

– Ты знаешь лучше, чем твоя мать?

– Конечно нет!

– Лучше, чем отец? Чем дядя?

Я покачала головой.

– Они планируют для тебя великое будущее, – торжественно произнесла Анна. – Любая девушка в Англии жизнь отдаст за выпавшую тебе возможность, а ты жеманишься. Смеяться его шуткам она, видите ли, не может! Да у тебя мозгов меньше, чем у Фло.

Анна легонько поддела собачонку носком сапожка для верховой езды, подтолкнула ее в нужном направлении, но Фло уселась на дорожке, такая же упрямая и несчастная, как я.

– Полегче! – предостерег сестру Джордж, нежно взяв меня под руку. – Все не так плохо. Уильям ехал рядом с тобой, чтобы тебя подбодрить, а не для того, чтобы ты чувствовала себя виноватой. Он знает, у короля особый путь. Мы все это знаем. Уильям и сам будет в выигрыше, ты принесешь ему благоволение короля. Выполнишь свой долг, возвысишь его семью. Он будет только благодарен. Поверь, ты не делаешь ничего плохого.

Я медлила, переводя взгляд с брата на сестру.

– Еще одно… – с трудом призналась я.

– Что еще? – спросил Джордж.

Анна следила глазами за собачонкой, но я знала, все ее внимание направлено на меня.

– Я не знаю, как это делается, – почти прошептала я. – С Уильямом это бывало от силы раз в неделю, в полной темноте, быстро и никогда мне особо не нравилось. Я просто не знаю, как полагается себя вести.

Джордж поперхнулся смешком и обнял меня за плечи:

– Прости, я не хотел над тобой смеяться. Но ты все неправильно поняла. Ему вовсе не нужна опытная женщина. Их хватает в любой бане в Сити. Он хочет тебя. Именно ты ему нравишься. Ему будет приятна твоя застенчивость и неуверенность. Так что все в порядке.

– Эй! – раздался крик позади нас. – Тройка Болейн!

Мы обернулись. На верхней террасе стоял король, все еще в дорожном плаще и лихо заломленной шляпе.

– Мы идем!

Джордж отвесил низкий поклон, мы с Анной одновременно присели в реверансе.

– Не устали в дороге? – спросил король. Вопрос был общим, но смотрел он на меня.

– Вовсе нет!

– У вас славная кобылка, только спина коротковата. Я достану вам новую лошадь.

– Ваше величество очень добры. Эта лошадь не моя. Я была бы рада иметь собственную.

– Можете выбрать что-нибудь подходящее на конюшнях. Пойдемте прямо сейчас и посмотрим.

Он протянул руку, я мягко положила ладонь на дорогую ткань его рукава.

– Я вас почти не чувствую. – Он положил руку сверху и плотно прижал. – Вот так. Я хочу знать, что держу вас, миссис Кэри! – Голубые глаза сияли, он дотронулся до моего французского чепца, потом до волос, потом до лица. – Я должен знать, что держу вас!

Рот у меня пересох, дыхание перехватило, но я улыбнулась, чувствуя одновременно и страх и желание.

– Я счастлива быть с вами.

– В самом деле? – внезапно напрягшись, спросил король. – Это правда? Не принуждение? Не хочу фальши. Придете ко мне по собственной воле?

– О ваше величество! Разве я не танцевала с вами на празднестве у кардинала Уолси, даже не зная, кто вы?

Воспоминания были ему приятны.

– О да! Вы лишились чувств, когда я снял маску. Кто же, по-вашему, это был?

– Я об этом не думала. Знаю, звучит глупо, но мне казалось, что вы гость на празднике, новый прекрасный незнакомец, с которым мне, к счастью, довелось танцевать.

Он рассмеялся:

– О миссис Кэри! Такое милое личико и такие рискованные мысли! Мечтали о прекрасном незнакомце, который явится ко двору и выберет вас?

– Я не хотела ничего плохого. – На мгновение я испугалась, что это слишком сладко даже для него. – Когда вы пригласили меня танцевать, просто забыла, как подобает себя вести. Уверена, что не сделала бы ничего дурного. Просто наступил момент, когда я…

– Когда вы…

– Когда я забыла.

Мы дошли до арки, ведущей к конюшням. Король остановился под каменным сводом, развернул меня к себе. Я почувствовала каждую частичку своего тела, от сапожек для верховой езды, скользящих по булыжнику, до глаз, устремленных вверх, на него.

– Может быть, забудете снова?

Я медлила с ответом, но тут раздался голос Анны:

– Какую лошадь вы, ваше величество, предполагаете выбрать для моей сестры? Надеюсь, убедитесь, какая она хорошая наездница.

Король выпустил меня и повел нас на конюшню. Мужчины осматривали одну лошадь за другой.

– Помоги ему увлечься, – прошептала Анна, подходя ко мне, – но не давай понять, что и сама увлечена. Пусть добивается тебя, не подозревая, что его заманивают. Если он предоставляет тебе выбор – идти вперед или отступить, как сейчас, – всегда отступай…

Король с улыбкой повернулся ко мне, пока Джордж приказывал слуге вывести из стойла красивую гнедую лошадку.

– Но не слишком быстро, – предостерегающе прошептала сестра, – дай возможность себя поймать.

Вечером я на виду у всего двора танцевала с королем, а на другой день скакала бок о бок с ним на новой лошади. Королева, сидя за главным столом, следила за нами во время танца, а провожая короля на охоту, махнула рукой на прощание. Все знали, что король соблазняет

меня и я уступлю, когда мне прикажут уступить. Один лишь король ни о чем не догадывался и полагал, что скорость ухаживания зависит лишь от силы его страсти.

Первая награда пришла несколькими неделями позже, в апреле. Отец был назначен казначеем, это открывало ему доступ к ежедневным доходам королевского двора и позволяло расхищать их по своему усмотрению. Однажды перед обедом он отозвал меня для разговора с глазу на глаз, пока ее величество занимала свое место за почетным столом.

– Мы с дядей довольны тобой. Джордж и Анна уверяют, что под их руководством ты все делаешь правильно.

Я присела в реверансе.

– Это только начало, – напомнил отец. – Не забывай, ты должна не только обладать, но еще и сохранять.

Я вздрогнула, когда он произнес знакомые слова венчального обряда.

– Я помню, – только и смогла я сказать. – Не забуду.

– Он уже на что-нибудь решился?

– Нет еще. Только слова и взгляды.

– А ты отвечаешь?

– Улыбками.

Я не сказала отцу, что с ума схожу от счастья: за мной ухаживает самый могущественный человек в королевстве. Легко следовать советам сестры и улыбаться без конца. Легко краснеть, если одновременно мечтаешь и убежать подальше, и прижаться как можно теснее.

Отец кивнул:

– Неплохо. Можешь вернуться на свое место.

Я снова сделала реверанс и поспешила в зал, успев как раз перед тем, как вошли слуги. Королева сурово посмотрела на меня, будто собираясь сделать выговор, но поймала взгляд своего мужа. Король не отрываясь смотрел на меня – вот я иду по залу, занимаю место среди ожидающих дам. Странное выражение появилось у него на лице, словно он не видел и не слышал ничего, словно весь зал исчез и осталась только я, мой голубой плащ с капюшоном, пушистые волосы, не закрывающие лица, улыбка, трепещущая на губах, – в ответ на его желание. Королева тоже ощутила жар его взгляда, сжала тонкие губы и отвернулась.

Вечером он пришел в ее покои.

– Нельзя ли послушать музыку? – попросил он.

– Миссис Кэри нам сыграет, – приветливо откликнулась королева, подталкивая меня вперед.

– Ее сестра Анна поет мелодичнее, – возразил король.

Анна победно взглянула на меня.

– Спойте нам одну из ваших французских песенок!

Анна присела в грациозном реверансе:

– Вашему величеству достаточно приказать. – Легкий французский акцент в ее речи усилился.

Королева молча следила за этой переменой. Я поняла ее удивление – неужели теперь королевская прихоть обратилась на другую сестру Болейн? Но он просто притворялся. Анна села на скамеечку посреди комнаты, с лютней на коленях, и запела – он прав, мелодичнее, чем я. Королева сидела в своем любимом кресле с мягкими расшитыми подлокотниками и удобной спинкой, на которую она никогда не опиралась. Вместо того чтобы расположиться рядом с ней в таком же кресле, король подошел ко мне и занял пустующее место Анны.

– Красивая работа. – Он смотрел на шитье у меня в руках.

– Рубашки для бедных. Королева добра к бедным.

– Да, конечно. Но как быстро ваша игла снует вниз и вверх! Я бы сразу все запутал. Какие у вас проворные крошечные пальчики!

Он склонился к моей руке, а я поймала себя на том, что мечтаю дотронуться до густых завитков у него на шее.

– Ваши ручки вдвое меньше моих, – протянул он. – Покажите-ка мне.

Я воткнула иголку в шитье и протянула руку – ладонью вперед. Пристально глядя мне в лицо, он сделал то же самое. Наши руки еще не соприкоснулись, а я уже ощутила тепло его ладони. Усы над верхней губой слегка курчавятся. Интересно, они мягкие, как темные редкие усики моего мужа, или жесткие, как золотая проволока? Похоже, они крепкие и колючие, расцарапают мне кожу, и каждый догадается, что мы целовались. Но его чувственные губы манили, я мечтала коснуться их, попробовать на вкус.

Он медленно приближал свою ладонь к моей, как танцор в паване. Вот ладони соприкоснулись, меня точно обожгло. Его губы дрогнули, – кажется, он это заметил. Моя холодная ладошка скользнула вдоль его руки, кончики пальцев встретились. Я ощутила тепло его кожи, нащупала мозоль от стрельбы из лука на одном из пальцев, почувствовала жесткую ладонь мужчины, который скачет верхом, охотится, играет в теннис и может весь день напролет держать копье или меч. Я отвела взгляд от его губ, заметила, с какой радостной готовностью он смотрит на меня. Его взгляд собрался в одну точку, словно солнечный свет, прошедший сквозь зажигательное стекло. Да, он просто излучает страсть.

– Кожа такая мягкая, – шепчет он, – а ручки крохотные, как я и думал…

Предполагалось, что мы сравниваем длину наших пальцев, и, хотя этот предлог давно исчерпал себя, мы продолжаем сидеть ладонь к ладони, глаза в глаза. Медленно, непреклонно его рука сжимает мою и держит нежно, но крепко.

Анна допела песню и без паузы, не меняя тона, чтобы не разрушить чары, начала другую, но тут вмешалась королева.

– Ваше величество смущает миссис Кэри, – произнесла она со смешком, будто ухаживание мужа за женщиной двадцатью тремя годами моложе могло ее только позабавить. – Ваш друг Уильям не поблагодарит, если его жена по вашей милости начнет лениться. Она обещала подрубить рубашки для монахинь из Духова монастыря, но еще и половины не сделала.

Король отпустил меня и обернулся к жене.

– Уильям меня простит, – отозвался он беспечно.

– Я бы хотела сыграть в карты, – сказала королева. – Присоединитесь ко мне, муженек?

На мгновение я решила – у нее получится, на ее стороне долгие годы привязанности. Король встал, пошел было к королеве, но обернулся. В моем взгляде не было расчета – ну, почти не было. Просто молодая женщина, страстно провожающая мужчину глазами.

– Моей партнершей будет миссис Кэри. Может, пошлете за Джорджем Болейном, тогда сыграем с двумя Болейнами.

– Я предпочитаю Джейн Паркер, – спокойно ответила королева.

– Отлично проделано!

Вечером в нашей спальне Анна причесывалась возле камина. Она склонила голову набок, темные длинные волосы упали на плечо душистым водопадом.

– Трюк с ладонями очень хорош. Чем это таким вы занимались?

– Он сравнивал размер наших рук.

Я заплела косу, надела ночной чепец, завязала белые ленты.

– Когда наши руки соприкоснулись, я почувствовала…

– Что?

– Ожог. Правда. Будто его прикосновение могло обжечь меня.

Анна взглянула с сомнением:

– Что ты имеешь в виду?

Я уже не могла остановиться:

– Я хотела, чтобы он до меня дотронулся. Абсолютно умирала от желания. Хотела его поцеловать.

– Ты хочешь его? – недоверчиво спросила Анна.

Обхватив себя руками, я опустилась на низкий каменный подоконник.

– О боже, да. Я не представляла, что дойду до этого. Да, да!

– Надеюсь, отец с матерью тебя не услышат. Тебе приказали ловко вести игру, а не предаваться мечтам, словно ты – томящаяся от любви дурочка.

– Ты думаешь, он меня не хочет?

– Хочет – сию минуту. А через неделю? Через год?

Тут раздался стук, и Джордж просунул голову в дверь:

– Можно войти?

– Только ненадолго, – нелюбезно отозвалась Анна. – Мы уже ложимся.

– Я тоже собираюсь лечь. Мы пили с отцом, сейчас я иду спать, а утром встану пораньше и на трезвую голову повешусь.

Я едва слушала. Глядя в окно, я вспоминала, как ладонь Генриха касалась моей ладони.

– Что случилось? – спросила Анна.

– Свадьба назначена на будущий год. Завидуете?

– Почему все вступают в брак, кроме меня? – раздраженно спросила Анна. – С Ормондами дело заглохло, а больше никого на примете нет. Мне что, в монахини идти?

– Неплохая мысль, – отозвался Джордж. – А меня они примут?

– Хорошая аббатиса из тебя выйдет! – Я наконец уловила смысл их разговора и со смехом отвернулась от окна.

– Получше некоторых! – весело отозвался Джордж, пытаясь сесть на скамью, но промахнулся и шлепнулся на пол.

– Ты пьян! – укорила я брата.

– И от этого злишься, – добавила Анна.

– Что-то в моей будущей жене просто поражает. Какая-то она, – он искал слово, – протухшая…

– Ерунда, – возразила Анна. – У нее большое приданое и хорошие связи, королева к ней благоволит, отец ее – уважаемый и богатый человек. Чего тебе еще?

– У нее рот как кроличий силок, а глаза одновременно и теплые и холодные.

Анна рассмеялась:

– Поэт!

– Я понимаю, что Джордж имеет в виду. Страстная и скрытная одновременно.

– Просто благоразумная, – возразила Анна.

Джордж покачал головой:

– Холодная и жаркая разом. Сплошные причуды, ничего не разберешь. Собачья жизнь меня ждет.

– Женись, ляг с ней в постель и отправь в деревню, – нетерпеливо возразила Анна. – Ты же мужчина, можешь поступать как захочешь.

Джордж заметно повеселел:

– Сплавлю ее в Хевер!

– Или в Рочфорд-холл. А король обязательно пожалует тебе новое поместье на свадьбу.

Джордж поднес к губам фляжку:

– Кто-нибудь хочет попробовать?

– Давай! – Я пригубила холодное терпкое красное вино.

Анна поджала губы.

– Я иду спать. А ты, Мария, постыдилась бы пить в такое время. – Она откинула одеяла, забралась в постель и подоткнула простыни. – Оба вы слишком беспечны, – изрекла сестра.

Джордж скорчил гримасу:

– Она еще и командует!

– Очень строгая, – прошептала я, изображая почтительность. – Никогда не подумаешь, что полжизни провела при французском дворе и занималась лишь тем, что флиртовала.

– Больше похожа на испанку, чем на француженку, – поддразнил Джордж.

– К тому же незамужняя. Испанская дуэнья.

Анна откинулась на подушку и натянула одеяла:

– Не старайтесь, я все равно не слушаю.

– Кто ее возьмет? – задал вопрос Джордж. – Кому она нужна?

– Кто-нибудь найдется! Младший сын или бедный старый сквайр.

Я передала фляжку Джорджу.

– Вот увидите, – донеслось с кровати, – мой брак будет лучше, чем у вас обоих. И если в ближайшее время дело не сдвинется, я сама что-нибудь придумаю.

Джордж вернул мне фляжку:

– Прикончи ее! Мне уже более чем достаточно.

Большим глотком я допила вино и забралась на кровать со своей стороны:

– Спокойной ночи, Джордж!

– Посижу немного возле огня. У нас, Болейнов, все отлично, не так ли? Я обручен, ты почти затащила короля в постель, а маленькая мадемуазель Совершенство свободна, и весь брачный рынок к ее услугам.

– Да, у нас все отлично.

Я вспомнила настойчивый взгляд голубых глаз короля на своем лице, медленно скользящий от верха моей шляпы до воротника плаща, зарылась в подушку, чтобы никто не услышал, прошептала:

– Генрих. Ваше величество. Любовь моя.

На следующий день неподалеку от Элтама проводился турнир. Усадьбу Фиарсон построил во время предыдущего царствования один из многочисленных придворных, достигших богатства при отце короля. Все они были людьми практичными, а предыдущий король – самым крепким орешком из всех.

Дом был большой, величественный, однако без крепостной стены и рва. Сэр Джон Ловик верил в вечный мир в Англии, поэтому построил дом, не нуждающийся в защите, дом, который невозможно защитить. Вокруг бело-зеленой шахматной доской разбиты сады – белые камни, дорожки и бордюры вокруг клумб, окруженных зеленью травы. Дальше парк, где хозяин охотится на оленей, а между парком и садами ровная зеленая лужайка круглый год ожидает – не захочет ли король устроить турнир.

Шатер для королевы и придворных дам затянут вишнево-красным и белым шелком, хорошо сочетающимся с вишневым платьем королевы. В ярком наряде она выглядит румяной и помолодевшей. Я в зеленом, это платье я надевала во время маскарада на Масленой неделе, когда король впервые обратил на меня внимание. Зеленый оттеняет мои волосы, и они кажутся еще более золотистыми, глаза сияют. Я стояла возле кресла королевы и знала – любой, переводя взгляд с нее на меня, думает: королева – прекрасная дама, но годится мне в матери. А мне только четырнадцать, я готова для любви, готова для страсти, полностью созревшая женщина и в то же время девушка в цвету.

В трех первых сражениях принимали участие придворные невысокого ранга – надеялись, рискуя жизнью, привлечь к себе внимание. Они были достаточно искусны, не говоря

уже о паре весьма впечатляющих приемов, а когда один рыцарь сбросил с коня куда более крупного противника, раздались громкие рукоплескания. Победитель спешился и снял в знак благодарности шлем. Стройный, светловолосый, привлекательный. Анна толкнула меня локтем:

– Кто это?

– Всего лишь один из Сеймуров.

Королева повернулась ко мне:

– Миссис Кэри, не сходите ли к шталмейстеру, чтобы узнать, когда скачет мой муж и какого коня он выбрал?

Я повернулась, собираясь выполнить приказание, и поняла, почему меня отсылают, – по лужайке к нашему шатру медленно приближался король. Я сделала реверанс и пошла не торопясь, надеясь, что он заметит, как я медлю около навеса. Вдруг он прервал разговор и ускорил шаг. Его доспехи с золотой насечкой пылают серебром. Кожаные ремни, держащие нагрудник, перчатки – красные, гладкие, как бархат. Он кажется таким высоким – героический полководец давних войн. Металл сверкает на солнце, пришлось даже отступить в тень и прикрыть ладонью глаза.

– Миссис Кэри в ярко-зеленом!

– Вы весь сияете!

– А вы, наверное, ослепительны даже в самом темном наряде!

Я молча смотрела на него. Окажись Анна или Джордж поблизости, они подсказали бы мне подходящий ответ. Но вся моя находчивость исчезла, вытесненная страстью. Незачем говорить, по лицу видно – я полна желания. Король тоже молчал. Так мы и стояли – глаза в глаза, сосредоточенно вопрошая друг друга, читая во взгляде ответную страсть.

– Я должен видеть вас наедине, – сказал наконец король.

Я не стала кокетничать:

– Ваше величество, я не могу.

– Не хотите?

– Не смею.

Он глубоко вдохнул, будто мог ощутить запах желания:

– Вы можете довериться мне.

Я оторвала от него взгляд, отвернулась и, ничего не видя вокруг, повторила бесхитростно:

– Не смею.

Он поднес мою руку к губам и поцеловал. Я ощутила тепло его дыхания и наконец нежное прикосновение усов.

– Мягкие!

Он поднял глаза:

– Мягкие?

– Ваши усы, – объяснила я. – Все думала, какие они при прикосновении.

– Вы думали о моих усах?

У меня загорелись щеки.

– Да.

– Какие от них ощущения при поцелуе?

Я опустила голову, чтобы не видеть сияния его голубых глаз, и незаметно кивнула.

– Вам хотелось, чтобы я вас поцеловал?

Я подняла глаза и сказала в отчаянии:

– Ваше величество, мне пора идти. Королева послала меня с поручением и захочет знать, куда я делась.

– Куда она вас послала?

– К шталмейстеру, чтобы узнать, на какой лошади вы скачете.

– Я сам могу ей это сказать. Зачем вам идти по такому солнцепеку?

– Мне нетрудно исполнить ее просьбу.

Он неодобрительно фыркнул:

– Видит бог, у королевы достаточно слуг, чтобы гонять их взад-вперед. При ней – вся испанская свита, а я с трудом содержу даже маленький двор.

Краем глаза я заметила Анну – она вышла из-за драпировок и застыла, увидев нас с королем так близко друг от друга.

Он мягко отстранился:

– Пойду к королеве – отвечу на все вопросы о лошадях. А вы куда?

– Приду через минуту. Мне нужно прийти в себя, я чувствую… – Я запнулась, не в силах выразить свои ощущения.

Он нежно взглянул на меня:

– Слишком юна для таких игр, Болейн там или не Болейн. Думаю, вам помогают – учат, как попадаться мне на глаза, как поступать.

Я бы призналась в семейном заговоре, если бы не Анна. Стоя в тени шатра, она наблюдала за нами. Пришлось покачать головой:

– Это не игра. – Я отвернулась. Губы задрожали. – Клянусь, для меня это не игра, ваше величество.

Он взял меня за подбородок, повернул к себе.

С ужасом, смешанным с восторгом, я ждала – сейчас он меня поцелует на виду у всех.

– Вы меня боитесь?

Я устояла перед искушением прижаться к его руке.

– Боюсь того, что может случиться.

– Между нами? – Он улыбнулся самоуверенно, – похоже, желанная женщина почти у него в руках. – Ничего плохого не случится, Мария, если вы меня полюбите. Даю слово. Будете моей возлюбленной, моей маленькой королевой.

Я только рот раскрыла.

– Подарите мне свой шарф, чтобы на турнире у меня был ваш залог, – потребовал он.

Я оглянулась по сторонам:

– Только не здесь!

– Тогда передайте через Джорджа. Я не буду носить шарф на виду. Спрячу под нагрудник поближе к сердцу.

Я кивнула.

– Так дадите мне залог?

– Если желаете.

– Еще как желаю.

Отвесив поклон, он повернулся к шатру королевы. Анна исчезла, как добрый дух.

Спустя пару минут я сама отправилась вслед за ними. Встретив вопросительный взгляд королевы, присела в реверансе:

– Ваше величество, я вернулась, потому что увидела – король сам направляется к вам, чтобы ответить на все вопросы.

– Надо было послать слугу, – резко заметил король. – Нечего было гонять миссис Кэри в такую жару по солнцепеку.

Королева помедлила лишь секунду.

– Мне очень жаль. Как неразумно с моей стороны.

– Не передо мной нужно извиняться, – многозначительно произнес король.

Я думала, она заупрямится; Анна рядом со мной вся напряглась, и я поняла – она тоже ждет, что же теперь сделает принцесса Испании и королева Англии.

– Простите, миссис Кэри, если я доставила вам неудобство, – сказала та спокойно.

Жалкая победа. Богато устланный коврами шатер, женщина, годящаяся мне в матери, и я полна сочувствия – ей же так больно. Я даже забыла о короле, остались только мы двое, обреченные стать источником страдания друг для друга.

– Всегда рада служить вам, королева Екатерина, – ответила я, и это было правдой.

Она взглянула на меня, будто читая мои мысли, и повернулась к мужу:

– Лошади готовы к турниру? Вы уверены в себе, ваше величество?

– Сегодня – или я, или Суффолк.

– Вы будете осторожны, сир? Не беда – проиграть такому бойцу, как герцог, но если что-то случится с вами – королевству конец.

Короля не особо обрадовало такое проявление любви и заботы.

– Вы правы – пока у нас нет сына.

Королева вздрогнула, краски сбежали с ее лица.

– Еще есть время, – прошептала она чуть слышно. – У нас еще есть время.

– Не так уж много, – отрезал он. – Мне пора, надо приготовиться.

Он прошел мимо, даже не взглянув на меня. Анна, я и остальные дамы присели в реверансе. Выпрямившись, я заметила – королева глядит на меня не как на соперницу, она снова видит во мне свою маленькую камеристку, всегда готовую услужить. Казалось, она ищет того, кто понимает, как ужасна участь женщины в этом мире мужчин.

Вошел Джордж, грациозно преклонил колени перед королевой:

– Ваше величество, я пришел к прекраснейшей даме Кента, Англии и всего мира.

– Встаньте, Джордж Болейн, – улыбнулась королева.

– Я бы предпочел умереть у ваших ног, – возразил он.

Королева легонько ударила его по руке веером:

– Я бы предпочла услышать о шансах короля в предстоящем турнире.

– Кто поставит против него? Он лучший наездник. Но я готов держать пари пять к двум во втором сражении. Сеймур против Говарда. Ни малейших сомнений, кто победит.

– Предлагаете поставить на Сеймура?

– Чтобы на нем было ваше благословение? Ни за что! Поставьте на моего кузена Говарда, ваше величество, и можете быть уверены в победе, а также в том, что поддержали одно из самых славных и верных семейств в стране.

Она рассмеялась:

– Вы просто отъявленный льстец! Сколько вы готовы проиграть?

– Скажем, пять крон?

– Идет!

– Я тоже поставлю, – вдруг заявила Джейн Паркер.

– Не могу предложить вам те же ставки, потому что все мое состояние и так в вашем распоряжении. – Джордж отвечал вежливо, но улыбка на лице погасла.

Это был все тот же язык куртуазной любви, язык флирта, непрестанно употребляемый в аристократических кругах, иногда он значил очень многое, но чаще вовсе ничего не значил.

– Я просто хочу поставить несколько крон. – Джейн старалась вызвать Джорджа на комплимент, в чем он всегда был мастер.

Анна и я насмешливо наблюдали за ней, даже и не думая помочь.

– Если я проиграю ее величеству – а вы видели, как милостиво она согласилась меня разорить, – у меня ничего не останется для других. Ведь рядом с ее величеством у меня ничего не остается для других – ни денег, ни сердца, ни глаз.

– Ни стыда ни совести, – подхватила королева. – Разве можно так разговаривать с невестой?

Джордж поклонился:

– Все мы – звездочки, окружающие прекрасную луну. Величайшая красота затмевает все.

– Уходите прочь, сверкайте где-нибудь еще, моя милая звездочка.

Джордж поклонился и отошел за шатер. Я скользнула за ним.

– Давай скорее, он – следующий.

Длинный белый шелковый шарф украшал верх моего платья. Я вытянула его из зеленых петель платья и вручила брату. Шарф исчез у него в кармане.

– Джейн видела нас.

– Не имеет значения. – Джордж покачал головой. – У нас с ней общие интересы, хочет она этого или нет. Мне пора идти.

Когда я вернулась в шатер, глаза королевы на мгновение остановились на пустых петлях у меня на груди, но она промолчала.

– Начинают! – воскликнула Джейн. – Очередь короля.

Я увидела – двое поддерживают его, помогая сесть в седло, так тяжелы доспехи. Чарльз Брендон, герцог Суффолк, зять короля, тоже вооружился, и вот уже двое всадников едут к нашему шатру. Король склоняет копье, приветствуя королеву, и так и держит опущенным, проезжая мимо шатра. Он приветствует и меня, я вижу его улыбку сквозь поднятое забрало. На плече из-под нагрудника выбивается что-то белое – я знаю, это кончик шарфа. Герцог Суффолк следом тоже склоняет копье перед королевой, а мне сухо кивает. Анна у меня за спиной тихонько вздыхает.

– Суффолк признал тебя, – шепчет она.

– Похоже на то.

– Конечно признал. Он поклонился. Похоже, король говорил о тебе с ним или со своей сестрой Марией, а уж она сказала мужу. Значит, он настроен серьезно, а как же иначе.

Я оглянулась. Королева смотрит вниз на арену, где король придержал коня. Боевой конь вскидывает голову, переступает с ноги на ногу в ожидании сигнала. Король беспечно сидит в седле, вокруг шлема – маленькая золотая корона, забрало опущено, копье направлено вперед. Королева наклоняется, чтобы лучше видеть. Звучит труба, всадники вонзают шпоры в бока коней, и те срываются с места, так что земля летит из-под копыт. Копья устремляются вперед, как стрелы, летящие в цель, трепещут вымпелы на концах копий, всадники сближаются. Король получает скользящий удар и отражает его щитом, ответный выпад оказывается удачнее – минуя щит, копье короля с глухим стуком бьет в нагрудник Суффолка. Внезапный удар выбивает противника из седла, а вес доспехов довершает остальное – он переваливается через круп лошади и со страшным грохотом падает на землю.

Его жена вскакивает на ноги:

– Чарльз! – И, подобрав, словно простолюдинка, юбки, несется к мужу, без движения лежащему на траве.

– Надо, пожалуй, тоже пойти. – Анна заспешила за своей госпожой.

Я отыскала глазами короля. Оруженосец освобождает его от тяжелых доспехов. Снял нагрудник – и вот мой белый шарф медленно падает на землю, а король ничего не замечает. Сняв ножные латы и наплечники, король на ходу натягивает плащ и спешит туда, где пугающе неподвижно лежит его друг. Королева Мария на коленях, поддерживает голову мужа, пока оруженосец стаскивает с него доспехи. Поднимает глаза на приближающегося брата, улыбается:

– Ничего страшного. Он уже обругал Питера – тот прищемил ему кожу пряжкой.

– Хвала Господу! – отвечает король со смехом.

Двое с носилками уже спешат к ним. Суффолк садится и решительно заявляет:

– Я в состоянии ходить! Будь я проклят, если меня унесут с поля битвы, пока я еще не умер!

– Вот и хорошо. – Генрих поставил зятя на ноги, подбежал еще кто-то, и они повели спотыкающегося Суффолка прочь, поддерживая его с обеих сторон.

– Оставайся, – бросил король сестре через плечо. – Устроим его поудобнее и поищем какую-нибудь повозку.

Услышав приказание, королева Мария остановилась. Тут подбежал королевский паж с шарфом в руках.

– Не сейчас, – резко произнесла королева Мария.

Парень замер в нерешительности:

– Но это он выронил, ваше величество. Когда снимал нагрудник.

Она протянула руку, и паж отдал шарф. Она, с отсутствующим видом комкая шарф в кулаке, посмотрела вслед мужу – король вел его в дом, где сэр Джон Ловик уже торопился открыть двери, позвать слуг, – и направилась обратно к шатру. Я бросилась было к королеве Марии, но замерла, не зная, что мне делать.

– Как он? – спросила королева Екатерина.

Королева Мария нашла в себе силы улыбнуться:

– Неплохо. Голова ясная, кости целы, нагрудник едва погнут.

– Что это у вас?

Королева Мария опустила глаза на измятую ткань:

– Ах это! Король выронил, а паж поднял и отдал мне.

Она раскрыла ладонь, не видя и не слыша ничего, по-прежнему занятая только мужем.

– Пойду к нему, – решила она. – Анна, вы и все остальные можете после обеда остаться с королевой.

Екатерина одобрительно кивнула, и королева Мария поспешила к дому. Проводив ее глазами, королева, как всегда неторопливо, развернула шелк. Тонкая ткань легко скользила между пальцами. И возле бахромы – вышитая ярко-зеленым шелком монограмма: «МБ».

– Видимо, это ваше? – Ее слабый голос был полон презрения.

Она держала шарф двумя пальцами, на расстоянии вытянутой руки, словно дохлую мышь, найденную на дне буфета.

– Давай, – шепнула Анна и подтолкнула меня в спину. – Возьми.

Я сделала шаг вперед. Королева выронила шарф, но я успела подхватить. Жалкий клочок ткани выглядел хуже половой тряпки.

– Спасибо, – смиренно произнесла я.

За обедом Генрих едва взглянул на меня. Несчастный случай поверг короля в меланхолию – придворные уже научились ее опасаться, – столь свойственную еще его отцу.

Королева не могла быть милее и приятней, но ни беседа, ни очаровательные улыбки, ни музыка не могли развеселить короля. Он без смеха наблюдал за ужимками шута, слушал музыку – и пил все больше. Королева никак не могла развеселить его, потому что отчасти сама была причиной его плохого настроения. Он смотрел на жену, женщину на пороге старости, и видел смерть за ее плечом. Пусть она проживет еще десяток лет, проживет сколько угодно – лицо уже покрывается морщинами, месячные скоро прекратятся… Королева прямиком движется к старости, так и не оставив наследника. К чему поединки, песни и танцы, игры весь день напролет, если нет мальчика, принца Уэльского, значит король не исполнил величайший, главнейший долг перед королевством. А бастард от Бесси Блаунт – не в счет.

– Уверена, Чарльз Брендон скоро поправится, – начала королева.

На столе стояли засахаренные сливы и пряное, сладкое вино. Королева сделала глоток, но вряд ли почувствовала вкус: король сидел рядом с ней с искаженным, потемневшим лицом – вылитый отец, а уж тот никогда не любил сноху.

– Не думайте, что это ваша вина, Генрих. Видит бог, поединок был честным, вы даже первым получили удар.

Король повернулся в кресле и холодно взглянул на королеву. Улыбка исчезла с ее лица, но она не спросила, в чем дело. Зрелая и мудрая леди, она не станет расспрашивать рассерженного мужчину о причине гнева. Бесстрашно улыбнулась и подняла бокал.

– Ваше здоровье, Генрих! – с теплотой в голосе произнесла королева. – Благодарю Бога – сегодня не вы получили рану. Бывало, умирая от страха, я бежала из шатра на арену, и сейчас, жалея вашу сестру королеву Марию, я ликую – сегодня не вы получили рану.

– Мастерски сделано, – шепнула Анна мне в самое ухо.

Это сработало. Мрачный взгляд посветлел. Генрих был покорен мыслью, что женщина может так за него волноваться.

– Никогда не видел вас в тревоге.

– Муж мой, я в тревоге день и ночь, но, пока вы здоровы и счастливы, пока в конце концов возвращаетесь домой, на что мне жаловаться?

– Ага, – еле слышно произнесла Анна. – Она дала ему разрешение и обезоружила тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Очнись! Разве не ясно? Она развеяла его дурное настроение и разрешила быть с тобой – если он вернется, когда все будет кончено.

Король поднял бокал для ответного тоста.

– А что будет дальше? – тихонько спросила я. – Ты же у нас все знаешь.

– Он возьмет тебя – ненадолго, – небрежно бросила Анна. – Но ты не встанешь между ними. Тебе его не удержать. Она стара, это правда, но обожает короля, а ему это необходимо. Во времена его юности Екатерина считалась прекраснейшей дамой во всем королевстве. Тебе этого не побороть, такая, как ты, для этого не подходит. Ты мила, почти влюблена в него, что полезно, но я не сомневаюсь – тебе его покорить не удастся.

– А кому удастся? – ошеломленно спросила я – она и вправду меня в грош не ставит. – Тебе, что ли?

Она взглянула на короля с королевой. Так военный оценивает стену перед осадой. Чисто профессиональный интерес.

– Я, пожалуй, смогла бы. Но будет нелегко.

– Он хочет меня, а не тебя, – напомнила я. – Он моей благосклонности добивается. Мой шарф носил на груди.

– И выронил, даже не заметив, – с всегдашней безжалостной точностью заметила Анна. – В любом случае – дело не в его желаниях. Он жаден и испорчен, его можно подбить почти на все, что угодно. Но ты на это не способна.

– Почему это не способна? – возмутилась я. – С чего ты взяла, что сумеешь удержать его лучше меня?

Казалось, ее безупречно прекрасное лицо вырезано изо льда.

– Женщина, которая возьмется управлять им, никогда не должна забывать, что действует по плану. А ты готова получать удовольствие в постели и за столом, в то время как единственным удовольствием должно быть постоянное на него влияние, постоянный контроль над королем. В таком браке нет места плотской страсти, что бы там Генриху ни казалось. А это требует немалого искусства.

Обед закончился в пять часов, и лошади уже ждали перед домом – можно сразу прощаться с хозяином, садиться в седло и скакать в Элтам. Когда мы встали из-за пиршественных столов, я заметила, как слуги сбрасывают остатки хлеба и мяса в большие корзины, чтобы продать их за бесценок возле кухонных дверей. Этот след расточительности и мошенничества тянулся за королем по всей стране, словно слизь за улиткой.

Бедняки приходят посмотреть турнир, ждут, пока двор не отобедает, а потом собираются возле кухонных дверей в ожидании остатков пиршества. Им выносят объедки – ломти хлеба, обрезки мяса, недоеденные пироги. Ничего не пропадет впустую, бедные заберут все. Расчетливо – как свиней разводить.

Именно возможность приработка так привлекает королевских слуг. В любом месте каждый слуга может слегка словчить и отложить что-нибудь на черный день. Последний кухонный мальчишка имеет свой маленький доход от хлебных корок, от жира, капающего с жаркого, даже от подливки. И на вершине этой кучи объедков мой отец – он теперь управляет всеми расходами королевского двора, наблюдает, какую долю получает каждый, и о себе не забывает. Даже у камеристки, приставленной к королеве для мелких услуг, готовой в любой момент соблазнить короля прямо под носом у своей госпожи, причинив ей самое большое горе, которое одна женщина может причинить другой, – даже у нее есть свой доходец. Ее тайный промысел начинается после трапезы, когда никто ни на кого не обращает внимания, тут в дело идут и обрывки любовных залогов, и недоеденные во время любовной игры цукаты.

Мы скакали домой. Солнце садилось, становилось прохладно. Я закуталась в плащ, но откинула капюшон, чтобы видеть дорогу и темнеющее небо, на котором уже показались первые звезды. На середине пути лошадь короля поравнялась с моей.

– Хорошо провели день? – спросил король.

– Вы потеряли мой шарф, – ответила я с обидой. – Паж отдал его королеве Марии, а та – королеве Екатерине. Ваша жена сразу же его узнала и вернула мне.

– Ну и что?

Мне бы вспомнить обо всех мелких унижениях, которым подвергается королева Екатерина, будто это ее королевский долг. Король не слышит от нее ни одной жалобы, только Богу в тихой молитве поверяет она свои горести.

– Это было ужасно. Не стоило давать вам шарф.

– Вы его получили обратно, – отозвался король без всякого сочувствия. – Если уж он вам так дорог.

– Да не в этом дело. – Я уже не могла остановиться. – Теперь королева точно знает, что шарф – мой. Вернула на виду у всех дам, швырнула на землю, я едва успела подхватить.

– Ну и что? – Голос звучит сурово, на лице вместо улыбки угроза. – Что изменилось? Она видела, как мы танцуем, разговариваем. Она видела – я ищу вашего общества, пожимаю вам ручки прямо у нее на глазах. И нечего сейчас ныть и жаловаться.

– Вовсе я не ною! – Я была уязвлена в самое сердце.

– Еще как ноете, – решительно возразил он. – Без всякого на то основания и, смею сказать, без всякого права. Вы мне не жена, мадам, и не любовница. А больше я ни от кого не собираюсь выслушивать жалоб. Я король Англии. Если вам что-то не нравится, всегда остается Франция. Возвращайтесь ко французскому двору.

– Ваше величество, я…

Он пришпорил коня, и тот перешел с рыси на легкий галоп.

– Желаю вам доброй ночи, – бросил он через плечо.

Плащ развевался по ветру, реяли перья на шляпе, и он покинул меня, а я ничего не успела сказать, не смогла позвать его обратно.

Я ничего не рассказала Анне, хотя та ожидала полного отчета. Мы в молчании проследовали из покоев королевы в нашу комнату.

– Не буду ничего говорить, – объявила я непреклонно. – Оставь меня в покое.

Анна сняла чепец и принялась расплетать волосы. Я прыгнула на кровать, сбросила платье, натянула ночную сорочку и скользнула под одеяло, даже не причесавшись и не умывшись.

– Нельзя же так ложиться, – возмутилась сестра.

– Бога ради, – я уткнулась в подушку, – оставь меня в покое.

– Что он сделал? – Анна улеглась рядом со мной.

– Даже и не спрашивай, все равно не скажу.

Она кивнула и задула свечу. Дымок догорающего фитиля достиг моих ноздрей, и мне почудился запах беды. Скрытая темнотой от испытующего взгляда сестры, я перевернулась на спину, уставилась на полог над головой и предалась размышлениям – вдруг король так рассердился, что больше не захочет меня видеть?

Мне стало холодно. Я провела рукой по лицу и обнаружила – щеки мокры от слез. Пришлось вытереться краем простыни.

– Ну что еще? – сонно пробормотала Анна.

– Ничего.

– Ты его упустила! – осуждающе произнес дядя Говард, глядя не на меня, а на большой обеденный стол в парадном зале Элтама.

Наши слуги караулили при входе, и больше никого, кроме пары псов да спящего в золе камина мальчишки, не было. В дальнем конце зала, у других дверей, тоже стояли слуги в говардовских ливреях. Дворец, собственный дворец короля, оказался вполне надежным местом для наших интриг.

– Он уже был у тебя в руках, и ты его упустила! Что ты сделала не так?

Я покачала головой. Слишком глубока моя тайна, чтобы вывалить ее на гладкую поверхность стола, принести в жертву каменному лицу дяди Говарда.

– Я жду ответа! Ты его упустила. Он уже неделю в твою сторону и не смотрит. Что ты сделала не так?

– Ничего, – прошептала я.

– Что-то точно было не так! На турнире он прячет на груди твой шарф, чем же ты ухитрилась расстроить его потом?

Я бросила укоризненный взгляд на брата – только он мог выдать меня дяде. Джордж виновато пожал плечами.

– Король выронил шарф, а паж отдал королеве Марии.

Горло перехватило от волнения и горя.

– Ну? – резко спросил отец.

– Она отдала шарф королеве. Королева вернула мне.

Я переводила взгляд с одного сурового лица на другое.

– Они обе поняли, что это значит, – продолжала я безнадежно. – А по дороге домой я сказала королю, как несчастна, – ведь он позволил всем увидеть мой подарок.

Дядя Говард резко выдохнул, отец стукнул кулаком по столу, а мать отвернулась, будто у нее не было сил смотреть на меня.

– О господи! – Дядя взглянул на мою мать. – Ты уверяла, она должным образом воспитана. Полжизни провела при французском дворе, а хнычет, словно деревенская девка.

– Как ты могла? – только и спросила мать.

Я покраснела, опустила голову и увидела отражение собственного несчастного лица в полированной поверхности стола.

– Я же ничего плохого не хотела, простите меня.

– Ничего страшного не случилось, – вступился Джордж. – Вы слишком мрачно на все смотрите. Он не будет долго сердиться.

– Он смотрит зверем, – резко оборвал его отец. – Разве ты не знаешь – как раз сейчас перед ним танцуют сеймуровские девчонки.

– Они и вполовину не так хороши, как Мария, – не сдавался брат. – Ну сказала что-то не к месту. Может, ему даже понравится, что в ней не хватает лоску. Зато видна страсть.

Отец, слегка успокоенный, кивнул, но дядя продолжал барабанить пальцами по столу:

– Ну и что же теперь?

– Отошлите ее, – внезапно произнесла Анна. Ее слова не просто привлекли внимание, не в том дело, что она заговорила последней, нет, ее убежденность просто завораживала.

– Отослать? – переспросил дядя.

– Отправьте ее в Хевер, а ему скажите, мол, она больна. Пусть думает, что она умирает от горя.

– А дальше что?

– Король попытается ее вернуть. Тогда она сможет вертеть им как захочет. Все, что нужно сделать, – сестра язвительно улыбнулась, – все, что ей нужно сделать по возвращении, – суметь очаровать самого образованного, самого остроумного, самого привлекательного государя в христианском мире. Думаете, справится?

В холодном молчании отец, мать, дядя и даже Джордж изучали меня.

– Я бы тоже не справилась, – чопорно добавила Анна, – но я ее научу, как очутиться в его постели, а что будет дальше – в руках Божьих.

Дядя Говард не сводил глаз с Анны:

– А научить, как его удержать, тоже сможешь?

Сестра подняла голову и улыбнулась – живое воплощение самоуверенности:

– Смогу – на некоторое время. Он же только мужчина, в конце концов.

Дядя коротко рассмеялся – столько пренебрежения к его полу прозвучало в ненароком вырвавшейся фразе.

– Поосторожнее, – посоветовал он. – Мы, мужчины, не случайно оказались там, где мы есть. Мы выбрали силу и власть, нам не до женщин, мы используем наше положение, чтобы утвердить законы, позволяющие навсегда удержаться наверху.

– Это верно, – согласилась Анна. – Но мы же не о большой политике говорим. Мы говорим о желаниях короля. Сестре просто надо поймать его и удержать – достаточно долго, чтобы он сделал ей ребенка, Говарда, королевского бастарда. Чего нам еще требовать?

– А у нее получится?

– Будет учиться. Она уже на полпути к этому. В конце концов, король выбрал ее.

Легким пожатием плеч Анна дала понять – она невысокого мнения о королевском выборе.

Воцарилось молчание. Дядя, видимо, размышлял обо мне и моем будущем в качестве племенной кобылы, об интересах семьи. Внезапно он посмотрел на Анну, будто увидел в первый раз:

– Не многие девушки мыслят столь ясно в твоем возрасте.

– Я тоже Говард, – усмехнулась она.

– Странно, что ты сама не пытаешься поймать его.

– Я размышляла над этим, – призналась Анна. – Как любая другая женщина в Англии.

– Ну и?..

– Я же Говард, – повторила Анна. – Важно, чтобы одна из нас его подцепила. Какая разница кто? Если ему нравится Мария, если у нее будет ребенок – признанный сын короля, наша семья будет первой в стране, вне конкуренции. И мы сможем сделать это. Сможем управлять королем!

Дядя кивнул. Он знал – совесть короля похожа на домашнее животное, его легко пасти, но иногда случаются приступы упрямства.

– Похоже, стоит тебя поблагодарить за разработанный план.

Она не поклонилась, а заносчиво, как цветок на стебле, повернула голову:

– Мечтаю увидеть сестру фавориткой короля. Это в такой же мере мое дело, как и ваше.

Мать шикнула было на уж слишком самоуверенную старшую дочь, но дядя покачал головой:

– Дай ей сказать. Она не глупее нас с тобой, и мне кажется, она права. Мария поедет в Хевер и будет ждать, пока король не пошлет за ней.

– А он пошлет, – сказала Анна со знанием дела. – Пошлет непременно.

Со мной поступили как со свертком, как с пологом от постели, как с тарелками для верхнего стола в зале, оловянными кружками для нижнего. Запаковали и отправили в Хевер – служить приманкой для короля. Я его не видела перед отъездом, ни с кем не поговорила. Мать сообщила королеве, что я переутомилась, и испросила для меня позволения на несколько дней оставить службу и отдохнуть дома. Королева, бедняжка, решила, что она выиграла, Болейны отступили.

Поездка была недолгая, чуть больше двенадцати миль. Для обеда остановились на обочине дороги, перекусили хлебом и сыром, которые взяли с собой. Отец мог бы прибегнуть к гостеприимству любого большого дома по пути, нас хорошо знали как близких к королю придворных и везде приняли бы превосходно. Но он не хотел прерывать поездку.

Вся дорога в ямах и рытвинах, тут и там валяются поломанные колеса – повозки частенько переворачиваются. Но лошади твердо ступают по сухой земле, время от времени мы даже пускаем их в галоп. Обочины дороги сплошь заросли зеленой весенней травой, из нее выглядывают колокольчики и крупные белые ромашки. В живой изгороди жимолость переплелась с буйными побегами боярышника, у корней сине-фиолетовая черноголовка и долговязые, неуклюжие стебли белоцветки – изящные белые цветы с пурпурными прожилками. Позади живой изгороди, на тучных пастбищах, опустив голову, жуют траву упитанные коровы, на холмах – овцы, да иногда в тени дерева можно заметить пастушка, лениво наблюдающего за стадом.

Общинные земли, по большей части узкие наделы, представляют собой приятное зрелище – лук и морковь посажены ровными рядами, тянутся вверх, как солдаты на параде. Палисадники у деревенских домишек – сплошная путаница нарциссов и лекарственных трав, овощей и примул, вьюнки на живой изгороди из цветущего боярышника, рядом отгорожен закут для свиней, на навозной куче возле задней двери кукарекает петух. Отец скачет молча, с довольным видом, покуда дорога ведет нас под гору, минуя Эденбридж и заболоченные луга, в Хевер, к нашим собственным землям. Лошади идут медленнее, с трудом двигаясь по мокрой дороге, но отец спокоен – поместье уже близко.

Это было владение его отца – до того, как перешло к нему, но раньше поместье не принадлежало нашей семье. Мой дед был человеком с более чем скромными средствами и выдвинулся только благодаря своей ловкости. Отданный в ученики торговцу шелком в Норфолке, он стал в конце концов лорд-мэром Лондона. Все же мы получили еще больше благодаря связям с Говардами, но это недавно и только через мою мать Елизавету Говард, дочь герцога Норфолка, брак с которой для отца оказался весьма выгодной партией.

Он привез молодую жену в Эссекс, в наш большой дом в Рочфорде. Потом – в Хевер, где она пришла в ужас от того, как мал замок, как тесны и убоги внутренние комнаты.

Отец, чтобы порадовать жену, тут же решил перестроить замок. Первым делом в главном зале навесили потолок – прежде, в старинном духе, там были видны стропила. В таком же стиле перестроили и остальные комнаты – теперь мы могли обедать и отдыхать куда более удобно и уединенно.

Въехали в ворота парка. Привратник и его жена с поклонами бросились нам навстречу. Помахав им, двинулись дальше по немощеной дороге ко рву, через который перекинут деревянный мост. Моя лошадка заупрямилась, испугалась эха, как только копыта застучали по деревянному настилу.

– Вот дура, – коротко бросил отец, оставив меня в недоумении, кого он имеет в виду – дочь или лошадь.

Он послал свою охотничью лошадь вперед, и моя лошадка, поняв, что опасности нет, послушно двинулась следом. Я въехала на подъемный мост позади отца и остановилась, ожидая, когда из караульной появятся слуги, чтобы отвести на конюшню наших лошадей. Мне помогли спешиться, и, хотя после долгой езды ноги едва держали меня, я пошла следом за отцом по подъемному мосту, мимо сторожки, под угрожающие зубья решетки – прямо в приветливый внутренний дворик замка.

Парадная дверь открыта настежь, йомен-смотритель буфетной и старшие домочадцы кланяются отцу, с полдюжины слуг толпятся позади. Отец оглядывает всех: некоторые в ливреях, другие нет, две служанки поспешно развязывают фартуки из мешковины, надетые поверх парадных, и обнаруживается несвежее полотно, кухонный мальчишка выглядывает из-за угла – глубоко въевшаяся грязь едва прикрыта тряпьем. Отец, уловив общее ощущение нерадивости и беспорядка, сдержанным кивком здоровается со своими людьми.

– Ну хорошо. Это моя дочь Мария. Миссис Мария Кэри. Комнаты для нее приготовлены?

– Да, сэр. – Слуга поклонился. – Все готово. Спальня миссис Кэри приготовлена.

– А обед?

– Сию минуту.

– Мы поедим во внутренних комнатах. А завтра устроим обед в зале, пусть люди повидают меня. Передай всем – общий обед будет завтра. А сегодня вечером я не желаю, чтобы меня беспокоили.

Одна из служанок вышла вперед и присела в реверансе:

– Позвольте показать вам комнату, миссис Кэри.

Отец кивнул, и я последовала за ней. Мы прошли сквозь широкие двери, свернули налево, в узкий коридор. Каменная винтовая лестница ведет в хорошенькую комнату, где стоит кровать с бледно-голубым пологом. Окно выходит на ров с водой, дальше открывается вид на парк. Другая дверь – в небольшую галерею с каменным камином, любимую комнату моей матери.

– Умыться хотите? – грубовато спросила служанка, показывая на кувшин, полный холодной воды. – Могу горячей принести.

Я содрала с рук перчатки для верховой езды, протянула ей. Вспомнилась неизменно угодливая прислуга в замке Элтам.

– Подай горячей воды и проследи, чтобы сюда принесли мою одежду. Хочу сменить платье.

Она поклонилась и вышла, бормоча себе под нос, чтобы не забыть: «Горячая вода. Одежда».

Я подошла к окну, встала на колени на низкую скамью, выглянула наружу сквозь мелкие стекла в свинцовом переплете.

Весь день я пыталась не думать ни о Генрихе, ни об оставленном дворе, но сейчас, в этом убогом доме, я поняла – потеряна не только любовь короля, потеряна и ставшая уже необходимой роскошь. Я не желала быть мисс Болейн из Хевера. Не желала быть дочерью владельца малюсенького замка в Кенте, когда мне совсем недавно покровительствовал сам король Англии. Далеко я ушла от Хевера, и мне ни к чему возвращаться назад.

Отец остался только на три дня – срок достаточный, чтобы повидать управляющего и тех арендаторов, кто особенно настойчиво добивался встречи с ним, разрешить спор о межевом столбе, отправить любимую кобылу к жеребцу; теперь он был готов к отъезду. Должно быть, провожая его на подъемном мосту, я выглядела очень несчастной, если он заметил это, даже вскакивая в седло.

– Ну, что случилось? Соскучилась без придворной жизни?

– Да, – ответила я коротко; не стоит объяснять отцу, что скучаю я не только по двору, больше всего – невыносимо – мне не хватает Генриха.

– Некого винить, кроме себя, – грубовато отозвался он. – Надеюсь, Анна с Джорджем смогут все исправить. Если не выйдет, даже не знаю, что с тобой станет. Может, уговорим Кэри принять тебя обратно? Будем надеяться, он тебя простит.

На моем лице отразился ужас, а отец захохотал. Я придвинулась ближе и схватила его за руку в перчатке, небрежно держащую поводья.

– Если король обо мне спросит, скажете, я очень сожалею, если оскорбила его?

Он покачал головой:

– Давай уж следовать совету Анны. Похоже, она понимает, как с ним управляться. А ты будешь делать, что тебе скажут, Мария. Один раз все испортила, теперь изволь слушаться.

– Почему Анна должна решать, что мне делать? – возразила я. – Почему важно только ее мнение?

Отец высвободил руку.

– У нее есть голова на плечах, она знает себе цену. А ты – ты ведешь себя как четырнадцатилетняя девчонка, влюбившаяся в первый раз.

– Но я и есть четырнадцатилетняя девчонка, влюбившаяся в первый раз!

– Вот именно, – отрезал он без всякого снисхождения. – Поэтому мы и прислушиваемся к Анне.

Он даже не дал себе труда попрощаться. Повернул лошадь и поскакал по мосту дальше к воротам.

Я подняла руку, чтобы помахать, если он обернется, но он не обернулся. Ускакал, прямо держась в седле, глядя вперед. Как настоящий Говард. Мы никогда не оборачиваемся. У нас нет времени на сожаления об упущенных возможностях. Если план не сработал, придумаем другой, если меч сломался, возьмем запасной. Если ступенька рухнет прямо перед нами, перешагнем через нее и продолжим путь наверх. Все выше и выше – вот девиз Говардов, и мой отец вернется ко двору, вернется к королю, даже не кинув на меня прощального взгляда.

К концу недели я обошла все дорожки сада и изучила парк во всех направлениях от исходной точки – подъемного моста. Начала вышивку для алтаря церкви Святого Петра в Хевере и успела закончить квадратный фут неба – на самом деле довольно унылого, потому что там не было других цветов, кроме голубого. Написала три письма Анне и Джорджу и отправила ко двору в Элтам. Три раза посыльный уезжал и три раза возвращался с добрыми пожеланиями вместо ответа.

К концу второй недели я приказала вывести лошадь из конюшни и отправилась на долгую прогулку в полном одиночестве – не могла выносить даже компанию молчаливого слуги. Я старалась скрывать свою раздражительность – благодарила горничную за каждую мелкую услугу, садясь обедать, склоняла голову, когда священник возносил молитву. А хотелось вскочить и заорать от отчаяния – меня заперли здесь, а там двор переезжает из Элтама в Виндзор. Сдерживала ярость изо всех сил – я так далеко от двора, я выключена из жизни.

К третьей неделе я впала в состояние покорной безнадежности. Ни от кого ничего не слышно, и я решила: Генрих вовсе не собирается меня возвращать, а муж заупрямился и не желает знать жену, покрытую позором, – король ухаживал за ней, но любовницей не сделал. Такая женщина авторитета мужу не прибавит. Такую лучше всего сослать в деревню. Анне

и Джорджу я писала еще дважды на прошлой неделе, но ответа снова не получила. Но во вторник на третьей неделе моего заточения я получила наскоро нацарапанную записку от брата:

Не отчаивайся! Держу пари, ты думаешь, все тебя покинули. Он говорит о тебе постоянно, а я напоминаю о твоем несравненном очаровании. Уверен, и месяца не пройдет, как он пошлет за тобой. Постарайся получше выглядеть. Дж.

Анна передает, что напишет немного позже.

Письмо брата было единственным утешением за все время долгого ожидания. Пошел второй месяц деревенской жизни, наступил май – самый счастливый месяц при дворе, время пикников и путешествий, а мои дни тянулись бесконечно.

Мне совершенно не с кем было поговорить. Никакого общества. Служанка болтала, помогая мне одеваться, во время завтрака я сидела одна за верхним концом стола и могла разговаривать только с просителями, приезжавшими по делам к отцу. Немного гуляла в саду, немного читала.

После полудня я садилась на лошадь и мчалась все дальше и дальше. Изучала дороги и тропинки, что тянулись от дома, и даже стала узнавать некоторых арендаторов с маленьких ферм. Запомнила их имена и, если видела человека, работающего в поле, останавливала лошадь – поздороваться и спросить, что он выращивает.

Май – лучшее время для фермеров. Сено скошено и разложено для просушки, скоро сметают стога и покроют соломой, чтобы сохранить корм на зиму. Пшеница, ячмень и рожь растут и наливаются в полях, телята набирают вес на материнском молоке, и в каждом доме, на каждой ферме подсчитывают прибыль от ежегодной продажи шерсти.

Это время досуга, краткой передышки в тяжелой работе, и крестьяне устраивают танцы на лужайке, соревнования и скачки, пока не наступило главное дело года – уборка урожая.

Сначала, объезжая верхом поместье Болейнов, я из того, что видела вокруг, ничего не понимала, а теперь знала все дороги за оградой замка, знала, как зовут крестьян, что они выращивают.

Если в обеденное время крестьяне приходили ко мне с жалобой на то, что такой-то и такой-то плохо обрабатывает выделенный ему участок, я сразу понимала, о чем идет речь, – проезжала там накануне и видела заросли сорняков и крапивы, единственный заброшенный клочок земли среди ухоженного общинного поля. Не отрываясь от еды, я предостерегала арендатора – он может лишиться надела, если не начнет вести себя как подобает. Я знала, кто из крестьян сажает хмель, а кто виноградную лозу, и даже пообещала одному из фермеров – если урожай винограда будет хорош – попросить отца послать в Лондон за французом, пусть учит в замке Хевер искусству виноделия.

Совсем нетрудно каждый день скакать по окрестностям – я любила бывать на воздухе, слушать пение птиц в лесу, вдыхать запах цветущей жимолости, пробивающейся сквозь живую изгородь по обе стороны тропы. Я любила Джесмонду – кобылу, которую король выбрал для меня: как рвется она в галоп, как настороженно подрагивают у нее уши, как радостно она ржет, когда я вхожу во двор конюшни с морковкой в руке. Я любила сочность травы у реки, мерцание желтых и белых цветов на лугах, яркость красных маков в полях пшеницы. Я любила канюков, парящих высоко в небе, поднимающихся выше жаворонков и лениво кружащих над пустошью, прежде чем взмахнуть широкими крыльями и улететь прочь.

Все это помогало убить время, пока я не вернусь ко двору, не буду рядом с Генрихом. Но во мне крепло убеждение: если мне не суждено вернуться ко двору, из меня, на худой конец, выйдет прекрасный землевладелец. Наиболее предприимчивые молодые фермеры в

окрестностях Эденбриджа видели, что существует спрос на люцерну, но не знали никого, кто ее выращивает, не знали даже, где достать семена. Я написала фермеру в нашем поместье в Эссексе и получила семена вместе с полезными советами. Сразу же засеяли поле и пообещали засеять другое, как только станет ясно, подходящая ли почва. И я подумала: пусть я всего лишь молодая женщина, я сделала замечательную вещь. Без меня что их ожидало? Стукнуть кулаком по столу в таверне и поклясться, что деньги будут после нового урожая? А с моей помощью можно попытаться, и, если повезет, в мире появятся еще два преуспевающих человека. Если судить по дедушкиной истории, они могут далеко пойти.

Как же они были довольны! Я выезжала посмотреть, хорошо ли идет вспашка, и они бросались ко мне по полю, грязь из-под башмаков во все стороны, и принимались объяснять, когда собираются бросать семена в землю. Им нужен хозяин, проявляющий интерес. Никого другого нет, тогда сгожусь и я. Им казалось – меня можно уговорить войти в долю, вложить деньги, и тогда мы будем процветать вместе.

Я рассмеялась, глядя с лошади вниз на их загорелые, обветренные лица.

– У меня нет денег.

– Вы знатная дама, – запротестовал один из них. Его взгляд скользнул по аккуратным кисточкам на моих кожаных башмачках, по инкрустированному седлу, дорогому платью, золотой пряжке на шляпе. – Что на вас сегодня надето, стоит больше, чем я зарабатываю за год.

– Знаю. Но оно на мне и останется.

– Может, отец даст денег или муж? – принялся убеждать другой. – Лучше поставить на свои земли, чем на удачу в картах.

– Я женщина. У меня нет ничего своего. Посмотри на себя – ты процветаешь, но можно ли назвать твою жену богатой женщиной?

Он глуповато хихикнул:

– Моей жене ничего не принадлежит.

– Ну и со мной то же самое. Я живу как мой отец, как мой муж. Ношу платье, подобающее дочери такого отца, жене такого мужа. Но у меня нет собственных денег. В этом смысле я не богаче твоей жены.

– Но вы Говард, а я никто, – заметил он.

– И все равно – я женщина. Я могу быть одной из высших или никем – как ты.

– От чего это зависит? – пытался понять он.

Я вспомнила, как вдруг омрачилось лицо Генриха, когда он на меня рассердился, и ответила:

– От судьбы.

Лето 1522 года

Шел третий месяц моей ссылки, июнь, сады Хевера благоухали розами. Запах висел в воздухе, как дым, тяжелые головки цветов клонились к земле. Я получила письмо от Анны.

> *Дело сделано. Постаралась попасться ему на глаза и заговорила о тебе. Сказала ему – у тебя сил нет больше выносить разлуку, такая у тебя к нему слабость. Семья разгневалась, потому что ты не желала скрывать свою любовь, вот и сослали в надежде: с глаз долой – из сердца вон. Пойми этих мужчин, их натура такова, ты ему куда больше нравишься, когда страдаешь. Другими словами, можешь возвращаться ко двору. Мы в Виндзоре. Отец сказал – пусть возьмет пяток слуг и возвращается немедленно. Приезжай прямо перед ужином, только убедись сначала, что тебя никто не заметил, и сразу же в нашу комнату, я тебе скажу, как себя вести.*

Виндзорский замок. Пожалуй, самый красивый из всех, принадлежащих Генриху. Сидит на верхушке зеленого холма, словно серая жемчужина на бархатной подушке. На башенках развеваются королевские штандарты, подъемный мост опущен, по нему туда-сюда снуют разносчики, катят повозки, тележки пивоваров. В каком замке ни живи, двор высасывает все, что можно, из окрестных селений. Виндзор немало преуспел на службе столь прибыльным аппетитам замка.

Я проскользнула в боковую дверь и, не попавшись на глаза никому из знакомых, добралась до комнаты Анны. Там никого не было. Села – придется подождать. Как я и думала, она появилась ровно в три, сняла с головы чепец и чуть не закричала, увидев меня.

– Решила, что ты – привидение. Ну ты меня и напугала.

– Сама же велела пробраться в комнату потихоньку.

– Да-да, хотела тебе рассказать, какие тут дела творятся. Только что с королем разговаривала. Мы были на арене для турниров, глядели на лорда Перси. Mon dieu![12] Ну и жара!

– И что он сказал?

– Лорд Перси? Он просто очарование.

– Нет, король.

Анна улыбнулась насмешливо:

– Спрашивал о тебе.

– И что ты ему ответила?

– Дай подумать. – Она бросила чепец на постель, распустила волосы, которые рассыпались по плечам тяжелой темной волной, подобрала их одной рукой, охлаждая шею. – Никак не припомню. Такая жара!

Я уже привыкла – пусть дразнит, мне все равно. Села тихонько на маленький деревянный стульчик у пустого камина и даже головы не повернула, пока сестра умывалась – лицо, руки, шея, – причесывалась, закручивала волосы, непрестанно восклицая по-французски и жалуясь по поводу невыносимой жары. Ни за что не оглянусь.

– Кажется, припоминаю.

– Не важно, – отозвалась я. – Сама с ним увижусь за ужином. Пусть тогда все мне и говорит, если хочет. Ты мне вовсе не нужна.

– Еще как нужна, – возмутилась Анна. – Куда ты без меня! Даже не знаешь, что сказать.

---

[12] Боже мой! *(фр.)*

– Уж знаю довольно – влюбится как миленький и снова попросит у меня шарф, – хладнокровно заявила я. – Уверена, что сумею с ним учтиво поговорить после ужина.

– Откуда такое спокойствие? – Анна чуть отступила и оглядела меня с головы до пят.

– Было время подумать. – Хорошо, голос звучит ровно.

– И что?

– Теперь знаю, чего хочу.

Она ждала продолжения.

– Его.

– Каждая женщина Англии его хочет, – кивнула Анна. – С чего бы тебе оказаться исключением.

Я пренебрежительно пожала плечами:

– А если не сложится, обойдусь и без него.

– От тебя ничего не останется, если Уильям не возьмет тебя обратно. – Взор сестры затуманился.

– И это переживу, – возразила я. – Мне в Хевере понравилось. Каждый день ездила верхом, гуляла в саду. Была совсем одна почти три месяца, в жизни никогда столько времени не проводила сама по себе. Оказалось, двор мне вовсе и не нужен – ни королева, ни король, ни даже ты. Люблю ездить верхом, носиться по полям. Мне понравилось разговаривать с крестьянами, наблюдать, как зреет урожай, растут плоды.

– Собираешься стать крестьянкой? – пренебрежительно рассмеялась она.

– Мне бы понравилось быть крестьянкой. – Голос мой звучал ровно. – Я люблю короля, – у меня перехватило дыхание, – страшно люблю. Но если ничего не выйдет, буду жить счастливо на маленькой ферме.

Анна подошла к комоду в изножье кровати и вытащила свежий чепец. Погляделась в зеркало, пригладила волосы, надела головной убор. Немедленно ее темная, волнующая красота заиграла новой элегантностью. Она это знала, конечно.

– Будь я на твоем месте, по мне – либо король, либо никто. Ради него я бы голову на плаху положила.

– Я его хочу. Мужчину. Не короля.

Сестра пожала плечами:

– Одно от другого неотделимо. Сколько бы ты его ни желала, о короне на голове забыть не удастся. Лучше его нет. Во всем королевстве не найдется никого подобного ему. Пришлось бы ехать во Францию к королю Франциску или в Испанию к императору[13], чтобы найти ему равного.

Я покачала головой:

– Видела и императора, и французского короля. Ни на одного из них второй раз не поглядела бы.

Анна оторвалась от зеркала, спустила корсаж чуть пониже, чтобы грудь была видна в полной красе. Сказала отрывисто:

– Тогда ты просто дура.

Вот мы готовы, и сестра повела меня в спальню королевы.

– Она тебя возьмет обратно, но горячего приема не жди, – бросила Анна через плечо, когда часовой перед дверью вскинул руку в приветственном салюте, а потом распахнул широкие двери в парадную спальню королевы. Мы обе, сестры Болейн, вошли – ни тени смущения, будто нам принадлежит ползамка.

---

[13] *Король Франциск* – французский король Франциск I (1494–1547). *Император* – Карл V (1500–1558), император Священной Римской империи, король Испании (Карлос I).

Королева сидела под окном на низкой скамье, окно открыто нараспашку, пусть веет прохладный вечерний ветерок. Музыкант устроился рядом, перебирает струны лютни. Придворные дамы расположились вокруг. Одни вышивают, другие сидят без дела, ждут – скоро позовут к ужину. Казалось, королева живет мирной жизнью, в доме мужа, окружена подругами, глядит в окно на маленький городок и свинцового цвета излучину реки вдали. Увидела меня, лицо не изменилось. Слишком хорошая выучка, никогда не выдаст своего разочарования. Небрежно улыбнулась:

– А, миссис Кэри. Выздоровели, вернулись наконец ко двору?

Я присела в глубоком реверансе:

– Как будет угодно вашему величеству.

– Все это время провели в родительском доме, так долго?

– Да, в замке Хевер, ваше величество.

– Должно быть, хорошо отдохнули. Там вокруг ведь ничего нет. Одни овцы да коровы?

– Вы правы, там только фермы, – кивнула я. – Но мне нашлись занятия. Ездила верхом, глядела на поля, разговаривала с крестьянами.

На минутку ее заинтересовали эти далекие поля: столько лет уже живет в Англии, а ничего, кроме охоты, пикников да королевских кортежей, не видела. Но тут она вспомнила, почему мне пришлось оставить двор.

– Его величество приказал вам вернуться?

У меня за спиной предупреждающе зашипела Анна, но я и внимания не обратила. Романтическая глупость, но мне не хотелось лгать, глядя прямо в честные глаза этой благородной дамы. Почтительно произнесла:

– Король послал за мной, ваше величество.

Королева кивнула и взглянула на свои руки, покойно лежащие на коленях.

– Ну тогда вам повезло, – только и сказала она.

Долгое молчание. Как же мне хотелось признаться, сказать: «Я полюбила вашего мужа», но я знала, она вознесена слишком высоко. Дух этой женщины закален как лучшая сталь, издает только чистый звук. Не в пример всем нам, она – чистое серебро, а мы так, жестянки, плебейская смесь олова со свинцом.

Тяжелые двойные двери распахнулись.

– Его величество король, – провозгласил герольд, и Генрих небрежной походкой вошел в комнату.

– Позвольте сопроводить вас на ужин, – начал он и осекся – увидел меня.

Понимающий взгляд королевы скользил с его застывшего от неожиданности лица к моему и обратно.

– Мария! – воскликнул король.

Я даже забыла сделать реверанс, только смотрела на него во все глаза. Даже еле слышное восклицание Анны не вывело меня из транса. Король тремя быстрыми шагами пересек комнату, взял мои руки в свои, прижал к груди. Жесткая вышивка камзола оцарапала мне пальцы, но шелковая рубашка казалась сквозь прорези камзола мягче пуха.

– Любовь моя, – шепнул он еле слышно. – Добро пожаловать обратно.

– Благодарю вас…

– Они мне доложили, тебя сослали, чтобы преподать урок. Не ошибусь ли, если скажу, что ты вернулась, так ничему и не научившись?

– Да, да, несомненно, – только и могла бормотать я.

– Они тебя бранили?

Я коротко рассмеялась, взглянула на него – голубые глаза сияют.

– Нет, немножко поворчали, и все.

– Хочешь снова быть при дворе?

– Да, да.

Королева поднялась на ноги.

– Пора идти к столу, время ужина, – сказала она.

Генрих обернулся через плечо. Она протянула ему руку, величественная, как истинная дочь Испании. Он шагнул к ней, верный многолетней привычке повиновения и поклонения. Мне ничего не приходило в голову – как вновь завладеть его вниманием? Я пошла вслед за ней, низко наклонилась поправить шлейф платья, она ступала истинно по-королевски, невысокая, коренастая, но прекрасная, несмотря на читающуюся на лице усталость.

– Благодарю вас, миссис Кэри, – ласково произнесла королева.

И повела всю процессию в обеденный зал, рука легко покоится в руке мужа. Он наклонился, слушая, что она ему говорит, и даже не взглянул в мою сторону.

Джордж подошел поздороваться со мной в конце ужина, приблизился к столу королевы, где сидели все мы, дамы, перед нами вино и засахаренные фрукты. Он поднес мне засахаренную сливу:

– Сладость сладчайшей. – И поцеловал в лоб.

– Спасибо за записку, Джордж.

– Ты меня просто забросала отчаянными жалобами. Только за одну первую неделю получил от тебя целых три письма. Так ужасно было?

– Первую неделю – да. А потом я привыкла. К концу первого месяца деревенская жизнь мне даже стала нравиться.

– Ну, мы старались, как могли, вернуть тебя ко двору.

– А дядя при дворе? – Я поискала дядюшку взглядом. – Я его еще не видела.

– Нет, в Лондоне с Уолси. Но он знает, что происходит, не беспокойся. Велел передать, ему все про тебя будет известно и он надеется, ты знаешь, как себя вести.

Джейн Паркер через стол обратилась к Джорджу:

– Собираетесь стать придворной дамой? Сидите за дамским столом, занимаете дамский стул.

– Прошу прощения, дорогие дамы, не буду вам мешать. – Джордж неторопливо поднялся.

Десяток голосов разом, перебивая друг друга, заверил, что он вовсе не мешает. Мой брат – красавчик, частый посетитель покоев королевы. Никто, кроме его кисло-сладкой невесты, не возразит – пусть сколько хочет сидит за дамским столом.

Он склонился над ее рукой:

– Госпожа Паркер, благодарю за напоминание, мне и впрямь пришло время вас оставить. – За куртуазными словами и сладким тоном плохо скрытое раздражение. Он наклонился и крепко поцеловал меня в губы. – Дай бог тебе поторопиться, маленькая Марианна, – шепнул прямо в ухо, – на тебя надежды всей семьи.

– Подожди, Джордж! – Я поймала его руку, когда он повернулся, чтобы уйти. – Мне кое-что надо спросить.

– В чем дело?

Я потянула его за рукав, заставляя склониться ко мне. Прошептала в ухо:

– Думаешь, он меня любит?

– А, любовь. – Он выпрямился.

– Отвечай.

– Что это вообще такое? – Брат пожал плечами. – Мы пишем о ней стихи все дни напролет, поем песни все ночи напролет, но мне весьма сомнительно, что она существует в реальной жизни.

– Джордж!

– Он тебя хочет, в этом сомневаться не приходится. Готов даже пойти на некоторый риск ради обладания тобой. Если это называется любовью, он тебя любит.

– Мне большего и не нужно, – с тихой радостью проговорила я. – Хочет меня. Готов пойти ради меня на риск. По мне, если это не любовь, то что же?

Мой брат-красавчик склонился надо мной:

– Как тебе будет угодно, Мария. Если тебя такое устраивает. – Он выпрямился и сразу же отступил. – Ваше величество.

Перед нами стоял король собственной персоной.

– Джордж, не могу позволить тебе провести весь вечер в разговорах с сестрой, ты и так предмет зависти всего двора.

– Без сомнения, – со всей возможной придворной куртуазностью произнес брат. – Две сестры-красавицы и ни одной заботы.

– Сдается мне, пора начинать танцы, – объявил король. – Ты пойдешь в паре с госпожой Болейн, а я с госпожой Кэри.

– Почту за счастье.

Джорджу даже оглядываться не надо было, только щелкнул пальцами – Анна всегда наготове, тут как тут.

– Мы танцуем, – скомандовал брат.

Король взмахнул рукой, музыканты заиграли контрданс, составился круг из восьми танцоров, танец начался, сначала в одну сторону, потом в другую. Прямо передо мной знакомое красивое лицо Джорджа, рядом гладкое личико Анны. Выражение на лице – будто изучает новую книгу. Сестра внимательно, словно читала псалтырь, всматривалась в настроение короля. Поглядывала то на меня, то на него – должно быть, пыталась определить, насколько сильно и неодолимо его желание. И, даже не повернув головы, проверила – в каком настроении королева, что видит, что чувствует.

Я усмехнулась про себя. Анна и королева – нашла коса на камень, никто не в силах пробраться сквозь внешний лоск этой дочери Испании. Анна – придворная дама до мозга костей, второй такой не сыскать, но она рождена быть подданной. Королева Екатерина рождена принцессой. С той минуты, как она научилась говорить, научилась и держать язык за зубами. С той минуты, как сделала первые шаги, научилась поступать осмотрительно и говорить милостиво и с богатым, и с бедным, ибо никогда не знаешь, кто тебе понадобится – бедный или богатый. Королева Екатерина владела интригой и играла в придворные игры богатейшего двора еще прежде, чем Анна родилась на свет.

Сколько Анна ни пытайся разгадать, каково королеве видеть меня так близко к королю, видеть наши взгляды, утопающие друг в друге, желание, подымающееся в обоих горячей волной, королева никогда не выдаст своих чувств, на лице ее написан лишь вежливый интерес. В конце каждой фигуры танца она одобрительно хлопает в ладоши, хвалит танцоров. Вдруг танец кончился, Генрих и я застыли, ни музыкантов, ни танцоров вокруг, чтобы укрыть нас, заслонить. Мы одни, выставлены напоказ, все еще держимся за руки, в молчании не сводим глаз друг с друга, мы вместе. Вот так бы и стоять целую вечность.

– Браво, – раздался уверенный, твердый голос королевы. – На редкость красиво.

– Он пошлет за тобой, – сказала Анна в тот вечер, когда мы раздевались у себя в комнате. Она уже сняла платье и тщательно его расправила на комоде в изножье кровати, положила чепец рядом. Туфельки заботливо поставлены одна подле другой под кровать. Сестра вытащила ночную сорочку и села перед зеркалом расчесать волосы.

Протянула щетку мне и закрыла глаза, пока я нежно расчесывала ее длинные, до пояса, волосы.

– Или сегодня, или в крайнем случае завтра днем. Пойдешь?

– Пойду, конечно.

– Только помни, кто ты, – предупредила сестра. – Не давайся сразу же, с порога. Никаких тайных углов второпях. Приличная комната и приличная кровать.

– Посмотрим.

– Это важно, – нахмурилась она. – Если он подумает, что тебя можно взять как маленькую потаскушку, он тебя возьмет и тут же забудет. Неплохо было бы продержаться чуть подольше. Если отдашься слишком легко, его хватит на раз или два, и все.

Я взяла прядь ее мягких волос и принялась заплетать косу.

– Ой! – вскрикнула она. – Не тяни так сильно.

– А ты перестань поучать. Оставь меня в покое, дай мне самой с этим справиться. Пока что все неплохо получается.

– Это еще полдела. – Она пожала плечами, белыми и гладкими, улыбнулась своему отражению в зеркале. – Любая дурочка сумеет понравиться мужчине. А вот попробуй его удержать.

Стук в дверь. Мы обе замерли. Темные глаза Анны взглянули в глаза моего отражения в зеркале. Я уставилась на нее.

– Вдруг король?

Но я уже открывала дверь.

Там стоял Джордж – бордовый замшевый камзол, тот, что был на нем во время ужина, сорочка сверкает сквозь прорези белизной полотна, на темноволосой голове – бордовая же шапочка, расшитая жемчугом.

– Vivat! Vivat Marianne![14] – Он шагнул в комнату и закрыл за собой дверь. – Он приказал пригласить тебя на бокал белого вина. Мне велено извиниться за поздний час, но венецианский посол только что отбыл. Весь вечер говорили только о войне с Францией, и теперь он полон страсти к Англии, Генриху и святому Джорджу. Уверяю тебя, ты вольна поступать, как сочтешь нужным. Можешь выпить бокал вина и вернуться в свою постель. Ты сама себе хозяйка.

– Он уже что-нибудь предложил? – встряла в разговор Анна.

Джордж закатил глаза к потолку и выговорил сестре:

– Немного сдержанности не повредит. Он же не покупает ее, ну, не в открытую. Ее приглашают на бокальчик вина. Ценой мы сочтемся попозже.

Я вдруг вспомнила:

– Мой чепец! Анна, скорее заплети мне волосы.

Она покачала головой:

– Прямо как ты есть, с волосами, рассыпавшимися по плечам. Смотришься, как девственница в день венчания, правда, Джордж? Именно то, что ему надо.

Брат кивнул:

– Весьма хороша. Расшнуруй ей чуток корсаж.

– Ей полагается быть дамой.

– Чуть-чуть. Мужчины любят бросить взгляд на то, что покупают.

Анна слегка распустила шнуровку, расшитый перед корсажа немного ослаб. Она потянула его вниз, к талии, так куда более соблазнительно.

– Превосходно, – кивнул брат.

Она отступила назад и оглядела меня с тем же выражением, с каким наш отец осмотрел бы кобылу, прежде чем отправить ее к жеребцу.

– Неплохо бы помыться, – внезапно решила сестра. – По крайней мере подмышки, и передок не забудь.

---

[14] Да здравствует! Да здравствует Марианна! *(фр.)*

Я жалобно поглядела на Джорджа, но он решительно кивнул:

– Да, помойся. От дурных запахов он приходит в ужас.

– Давай-давай! – Анна повелительно указала на кувшин и тазик.

– Тогда вы оба выйдите.

Джордж повернулся к двери:

– Мы подождем снаружи.

– И задницу. – Анна уже закрывала за собой дверь. – Главное, не забывать про задницу. Чистота везде и во всем.

Закрытая дверь оборвала мой ответ – весьма неподобающий для юной леди. Я быстро сполоснулась холодной водой и насухо вытерлась. Взяла у Анны со столика цветочной воды, подушила волосы, шею и ноги у самых бедер. Потом открыла дверь.

– Чистая уже? – резко спросила сестра.

Я кивнула. Она смотрела на меня с тревогой:

– Тогда иди. И посопротивляйся хоть немножко. Поразмышляй, посомневайся, не давайся ему сразу в руки.

Я отвернулась. Мне уже немного надоели ее глупости.

– Девочке тоже полагается хоть какое удовольствие получить, – ласково произнес Джордж.

– Ну не в постели же, – оборвала сестра. – Она там ради его удовольствия, а не ради своего.

Я уже больше не слушала. В ушах молотом стучала кровь, сердце трепетало – он за мной послал, я скоро его увижу.

– Пошли, – сказала я Джорджу. – Скорей.

Анна вернулась в комнату:

– Я тебя буду ждать.

– Не знаю, вернусь ли я сегодня.

– Надеюсь, что нет, – кивнула сестра. – Но я все равно подожду. Посижу у камина, посмотрю, как восходит солнце.

Ну вот, она будет бодрствовать ради меня в своей девичьей спальне, пока я наслаждаюсь любовью в постели короля.

– Как тебе, наверное, хочется оказаться на моем месте, – с несказанным удовольствием произнесла я.

– Конечно, он же король. – Она и глазом не моргнула.

– И хочет *меня*, – расставила я все точки над «i».

Джордж склонился и взял меня под руку, повел узкими ступенями по лестнице, ведущей к парадному залу. Мы крались вниз, словно пара связанных друг с другом привидений. Никто нас не заметил. В теплом пепле громадного камина спали несколько поварят, охрана дремала, положив голову на столы.

Мы миновали королевский стол на возвышении, за ним дверь в анфиладу королевских покоев. Там начиналась широкая лестница, богато украшенная пышными гобеленами всех цветов, от яркого шелка до туманного лунного света. Два стражника с оружием стояли на часах перед королевской опочивальней, но, увидев меня – золотистые волосы распущены по плечам, уверенная улыбка, – позволили мне пройти.

Парадная королевская опочивальня за двойными дверями привела меня в изумление. Раньше я здесь всегда бывала в толпе придворных. Сюда приходили все, кто добивался какой-либо милости от короля. Просители подкупали влиятельных сановников, чтобы оказаться поближе к королю: вдруг он спросит, зачем они здесь и что им надо. Эта огромная комната со стрельчатыми сводами всегда была полна народу в богатых одеждах, людей, жаж-

дущих королевского благоволения. Сейчас все пусто, в углах тени. Джордж сжал мои ледяные пальцы.

Перед нами оказалась дверь в личные покои короля, еще два стражника, на этот раз со скрещенными пиками.

– Его величество приказал нам явиться, – отрапортовал Джордж.

Пики звякнули, размыкаясь, солдаты отсалютовали, поклонились и распахнули большие тяжелые двери. Король сидел у камина, закутавшись в широкую бархатную накидку, отороченную мехом. Услышав, как отворилась дверь, вскочил на ноги.

Я склонилась в глубоком реверансе:

– Вы посылали за мной, ваше величество.

Он не мог отвести глаз от моего лица.

– Да, посылал… благодарю за то, что пришли… Я хотел вас видеть… поговорить… Я хотел, чтобы… Я хотел… хотел тебя, – наконец выпалил он.

Я подвинулась чуть ближе. Сейчас, подумала я, до него донесется аромат духов. Наклонила голову и почувствовала – волосы упали тяжелой волной. Я видела, он переводит взгляд с лица на волосы, с волос на лицо. Позади меня тихонько закрылась дверь – Джордж, не говоря ни слова, вышел. Генрих даже не заметил его ухода.

– Вы оказываете мне честь, ваше величество, – прошептали мои губы.

Он покачал головой, не от нетерпения, просто как человек, у которого нет времени на все эти игры.

– Я хочу тебя, – решительно повторил он снова, будто женщине ничего другого и знать не надо. – Я хочу тебя, Мария Болейн.

Я снова ступила чуть ближе, наклонилась. Почувствовала тепло его дыхания, губы на моих волосах.

– Мария, – прошептал он, задыхаясь от желания.

– Ваше величество?

– Зови меня Генрих, хорошо? Хочу услышать, как твои губки произносят мое имя.

– Генрих.

– А ты меня хочешь? – зашептал он. – Меня, мужчину? Будь я крестьянином у твоего отца, ты бы меня хотела?

Он поднял мой подбородок, взглянул прямо в глаза. Я не отвела взгляда. Нежно, ласково коснулась его лица, провела ладошкой по мягкой курчавой бороде. Он прикрыл глаза, потом повернул лицо и поцеловал мою руку, все еще ласкавшую его лицо.

– Да, – ответила я. Какая все-таки чушь, разве можно представить себе этого человека кем-то иным, не королем Англии. Король всегда остается королем, а я всегда остаюсь Марией из рода Говард. – Будь ты никто и будь я никто, все равно бы тебя любила. Будь ты крестьянин, убирающий хмель, я бы тебя любила. Будь я девчонка, убирающая хмель, любил бы ты меня?

Он притянул меня ближе, тепло его рук грело сквозь корсаж.

– Да, да, – уверял он. – Я везде бы тебя узнал по твоей верной любви. Кто бы я ни был и кто бы ты ни была, я всегда тебя узнаю по твоей верной любви.

Он наклонился и поцеловал меня, сначала чуть касаясь, нежно, а потом все сильнее и сильнее. Губы такие теплые. Повел меня за руку к постели под балдахином, уложил, зарылся лицом между пышными грудями, не сдавленных корсажем, так заботливо ослабленным для него Анной.

На рассвете я приподнялась на локте и глянула в квадраты стекол в свинцовых рамах. Небо становилось светлее, я знала – Анна тоже сейчас глядит на восходящее солнце, наблюдает, как разгорается заря, и думает: ее сестра стала любовницей короля и самой влиятель-

ной дамой в Англии, уступающей лишь королеве. Интересно, о чем она сейчас мечтает, сидя у окна, слушая, как утренние птички робко пробуют свои первые нотки. Что она чувствует, ведь король предпочел меня, от меня теперь зависит благосостояние семьи. Каково это – знать, что я, а не она нежусь в королевской постели.

Говоря по правде, все и так ясно. В ней сейчас бурлит та самая смесь чувств, которую всегда испытывала я: восхищение и зависть, гордость и бешеное соперничество, страстное пожелание успеха сестре и непреодолимое желание, чтобы соперница с треском провалилась.

Король повернулся на другой бок.

– Ты проснулась? – раздался полуприглушенный одеялом голос.

– Да. – Я тут же очнулась от мечтаний. Что сейчас делать, уходить? Нет-нет, из множества покрывал выпросталось улыбающееся лицо.

– С добрым утром, красавица моя, как спалось?

Отражая его радость, ответила сияющей улыбкой:

– Прекрасно.

– Весела и довольна?

– Счастливее, чем когда-либо в жизни.

– Тогда иди сюда.

Он протянул ко мне руки, я скользнула в его объятия, в теплый запах его тела, ощутила крепкие бедра, руки, обнимающие мои плечи, лицо, зарывшееся в мою шею.

– О Генрих, – ребячливо протянула я, – любовь моя.

– Знаю, знаю. – Он улыбнулся обворожительной улыбкой. – Подвинься-ка поближе.

Я оставалась с ним, пока солнце уже совсем не взошло. Теперь пора поторапливаться обратно к себе, скоро слуги заполнят все коридоры.

Генрих сам помог мне надеть платье, затянул шнуровку сзади на корсаже, набросил мне на плечи свой плащ – защитить от утреннего холода. Открыл дверь спальни. Мой брат Джордж лежал, примостившись на скамье под окном. Увидел короля, вскочил, поклонился, шляпа в руках. Увидел меня за широкой спиной короля, улыбнулся нежно.

– Проводи мадам Кэри к ней в комнату, – приказал король. – Пошли ко мне пажа, Джордж, хочу сегодня начать день пораньше.

Джордж поклонился, протянул мне руку.

– И приходи сегодня на мессу в мою часовню, – уже в дверях спальни, обернувшись, сказал король.

– Благодарю вас. – Брат с беззаботной грацией поблагодарил за величайшую милость, которой только мог удостоиться придворный.

Пока я приседала в реверансе, дверь за королем закрылась, и мы пустились в обратный путь через приемную и зал.

Было уже поздно, младшая прислуга сновала взад и вперед, разжигая огромные бревна в камине парадного зала, подметая полы. Солдаты, спавшие, положив голову на столы, поднимались, протирали глаза, зевали, проклинали крепкое вино, ударившее вчера в голову.

Я накинула капюшон королевского плаща, прикрыла растрепанную гриву волос, мы быстро пробежали через зал и вверх по лестнице к покоям королевы.

Джордж постучал, Анна открыла дверь, впустила нас. Лицо побледневшее, явно всю ночь не спала, глаза покраснели. Что за удовольствие – глядеть, как сестра бесится от зависти!

– Ну и как? – бросила она.

Я взглянула на несмятое покрывало:

– Ты не ложилась?

– Не могла. Надеюсь, ты-то поспала хоть немножко.

Я сделала вид, что не замечаю ее непристойных намеков.

– Давай рассказывай, – скомандовал Джордж. – Нам просто нужно знать, все ли у тебя в порядке, Мария. Отец захочет узнать, и мама, и дядя Говард. Тебе лучше сразу привыкнуть – придется о таких вещах говорить вслух. Это теперь не твое личное дело.

– Самое что ни на есть личное дело на свете.

– Не для тебя, – холодным тоном произнесла Анна. – Перестань разыгрывать невинную дурочку. Ты с ним спала?

– Да, – бросила я в ответ.

– Больше одного раза?

– Да.

– Хвала Господу! – воскликнул брат. – Дело сделано. Мне пора, король позвал меня с собой на мессу. – Он шагнул ко мне, крепко обнял. – Молодец, сестренка. Поговорим потом, мне надо идти.

Джордж неосторожно хлопнул дверью, Анна шикнула ему вслед, затем повернулась к комоду с платьями:

– Надень вот это, кремовое, нечего выглядеть потаскушкой. Я тебе приготовила горячей воды, помойся. – Она подняла руку, отметая мои протесты. – Мойся, не спорь. И голову помой. Ты должна быть сама чистота, Мария. Не будь же такой ленивой шлюшкой. Давай снимай платье, и поторапливайся, через час нам уже идти на мессу с королевой.

Я повиновалась, как, впрочем, всегда.

– Ты за меня хоть чуть-чуть рада? – спросила я, выпутываясь из корсажа и нижних юбок.

Ее лицо в зеркале: взмахнула ресницами, скрывая зависть.

– Я счастлива за семью. Ты-то тут при чем, что про тебя думать?

Король сидел на галерее над часовней, слушал заутреню. Мы гуськом пробирались в молельню королевы. Я прислушалась: бормотание писца, подносящего королю бумаги на подпись, а внизу в часовне священник совершает положенные ритуалы мессы. Король всегда занимался делами во время утренней службы – традиция, воспринятая им от отца. Многие думали, дела таким образом освящаются. Другие, как мой дядя, считали, что король торопится отделаться от бумаг побыстрее и оттого не обращает на них должного внимания.

Я опустилась на колени на подушечку в личной молельне королевы. Платье цвета слоновой кости переливается, складки эффектно обрисовывают бедра. В нежной глубине, внутри, все еще ощущается его тепло, на губах – вкус его губ. Несмотря на ванну, на которой так настаивала Анна, мне все равно казалось, что лицо и волосы все еще хранят запах его пота. Я закрыла глаза – не в молитвенном экстазе, а в любовном.

Королева преклонила колени рядом со мной. Лицо печально, голова под тяжелым плоеным чепцом поднята прямо и гордо. Платье чуть распахнуто у ворота, так чтобы можно было дотронуться пальцем до власяницы, которую она всегда носит прямо на голом теле. Серьезное лицо, усталое, сумрачное, теперь она склонилась над четками; постаревшая, дряблая, обвислая кожа щек и подбородка, глаза крепко зажмурены.

Месса тянется бесконечно. Я завидую Генриху, его хоть отвлекают деловые бумаги. Королева, погруженная в молитву, кажется, никогда не теряет сосредоточенности, пальцы не устают перебирать бусины четок, глаза закрыты. Только когда служба закончилась, священник вытер сосуды белоснежным платком и унес их, она позволила себе протяжный вздох, будто услышала что-то такое, чего нашим ушам слышать было не дано. Потом обернулась и улыбнулась каждой придворной даме, даже мне.

– Пора уже перестать поститься, – ласково обратилась к нам королева. – Может быть, и король с нами позавтракает.

Пока мы одна за другой проходили мимо двери на галерею, я немного помедлила – не может же быть, чтобы он не сказал мне ни слова. Будто почувствовав мое невысказанное желание, Джордж, мой брат, открыл дверь как раз в это мгновение и громко произнес:

– Доброе утро, дражайшая сестричка.

Генрих, сидящий в глубине комнаты, поднял голову от бумаг, увидел меня – в дверном проеме, словно в рамке картины, кремовое платье, выбранное Анной, пышные волосы почти скрыты головным убором в тон платью, юное лицо открыто. Король еле слышно выдохнул, охваченный желанием, мои щеки чуть покраснели, на губах нежная улыбка.

– Добрый день, сир. Добрый день, братец, – тихо проговорила я, не сводя глаз с лица Генриха.

Король поднялся на ноги, протянул руку, будто хотел затащить меня внутрь. Поймал взгляд писца, отдернул руку, сказал:

– Приду завтракать с вами, передайте королеве, я присоединюсь к обществу через пару минут. Как только закончу с этими… с этими…

Он небрежным жестом указал на бумаги, словно понятия не имел, о чем там идет речь. Он пересек комнату – форель, плывущая на свет фонаря браконьера, – произнес тихо, чтобы никто, кроме меня, не слышал:

– А ты, как ты поживаешь?

– Хорошо. – Я бросила на него быстрый, шаловливый взгляд. – Разве что устала немножко.

– Плохо спалось, дорогая? – усмехнулся в ответ.

– Совсем не спалось.

– Не понравилась постель?

Я запнулась, я не Анна, у меня нет сестриного таланта к словесным баталиям. Пришлось ответить чистую правду:

– Очень понравилась, сир.

– Придешь снова спать в эту постель?

Что за чудная минута, мне пришел в голову подходящий ответ:

– Сир, я надеюсь как можно скорее снова *не* спать в этой постели.

Король откинул голову, засмеялся, наклонился поцеловать мне руку:

– Как прикажете, моя дорогая, я ваш верный слуга.

Я глаз не могла отвести от его лица, пока его губы прижимались к моей руке. Он выпрямился, наши взгляды встретились, утонули друг в друге, переполняемые желанием.

– Мне пора, королева будет спрашивать.

– Я не заставлю себя ждать, уж поверь.

Я улыбнулась напоследок, бросилась бегом по галерее догонять остальных дам. Каблучки стучат по каменным плитам пола, прикрытым камышовыми циновками, шелковое платье шуршит. Мое молодое тело – такое бодрое, прекрасное и любимое. Любимое не кем иным – самим королем Англии.

Он пришел к завтраку, сел, улыбнулся. Потускневшие глаза королевы взглянули на мои порозовевшие щеки, муаровое сияние платья. Она отвела взгляд. Послала за шталмейстером и музыкантами.

– Собираетесь сегодня на охоту, сир? – ласково спросила она.

– Конечно. А ваши придворные дамы, не хочет ли кто присоединиться?

– Уверена, захотят. – Голос королевы звучал по-прежнему ласково. – Мадемуазель Болейн, мадемуазель Паркер, мадам Кэри, вы три прекрасные наездницы. Не поехать ли вам сегодня на охоту?

Джейн Паркер бросила на меня торжествующий взгляд – мое имя названо третьим. Ей ничего не известно, тепло разливалось у меня внутри. Может радоваться сколько угодно, она-то ничего не знает.

– Почтем за честь и счастье отправиться с королем на охоту, – ответила за всех Анна. – Все трое.

Во дворе замка у конюшен король вскочил на огромного охотничьего коня, а один из пажей поднял меня в седло предназначенной мне лошадки. Я надежно устроилась в седле, расправила складки платья, пусть свисают до земли в элегантном беспорядке. Анна оглядела меня с ног до головы – как всегда, придирчивым взглядом, не упустила ни одной мельчайшей детали. Я обрадовалась, когда ее голова в наимоднейшей французской охотничьей шляпке одобрительно кивнула. Она позвала пажа – подсадить ее на лошадь, вот она уже возле меня, наклонилась, крепко удерживая поводья.

– Если он тебя потащит в лес, не давайся, – шепнула сестра. – Помни – ты из рода Говард, а не какая-то там потаскушка.

– Если он меня захочет…

– Если он тебя захочет, распрекрасно подождет.

Егерь протрубил в рожок, лошади насторожились в ожидании. Генрих улыбнулся веселой мальчишеской усмешкой, я просияла улыбкой в ответ. Моя кобыла Джесмонда стремительно, словно пружина, бросилась вперед по знаку распорядителя охоты. Мы рысью поскакали по мосту, гончие светлой, пятнистой волной у копыт охотничьих лошадей. День солнечный, но не слишком теплый, прохладный ветерок играет в луговой траве, мы скачем все дальше от городка, крестьяне, сгребающие сено, завидев нас, останавливаются, опираясь на грабли, снимают шапки. Разноцветное море благородных всадников проносится мимо, селяне, завидев королевский штандарт, падают на колени.

Я оглянулась на замок. Створчатое окно покоя королевы распахнуто, я заметила темный чепец, бледное лицо. Она глядит вслед мчащейся охоте. За обедом королева будет улыбаться Генриху, улыбаться мне, будто не видела нас, скачущих бок о бок в ожидании охотничьих забав. Лай гончих внезапно изменил тон, вдруг они, как одна, замолкли. Егерь протрубил в рожок, долгий, протяжный звук – гончие учуяли след.

– Э-ге-гей! – звонко кричит Генрих, пуская лошадь в галоп.

– Сюда! – подхватываю я.

В дальнем конце лесной прогалины несется огромный олень, ветвистые рога прижаты к спине. Гончие устремляются за ним, молчаливо, лишь изредка доносится взволнованный короткий лай одной из них. Вот они ворвались в густой подлесок, мы осадили лошадей – надо ждать. Егеря в тревоге уносятся куда-то рысцой, мечутся по лесу взад-вперед, надеются разглядеть, где олень. Один из них внезапно поднимается в стременах, громко трубит в рожок. Моя лошадь встает на дыбы, потом бросается на звук рожка. Я вцепляюсь в луку седла, хватаюсь за гриву – сейчас не до грации, только бы усидеть в седле, не упасть с лошади прямиком в грязь.

Олень вырывается вперед, несется изо всех сил к прогалине на опушке леса, а там недалеко заливные луга и река. Собаки стремительной волной мчатся за ним, следом лошади в безумной гонке. Вокруг только грохот лошадиных копыт, я почти закрыла глаза, комья грязи летят прямо в лицо. Я прильнула к шее Джесмонды, тороплю ее. Шляпа давно слетела с головы. Передо мной белая от цветов живая изгородь. Мощный круп лошади подо мной собирается, одним могучим прыжком умное животное перелетает через изгородь, приземляется на другой стороне, и вот она уже снова несется галопом со всеми остальными. Король впереди меня, глаз не сводит с оленя, которого гонят прямо на нас. Волосы мои развеваются, теряются шпильки и булавки, я хохочу безостановочно, несясь навстречу ветру.

Кобыла настораживает уши, когда слышит мой смех, но снова на пути изгородь – на этот раз с неглубокой грязной канавой перед ней. Мы обе видим канаву, Джесмонда медлит лишь мгновение и тут же взвивается в воздух, перелетает через препятствие. До меня доносится сладкий запах жимолости, раздавленной конскими копытами. И мы снова летим, еще быстрее. Олень превращается в маленькую коричневую точку. Он уже в реке, быстро плывет на другую сторону. Распорядитель охоты отчаянно трубит в рожок, это сигнал собакам – не лезьте в воду, возвращайтесь ко мне, оставайтесь на берегу, травите добычу, когда олень попытается выбраться на берег. В охотничьем угаре гончие ничего не слышат. Выжлятник скачет вперед, но половина своры уже в реке, пытаются догнать оленя. Течение слишком сильно, вода слишком глубока для собак. Генрих натянул поводья, смотрит на весь этот хаос.

Я боюсь, он рассердится, но король только хохочет, будто в восторге от хитроумия оленя.

– Беги! Беги! – кричит он вслед зверю. – У меня и без тебя хватает жаркого, полная кладовая оленины.

Все вокруг тоже смеются, словно король совершил невесть какой благородный поступок, я понимаю, что остальные тоже боятся: вдруг охотничья неудача рассердит короля. Переводя взгляд с одного сияющего лица на другое, я думаю – что же это за глупость, вся наша жизнь зависит от настроения одного человека. Но он улыбается мне, и я понимаю, у меня-то выбора нет. Он глядит на мое заляпанное грязью лицо, растрепанные волосы.

– Просто поселянка какая-то, да и только, – говорит он, голос полон нескрываемого желания.

Я стаскиваю перчатку, пытаюсь собрать волосы, все бесполезно. Улыбаюсь уголком рта – да, я знаю, что у него на уме, но не отвечаю, а только шепчу:

– Ш-ш-ш.

Прямо у него за спиной Джейн Паркер, ловит ртом воздух, будто муху проглотила. Поняла наконец, что лучше нас не задирать, мы, Болейны, этого не любим.

Генрих спрыгивает с коня, бросает поводья груму, подходит к моей лошади:

– Угодно ли вам сойти вниз? – Голос ласковый, приглашающий.

Я соскальзываю с крупа коня прямо в его объятия. Он ловит меня, бережно ставит на землю, но из рук не выпускает. На глазах всего двора целует в одну щеку, потом в другую.

– Ты – королева охоты.

– Мы коронуем тебя венком из полевых цветов! – кричит Анна.

– Да! – Генриху страшно нравится эта затея, все бросаются обрывать жимолость, и спустя пару минут мои растрепанные золотистые волосы уже венчает источающая медовый запах корона.

Приближается повозка с обедом, слуги натягивают легкий шатер, там будут обедать пятьдесят приближенных, королевских любимчиков. Остальным ставят скамьи. Прибывает королева, ее иноходец идет легким шагом. Она видит – я сижу по левую руку короля, на голове – корона из цветов.

Прошел месяц, Англия наконец вступила в войну с Францией, война официально объявлена, Карл, испанский король, стремительным натиском бросает армию в самое сердце Франции, его английские союзники в это время маршируют от английской крепости Кале на юг к Парижу.

Двор тревожно ожидает новостей в Лондоне, но приходит летняя эпидемия чумы, и Генрих, как всегда страшась заразы, приказывает начинать путешествие. Мы не переезжаем, скорее убегаем в Хэмптон-Корт. Король повелевает, чтобы все припасы доставлялись только из окрестных деревень, ничего из Лондона, запрещает торговцам, купцам и ремесленникам

следовать за двором из нездоровой, затхлой столицы. Чистый дворец у проточной воды должен предохранить нас от болезней.

Из Франции приходят хорошие вести, из Сити – плохие. Кардинал Уолси организует новый переезд двора, сначала на юг, потом на запад, из одного дворца в другой, от одного вельможи к другому, и везде устраиваются маскарады и парадные обеды, охоты, пикники и рыцарские турниры, Генрих веселится как мальчишка, все новое его развлекает. Каждый из придворных, чей дом посещает король, разыгрывает гостеприимного хозяина, как будто несказанно счастлив визиту, а не ужасается чудовищным расходам. Королева путешествует вместе с королем, скача бок о бок по холмам и равнинам, когда устает, перебирается в паланкин. По ночам он то и дело посылает за мной, но среди дня учтив и заботлив по отношению к ней. Ее племянник – единственный союзник английской армии в Европе, дружба с ее семейством означает победу английского оружия. Но королева Екатерина для короля – не только военный союзник. Сколько бы ни любезничал со мной король, он ее мальчик, ее любимый, избалованный, золотой мальчик. Какая бы девчонка, я или кто другой, ни оказывалась в его спальне, это не мешает их глубокой привязанности, начавшейся, когда она раз и навсегда полюбила этого человека, ребячливого и эгоистичного, чье королевское достоинство ни в какое сравнение не идет с достоинством истинной принцессы.

Зима 1522 года

На Рождество король держал двор в Гринвиче, и все двенадцать дней после Рождества не прекращались пышные и экстравагантные празднества и забавы. Распорядителем рождественских празднеств был сэр Уильям Армитеж, это его забота – выдумывать что-нибудь новенькое каждый день. Ежедневные развлечения включали в себя разнообразные удовольствия – с утра на свежем воздухе, где мы становились зрителями поочередно то гонок гребцов, то турниров и соревнований лучников, то медвежьей травли, собачьих или петушиных боев, смотрели на бродячих акробатов и глотателей огня. Затем следовал обед в парадном зале с лучшими винами, элем и пивом, каждый день на столе появлялся новый замысловатый, украшенный марципанами пудинг – просто произведение искусства, да и только. После обеда опять развлечения, каждый день новые, – пьеса или представление, танцы или маскарад. Каждому давалась роль в пьесе, каждому были приготовлены костюмы для карнавала, все веселились как могли, король всю зиму не переставал хохотать, а королева улыбаться.

Неоконченная военная кампания во Франции с наступлением зимы приостановилась, но всяк понимал: придет весна – и снова начнутся бои, Англия и Испания будут сражаться против общего врага. Король Англии и королева из Испании провели эту зиму вместе – во всех смыслах слова «вместе»: каждую неделю, невзирая ни на что, они обедали вдвоем и он проводил ночь в ее постели.

Но в остальные ночи, тоже невзирая ни на что, Джордж стучал в дверь комнаты, где помещались мы с Анной, и произносил одну и ту же фразу: «Он тебя требует». И я летела как на крыльях к нему, моему любимому, моему королю.

Я не оставалась с ним на всю ночь. В Гринвиче полно иностранных послов со всей Европы, король не может открыто выказывать подобное пренебрежение королеве. Испанский посол, как никто другой, всегда озабочен соблюдением этикета, к тому же он близкий друг королевы. Он, конечно, знал, какую роль я играю при дворе, я ему не нравилась, так что ни к чему мне, растрепанной и раскрасневшейся, сталкиваться с ним в дверях королевской опочивальни. Лучше уж выскользнуть из теплой королевской постели и пробраться тайком в свою комнату, Джордж тащится рядом, непрерывно зевая, время раннее, посол еще не скоро пойдет к мессе.

Анна никогда не спит, всегда ждет меня – эль уже подогрет, камин разожжен, комната теплая. Я прыгаю прямо в постель, она укутывает мне плечи шерстяным пледом, садится рядом расчесать мои спутанные волосы, а Джордж подбрасывает еще одно полено в камин и присаживается со своим стаканчиком эля.

– Что за утомительная работа, – жалуется он, – приходится спать каждый день после обеда, а иначе глаза просто сами собой закрываются.

– Анна укладывает меня в постель после обеда, будто я малый ребенок, – недовольно говорю я.

– Хочешь выглядеть такой же осунувшейся и изнуренной, как королева? – возражает Анна.

– Да, у нее вид не слишком цветущий. Она что, больна? – интересуется Джордж.

– Просто старость. – В голосе Анны звучит злорадство. – К тому же она все время пытается казаться счастливой и всем довольной. А это так утомительно. Нелегко ведь доставлять удовольствие Генриху, сам понимаешь.

– Вовсе и нет, – звучит мой самодовольный ответ, и мы все трое хохочем.

– Пообещал он тебе какой-нибудь подарок на Рождество? – продолжает расспросы Анна. – Или Джорджу? Или кому-нибудь из нас?

– Нет, ничего не сказал. – Я качаю головой.

– Дядя Говард прислал золотую чашу, на ней вычеканены наши гербы. Ты подаришь ее королю, – объявляет Анна. – Я пока ее припрятала в шкафу. Стоит целое состояние. Надеюсь, оно не будет потрачено впустую.

– Он обещал мне сюрприз, – сонно киваю я. Брат и сестра встрепенулись. – Хочет взять меня с собой завтра на верфи.

– Я уж понадеялась на подарок. – Анна корчит недовольную гримаску. – Мы все поедем? Весь двор?

– Нет, небольшая компания. – Глаза сами собой закрываются, я уже почти засыпаю, но слышу, как Анна встает и идет по комнате, вынимает мою одежду из комода, чтобы приготовить ее на завтра.

– Наденешь алое платье. Можешь взять мою бордовую накидку, отороченную лебяжьим пухом. На реке будет холодно.

– Спасибо, Анна.

– Я не для тебя стараюсь, не думай. Все делается для благосостояния семьи. Ты сама тут совершенно ни при чем.

От такого ледяного тона во мне все леденеет, но найти остроумный ответ сил уже нет. В полусне слышу, как Джордж ставит пустой стакан, встает с кресла, нежно целует Анну в лоб.

– Тяжелая работа, но того стоит, – тихо произносит он. – Спокойной ночи, Анна-Мария, оставляю тебя твоим обязанностям, мне пора заняться своими.

Слышу ее соблазнительный смешок:

– Шлюхи Гринвича – благородное призвание. Увидимся завтра.

Накидка сестры хорошо смотрится вместе с алым платьем для верховой езды, сестра дала мне и свою маленькую французскую охотничью шляпку. Генрих, Анна, я, Джордж, мой муж Уильям и еще человек пять скачем дружной группкой вдоль реки к верфям. Там строится новый корабль королевского флота. Зимний день полон солнца, яркие лучи отражаются в воде, с обоих берегов реки несется шум – это гуси прилетели из России зимовать на наших заливных лугах. Гуси гогочут, утки крякают, громко кричат кроншнепы и бекасы. Лошади скачут легким галопом вдоль реки, моя кобыла бок о бок с охотничьей лошадью короля. Рядом с нами Анна и Джордж. Генрих пускает коня рысью, но при виде доков переходит на шаг.

Заметив приближающуюся кавалькаду, выходит старший мастер, срывает шапку, низко кланяется королю.

– Я решил прокатиться верхом и поглядеть на вашу работу, – улыбается ему король.

– Какая высокая честь, ваше величество.

– Как идут дела?

Король спрыгивает с коня, бросает поводья конюху – тот уже стоит наготове, – поворачивается ко мне, снимает меня с седла, берет под руку и ведет в сухие доки.

– И как она тебе нравится? – спрашивает меня Генрих, указывая на гладкий дубовый борт наполовину построенной шхуны, покоящейся на огромных деревянных катках. – Правда, красавица, каких еще поискать?

– Красива и опасна. – Я гляжу на пушечные окна. – У французов уж точно ничего подобного нет.

– Верно, – гордо заявляет Генрих. – Будь у меня в прошлом году на море три такие красавицы, разгромил бы весь французский флот, не дал бы им спрятаться в порту. Тогда бы стал королем Англии и Франции на деле, а не только на словах.

– Говорят, французская армия очень сильна, – неуверенно начинаю я. – А Франциск весьма решителен.

– Он просто павлин, – сердито бросает Генрих. – Все показное. Карл Испанский с ним разберется на юге, а я зайду со стороны Кале. А потом мы разделим Францию пополам. – И, повернувшись к корабельному плотнику: – Когда она будет готова?

– Весной, – отвечает тот.

– Рисовальщик сегодня здесь? – спрашивает король.

– Он здесь, – кланяется стоящий рядом человек.

– Мне пришла в голову прихоть сделать ваш портрет, мадам Кэри. Присядьте, пожалуйста, пусть он набросает ваши черты.

– Конечно, если вы того желаете. – Я даже покраснела от удовольствия.

Генрих кивнул плотнику, тот что-то прокричал с платформы вниз на причал, оттуда торопливо прибежал рисовальщик. Генрих помог мне спуститься по лестнице, усадил на штабель свежераспиленных досок, а молодой человек в грубой домотканой одежде принялся за набросок.

– А что вы собираетесь делать с портретом? – с любопытством спросила я, стараясь сидеть неподвижно и все время улыбаться.

– Подожди, увидишь.

Художник отложил лист бумаги:

– Мне этого достаточно.

Генрих обнял меня одной рукой, поставил на ноги:

– Тогда, красавица моя, пора домой, обедать. Поскачем галопом по заливным лугам, мигом домчимся до замка.

Конюхи стоят наготове с лошадьми. Король одним движением поднимает меня в седло и сам вскакивает на коня. Оборачивается убедиться, что все готовы. Лорд Перси подтягивает подпругу лошади Анны. Сестра глядит на него и соблазнительно улыбается. И вот уже вся компания скачет обратно в Гринвич, солнце садится, окрашивая холодное зимнее небо в кремово-розовые цвета.

Рождественский обед длился чуть ли не весь день. Я и не сомневалась, Генрих пошлет за мной этой ночью. Но он вдруг объявил, что собирается посетить королеву, и все придворные дамы, включая меня, должны, покуда он выпивает с друзьями, составить ей компанию, а потом он отправится в опочивальню ее величества.

Анна сунула мне в руки недошитую рубашку и села рядом, поставив каблучок на подол моего платья: мне не встать, пока она не поднимется.

– Оставь меня в покое, – чуть слышно прошептала я.

– Чтобы я этого дурацкого выражения лица больше не видела, – зашипела сестра. – Шей и улыбайся, как все остальные, будто всем довольна. Надулась как сыч – кому ты такая нужна.

– Провести с ней рождественскую ночь…

– Хочешь знать почему?

– Хочу.

– Какая-то нищая попрошайка, гадалка, сказала, что сегодня он зачнет сына. Вот он и надеется к осени получить наследничка. Боже, какие же мужчины идиоты.

– Гадалка?

– Да. Предсказала – будет сын, если он откажется от других женщин. Нечего и спрашивать, кто за это платит.

– Что ты имеешь в виду?

– Сдается мне, что в карманах этой гадалки найдется немало золота, заплаченного Сеймуром, стоит только перевернуть ее и потрясти как следует. Но теперь поздно, ничего не попишешь, зло уже сделано. Он будет в постели королевы эту ночь и все остальные двена-

дцать ночей. Ты уж постарайся попадаться ему на глаза каждый раз, когда он направляется в ее спальню, – пусть помнит, что теряет.

Я склонилась над шитьем. Анна заметила слезинку, упавшую на подол рубашки, я попыталась стереть ее пальцем.

– Вот дуреха, вернется он к тебе, никуда не денется.

– Думать не могу – он с ней в постели, – шепнула я. – Он ее тоже зовет «красавица моя»?

– Наверное, – грубо оборвала меня Анна. – Редко найдешь мужчину, у которого бы хватило сообразительности время от времени менять напев. Он исполнит свой долг с королевой, а потом снова оглянется вокруг, так ты уж не забудь попасться ему на глаза и улыбнуться, тогда ты снова в деле.

– Как же улыбаться, когда сердце разбито?

Анна хихикнула:

– Тоже мне королева трагедии! Улыбаться с разбитым сердцем – это мы, женщины, умеем, а ты женщина, придворная дама и Говард – вот тебе три причины, чтобы быть наиковарнейшим созданием во всем Господнем мире. Ш-ш-ш, он идет.

Первым вошел Джордж, улыбнулся мне, опустился на одно колено подле королевы. Чуть покраснев, она протянула ему руку для поцелуя; королева просто сияла от удовольствия при мысли, что король придет к ней. Следом вошел Генрих, положив лорду Перси руку на плечо, рядом мой муж Уильям. Прошел мимо меня, едва кивнув, хотя и я, и Анна встали, когда он появился на пороге, и присели в глубоком реверансе. Король направился прямо к жене. Поцеловал ее в губы и повел в опочивальню. Горничная прошла вслед за королевой и спустя минуту-другую вышла, плотно притворив дверь. Все мы ожидали снаружи в молчании.

Уильям глянул на меня, улыбнулся:

– Рад повидаться, дорогая женушка. Долго ли еще вы собираетесь оставаться в вашем теперешнем обиталище? Может, мне уже пора снова стать вашим компаньоном в постели?

– Все зависит от распоряжений королевы и воли нашего дядюшки, – спокойным тоном ответил ему Джордж, дотронувшись до эфеса шпаги. – Марианне выбирать не приходится, ты же знаешь.

Уильям не стал затевать ссору. Горько улыбнулся, сказал:

– Мир, Джордж. Не нужно мне все заново объяснять. Я уже и так понял.

Я отвернулась. Лорд Перси утащил Анну в альков, до меня доносились ее соблазнительные смешки. Она заметила мой взгляд и сказала громко:

– Лорд Перси пишет мне сонет, Мария. Подтверди, у его строфы нарушен размер.

– О, прекрасная дама грозит мне презрением…

– Неплохое начало. – Я решила помочь бедняге. – А что будет дальше, лорд Перси?

– Ясное дело, ужасное начало, – вмешался Джордж. – Ухаживание и презрение – хуже не придумаешь. Податливость – куда более многообещающее начало.

– Податливость меня бы сильно удивила, особенно в девицах Болейн, – не без ядовитости в голосе заявил Уильям. – Хотя все, конечно, зависит от просителя. Сдается мне, Перси Нортумберленд может рассчитывать на податливость.

Анна бросила на него взгляд, весьма далекий от сестринской нежности, но Генрих Перси, полностью погруженный в сочинительство, ничего не заметил.

– Потом будет еще одна строка, я ее не сочинил, а затем что-нибудь вроде – та-та-та та-та-та та-та-та-та забвением.

– Рифмуется с «презрением», – с открытой насмешкой перебил его Джордж. – Теперь до меня дошло.

– В поэме нужен какой-нибудь образ, – объясняла Анна Генриху Перси. – Если собираетесь писать сонет возлюбленной, необходимо сравнить ее с чем-то, а затем повернуть это сравнение так, чтобы получилось остроумное заключение.

– Как это? – переспросил он. – Я не могу вас ни с чем сравнивать. Вы – это вы. С чем мне вас сравнить?

– Вот это звучит хорошо, – одобрил Джордж. – Скажу по чести, Перси, лучше будь оратором, а не поэтом. На твоем месте я бы встал на одно колено и прошептал ей кое-что на ушко. Добьешься победы – только придерживайся прозы.

Перси хмыкнул и взял Анну за руку:

– Звездные ночи.

– Та-та-та та-та-та нежные очи, – немедленно откликнулась Анна.

– Не пора ли нам выпить вина? – предложил Уильям. – А то никак не поспеть за таким сверкающим остроумием. Кто сыграет со мной в кости?

– Я сыграю, – ответил Джордж прежде, чем Уильям успел бросить вызов мне. – Что на кону?

– Пара монет, не хотел бы я такого противника за игорным столом, боюсь проиграться в пух, Болейн.

– Ни за игорным столом, ни в каком другом месте, – сладко пропел мой братец. – Особенно если Перси нам напишет поэму о сражении.

– Непохоже, что та-та-та та-та-та та-та-та-та может кому-то сильно угрожать, – отозвалась Анна. – А пока у нас больше ничего нет.

– Я еще ученик, – с достоинством произнес Перси. – Ученик в любви и ученик в поэзии, а вы со мной так плохо обращаетесь. «О, прекрасная дама грозит мне презрением», похоже, я написал правду.

Анна рассмеялась и протянула ему руку для поцелуя. Уильям достал кости из кармана, бросил на стол. Я налила ему вина, поставила рядом. Мне почему-то нравилось прислуживать ему в то время, пока тот, кого я люблю, делит в соседней комнате ложе со своей женой. Меня будто отодвинули в угол, может, там мне и придется остаться.

Мы играли до полуночи, а король все не появлялся.

– Как ты считаешь, – спросил Уильям у Джорджа, – если он собирается провести с ней всю ночь, может, и нам пора по постелям?

– Мы идем спать, – решительно заявила Анна, властно взяв меня за руку.

– Уже? – умоляюще протянул Перси. – Звезды же появляются на небосклоне ночью.

– И исчезают с рассветом, – ответила Анна. – Звезда нуждается в вуали темноты.

Я поднялась на ноги. Мой муж взглянул на меня.

– А поцелуй на ночь, добрая женушка? – потребовал он.

После минутного колебания я подошла к нему. Он думал, я просто чмокну его в щеку, но я наклонилась, поцеловала в губы, почувствовала, как он потянулся ко мне.

– Спокойной ночи, муженек. Веселого Рождества.

– Доброй ночи, женушка. С тобой моя постель была бы теплее.

Я кивнула. Что тут можно сказать? Невольно бросила взгляд на дверь в опочивальню королевы, где тот, кого я обожала, спал в объятиях жены.

– Может, все мы в конце концов окажемся рядом с собственными женами? – негромко произнес Уильям.

– Это уж точно, – весело воскликнул Джордж, сгребая выигрыш со стола и запихивая его в карман. – Мы все в конце концов окажемся похороненными рядом друг с другом, что бы ни делали при жизни. Подумайте обо мне, рассыпающемся в прах рядом с Джейн Паркер.

Даже Уильям расхохотался.

– А когда он придет, – спросил Перси, – этот счастливый брачный день?

– В середине лета. Но я могу потерпеть и подольше.

– У нее недурное приданое, – заметил Уильям.

– Кого это волнует, – воскликнул Перси. – Любовь – вот что важно.

– И такое произносит один из богатейших людей в королевстве, – с кривой ухмылкой пробормотал мой братец.

Анна подала Перси руку:

– Не обращайте внимания, милорд. Я полностью с вами согласна. Любовь – вот что важно. По крайней мере, я так считаю.

– Нет, ты и гроша ломаного не дашь за любовь, – воскликнула я, как только за нами закрылась дверь.

Анна тонко улыбнулась:

– Когда ты научишься смотреть, с кем я разговариваю, а не слушать, что я говорю?

– Перси Нортумберленд? Ты рассуждаешь о браке по любви с Перси Нортумберлендом?

– Вот именно. Вольно тебе хныкать над своим мужем. Мое замужество, уж поверь, будет не чета твоему.

Весна 1523 года

В первые недели нового года к королеве, казалось, вернулась весенняя пора. Она цвела, словно роза в парнике, – настроение приподнятое, губы сами собой улыбаются. Власяница, которую она всегда носила под одеждой, отложена в сторону, предательская дряблость шеи и плеч вдруг исчезла, будто радость разгладила все изъяны. Она ни с кем не обсуждала причины подобных изменений, но одна служанка шепнула другой, что у королевы в этом месяце не было обыкновенного женского, и, похоже, гадалка сказала правду – ожидается дитя.

Памятуя о том, сколько раз ей не удавалось доносить до полного срока, для коленопреклоненных молитв было немало причин, поэтому лицо королевы нередко обращалось в тот угол спальни, где стояла статуя Девы Марии, а перед ней молитвенная скамеечка. Каждое утро заставало королеву на коленях, одна рука прижата к животу, другая лежит на молитвеннике, глаза закрыты, лицо озарено молитвенным экстазом. Чудеса случаются. Вдруг одно чудо случится с ней, с королевой.

Служанки болтали между собой, что и в феврале на простынях не оказалось пятен, мы все думали – скоро она скажет королю. У него был вид, будто он готов к радостным вестям, и мимо меня Генрих проходил так, словно я – пустое место. Танцуй перед ним, прислуживай его жене, терпи насмешливые взгляды остальных фрейлин, но понимай – теперь ты снова всего лишь одна из сестер Болейн, а вовсе не фаворитка.

– Вынести этого не могу, – сказала я Анне.

Мы сидели у камина в покоях королевы. Остальные отправились прогуливать собак, но мы с сестрой отказались выходить. От реки поднялся туман, холод стоял невыносимый, я дрожала, несмотря на подбитую мехом одежду. Начиная с той рождественской ночи, когда Генрих прошел мимо, не замечая меня, в спальню королевы, мне все время нездоровилось. Он с тех пор ни разу за мной не посылал.

– Ты что-то уж больно переживаешь, – не без удовольствия заметила сестра. – Вот оно каково – любить короля.

– А что еще мне остается делать?

Я была так несчастна. Пересела к окну – там все же побольше света для шитья. Я перешивала рубашки королевы для раздачи бедным, и то, что они пойдут рабочему люду, отнюдь не означает, что можно работать кое-как. Королева проверит все швы, и, если они вкривь и вкось, она ласковым тоном прикажет мне все перешить заново.

– Роди она ребенка, и к тому же сына, тебе лучше возвращаться прямо к мужу и заводить собственную семью. Король будет полностью у нее под каблуком, и ждать нечего. Станешь одной из многих бывших.

– Он меня любит, – неуверенным тоном произнесла я. – Я не одна из многих.

Я повернулась, посмотрела в окно. Клочья тумана клубились над рекой, точно пыль под кроватью.

– Ты всегда одна из многих, – жестоко рассмеялась в ответ Анна. – Нас немало, девушек из семейства Говард, прекрасно воспитаны, всему научены, хорошенькие, молоденькие, способные рожать. Можно бросать на стол по одной, как кости, пока кому-то не повезет. И ничего особенного не случится, бери одну за другой, а потом отбрасывай за ненадобностью. Всегда найдется наготове следующая, еще одна шлюшка из выводка. Ты еще не родилась, а уже была одной из многих. Не прилепится он к тебе – отправишься обратно к Уильяму, а они найдут еще одну ему в искушение, и представление начнется с самого начала. Они ничего не теряют.

– Но мне есть что терять! – воскликнула я.

Сестра склонила голову набок и взглянула на меня, словно советуя вернуться к реальности, забыть нетерпеливую детскую страстность.

– Конечно, тебе есть что терять. Невинность, первую любовь, доверие. Может быть, даже разбитое сердце. Бедная глупышка Марианна, – мягко сказала она. – Один пытается тобой задобрить другого, а тебе достается только разбитое сердечко.

– Так кто же будет следующей? – Моя боль обратилась в насмешку. – Кого еще из семейства Говард уложат в его постель? Я, кажется, догадываюсь – другую сестру Болейн!

Она бросила на меня быстрый взгляд – глаза черные как ночь, затем темные ресницы снова прикрыли пылающий взор.

– Ну нет, не меня, у меня свои планы. Мне ни к чему рисковать взлетами и падениями.

– Ты мне сама велела рисковать, – напомнила я ей.

– Тебе это подходит. Я не буду жить такой жизнью, как ты. Ты всегда делаешь, что прикажут, выходишь замуж, за кого велят, спишь в той постели, где велят. Я не такая, у меня своя дорога.

– Я тоже могу пойти своей дорогой.

Анна недоверчиво улыбнулась.

– Уеду в Хевер и буду жить там, – начала я. – Не останусь при дворе. Если я больше не у дел, отправлюсь в Хевер. Этого у меня не отнять.

Дверь опочивальни открылась, я заметила, что оттуда вышли горничные, груженные простынями с кровати королевы.

– Второй раз за неделю приказывает поменять белье, – раздраженно проговорила одна.

Мы с Анной быстро переглянулись.

– А простыни запачканы? – тут же спросила Анна.

Горничная ответила дерзким взглядом:

– Королевские простыни! Вы что, хотите, чтобы я вам показала королевские простыни?

Длинные пальцы Анны скользнули в кошелечек и выудили серебряную монету. Пряча монету, служанка торжествующе улыбнулась:

– Вовсе и не запачканные!

Анна отступила назад, а я придержала дверь для обеих женщин.

– Спасибо, – сказала вторая, изумленная моей вежливостью по отношению к прислуге, а потом кивнула мне и тихо пробормотала: – Вся в поту, бедняжка.

– Что? – переспросила я, с трудом веря, что она сообщает мне информацию, за которую французский посол не пожалел бы королевского выкупа, а каждый придворный в стране страстно желает знать. – Ты говоришь, у королевы приступы ночного пота? Входит в возраст, да?

– Если еще не вошла, то уже недалеко, – ответила служанка. – Бедная госпожа.

Я обнаружила отца и брата в большом зале, они беседовали о чем-то, пока слуги вокруг них накрывали к обеду огромный, установленный на козлах стол. Отец поманил меня к себе.

– Отец. – Я опустилась в реверансе.

Он без особой нежности поцеловал меня в лоб и сказал:

– Дочь моя, ты хотела меня видеть?

На секунду меня пронзила холодная дрожь – вдруг он забыл мое имя.

– Королева не беременна, – начала я. – Сегодня у нее началось обыкновенное женское. В прошлые месяцы ничего не было – ясное дело, входит в возраст.

– Хвала Господу! – торжествующе воскликнул Джордж. – Я сам с собой поспорил на один золотой. Она уже сказала королю?

Я покачала головой:

– Дамские дела начались у нее сегодня утром, она еще короля не видела.

Отец кивнул:

– Значит, мы узнали раньше его. А кто еще знает?

– Горничные, которые меняют белье, и любой, кто им заплатит. Уолси, наверное. Может, этот француз, если подкупил всех служанок.

– Тогда следует поторопиться, если хотим оказаться первыми, кто принесет ему эту новость. Мне самому сказать?

– Нет, – покачал головой Джордж, – дело слишком интимное. Может, лучше Мария?

– Ей не стоит сообщать известия, которые его разочаруют, – возразил отец. – Лучше не она.

– Тогда остается Анна, – предложил брат. – Это должен быть кто-то из нашей семейки, напомнить ему о Марии.

– Да, у Анны получится, – согласился отец. – Она всякому сумеет заморочить голову.

– Она в саду, – подала я голос. – Там, где стрельбище лучников.

Мы втроем вышли из большого зала на яркое весеннее солнце. Дул холодный ветер, и желтые нарциссы кивали, залитые светом. У стрельбища толпилась группка придворных, среди них и Анна. Мы увидели, как она шагнула вперед, вгляделась в мишень, натянула лук, – до нас донеслось позвякивание тетивы и глухой удар, сообщивший, что стрела попала в самое яблочко. Раздались аплодисменты. Генрих Перси поспешил к мишени, выдернул стрелу и сунул было в свой колчан, явно намереваясь оставить себе.

Анна рассмеялась и протянула руку за стрелой, но заметила нас. Сестра немедленно оторвалась от компании и направилась в нашу сторону.

– Отец.

– Анна. – Ее он поцеловал с большей теплотой, чем меня до того.

– У королевы начались дамские дела, – прямо переходя к делу, бросил Джордж. – Мы считаем, что ты должна сообщить об этом королю.

– А почему не Мария?

– Это бросит на нее тень, – объяснил отец. – Ей не пристало судачить со служанками, заглядывать в содержимое ночного горшка.

В первый момент мне подумалось, что Анне тоже не захочется мараться подобными делами, но она только пожала плечами. Она-то знала – за величие Говардов приходится иногда платить подобной монетой.

– И не забудь, Мария должна снова попасться ему на глаза, – добавил отец. – Когда он отвернется от королевы, пусть Мария будет тут как тут, наготове.

– Конечно, – кивнула Анна, и только я расслышала, как дрогнул ее голос. – Мария будет первой.

В этот вечер король, как обычно, вошел в покои королевы посидеть с ней у камина. Мы трое пристально следили за ним – король, верно, уже устал от этой домашней жизни. Но королеве не было равных в умении развлечь короля. Что-нибудь всегда находилось – карточная игра или кости, самая новая книга, которую она читала, высказывая необычные суждения, отстаивая свое мнение. Часто появлялись интересные гости, образованные люди, бывалые путешественники, поддерживающие приятную беседу с королем, не говоря уже об отменнейших музыкантах, а король страстно любил хорошую музыку. Одним из ее фаворитов был Томас Мор[15], и нередко они втроем вели беседы на плоской крыше замка под вечереющими небесами. Король и Мор обсуждали различные толкования Библии, спорили о том, настало ли уже время разрешить Библию на английском языке, чтобы и простые люди

[15] *Томас Мор* (1478–1535) – знаменитый английский гуманист, государственный деятель и писатель.

могли ее читать. И конечно же, в покоях королевы было полно хорошеньких женщин. У нее хватало ума заполнить свои комнаты самыми смазливыми личиками королевства.

Тот вечер отнюдь не был исключением. Она развлекала его, будто он посол иностранной державы и необходимо добиться его благосклонности. Сначала они с королевой просто беседовали, а потом кто-то попросил его спеть, и он вышел в центр комнаты исполнить одну из песен собственного сочинения. Король попросил кого-нибудь из дам поддержать его сопрановой партией, Анна с притворной скромностью выступила вперед и объявила, что попытается. Сомнений нет, все ноты были взяты с верхом совершенства. Их заставили спеть на бис, они были в восторге от самих себя, Генрих поцеловал руку Анны, а королева приказала подать им, двум певцам, вина.

Анна лишь легонько коснулась его руки, и он как будто слегка отгородился от всех остальных придворных. Только королева и мы, Болейны, заметили эту перемену. Королева приказала одному из музыкантов исполнить еще одну песню. Она прекрасно понимала, что ей не к лицу быть уличенной в слежке за мужем, снова флиртующим с женщинами. Она бросила молниеносный взгляд в мою сторону, проверить, каково мне смотреть, как король держит за руку мою сестру, но я ответила ей ласковой, невинной улыбкой.

– Становитесь истинной придворной дамой, моя маленькая женушка, – бросил в мою сторону Уильям Кэри.

– Неужели?

– Помню, как вы впервые появились при дворе, такой свеженький лакомый кусочек, лишь слегка отполированный французскими манерами, а теперь придворная позолота, похоже, уже покрыла душу. Никогда больше не поступаете необдуманно, так ведь?

В первую минуту мне хотелось как-то оправдаться, но я увидела: Анна произнесла пару фраз и король бросил взгляд в сторону королевы. Анна нежно коснулась его рукава, сказала еще что-то ласковое. Я отвернулась от Уильяма, какое мне до него, в сущности, дело, куда важнее глаз не спускать с человека, которого я люблю. Широкие плечи короля ссутулились, поникли, казалось, его оставила вся сила, лицо беззащитное, как у маленького ребенка. Анна повернулась, чтобы заслонить короля от глаз остальных придворных, а Джордж, отвлекая внимание от Анны, льющей горечь в уши короля, выступил вперед и спросил королеву, не разрешит ли она начать танцы.

Я больше не могла этого выносить, проскользнула мимо группы девиц, громогласно восхищающихся перспективой танцев, и направилась, чуть ли не оттолкнув Анну, к Генриху. Его лицо было бледно, в глазах – тяжкая тоска.

Я взяла его руки в свои и вымолвила только:

– Дорогой мой.

Он повернулся ко мне:

– Ты тоже знала? Все придворные дамы знают?

– Думаю, все, – ответила за меня Анна. – Не нужно ее осуждать за то, что она не хотела вам сказать. Бедняжка, это была ее последняя надежда. И ваш последний шанс, ваше величество.

Я почувствовала, как его пальцы сильнее сжали мои.

– Но гадалка мне сказала…

– Я знаю, – ласково ответила я, – ее наверняка подкупили.

Анна как будто растаяла, оставив нас вдвоем.

– И я с ней спал, так старался, надеялся…

– Я молилась за вас, – прошептали мои губы. – За вас обоих. Мечтала о сыне для тебя, Генрих. Бог свидетель, ничего в жизни так не желала, все надеялась, что она подарит тебе законного наследника.

– Но теперь надежды нет. – Король стиснул челюсти, в эту минуту он походил на избалованного ребенка, которому не дали любимую игрушку.

– Да, больше нет, – кивнула я. – Все кончено.

Он резко отпустил мою руку и отвернулся. Танцоры расступались, когда он стремительным шагом рассекал их ряды. Король подошел к улыбающейся жене и произнес громко, так что всем было слышно:

– Мне доложили, вам нездоровится, мадам. Жаль только, вы сами мне об этом не сказали.

Она бросила взгляд на меня, обвиняя в предательстве – разболтать самую что ни на есть личную тайну. Я отрицательно качнула головой. Она взглядом поискала среди танцоров Анну – та танцевала рука об руку с Джорджем. Сестра ответила вежливым, ничего не выражающим взглядом.

– Простите, ваше величество, – со всегдашним достоинством ответила королева, – я бы предпочла выбрать более подобающий момент для подобного разговора.

– Вы хотите сказать, вам следовало выбрать этот момент безотлагательно, – возразил он. – Но поскольку вам нездоровится, я предложил бы отпустить двор, вам никто не должен мешать.

Те придворные, которые сразу поняли, в чем дело, шепотом пересказывали стоящим рядом, что происходит, но большинство просто во все глаза смотрели на короля, внезапно пришедшего в такое дурное расположение духа, и на побледневшее, но спокойное лицо королевы.

Генрих резко повернулся, щелкнул пальцами, приказывая своим друзьям-приближенным – Джорджу, Генриху, Уильяму, Чарльзу, Фрэнсису – следовать за ним. Словно собакам свистнул и, больше не говоря ни слова, выскочил из комнаты. Меня порадовало, что Джордж, мой брат, отвесил самый низкий поклон королеве. Она отпустила их без единого слова, а потом поднялась и скрылась у себя в покоях.

Музыканты, все более лениво извлекающие звуки из своих инструментов, наконец совсем остановились и принялись оглядываться вокруг в ожидании новых приказаний.

– Идите уже, – нетерпеливо сказала я, – видите, теперь не до танцев и не до пения. Никому больше ваша музыка не нужна, никто не хочет танцевать.

Джейн Паркер взглянула на меня с нескрываемым удивлением:

– Я думала, ты обрадуешься. Король поссорился с королевой. Теперь пора подобрать тебя – побитый персик из канавы.

– Мне казалось, ты поумнела и перестала болтать подобные глупости, – резко произнесла Анна. – Такое сказать о будущей золовке! Ты уж постарайся исправиться, а то как бы не иметь неприятностей с новой семьей.

Джейн не желала уступать в споре Анне:

– С помолвкой у нас все в полном порядке, мы с Джорджем, считай, уже обвенчаны. Осталось дело за малым – выбрать день, да и только. Любишь ты меня или ненавидишь, мисс Анна, дело твое. Но ты мне не помеха, нас уже сговорили перед свидетелями.

– Какая, в сущности, разница! – закричала я. – О чем вы таком говорите?

Я вскочила и убежала к себе в комнату. Анна поспешила за мной.

– Что с тобой творится? – без обиняков начала она. – Что, король на нас рассердился?

– Нет, хотя ему бы и следовало, мы сделали редкостно гадкое дело – разболтали секрет королевы.

– Ну да, – кивнула Анна, видно было, ее это нисколько не трогает. – Но он на нас не рассердился?

– Нет, он просто ужасно расстроен.

Анна пошла к двери.

– Куда это ты? – спросила я.

– Пойду прикажу принести сюда ванну. Тебе надо помыться.

– Анна, Анна, – раздраженно повторила я. – Король только что узнал ужасную новость, настроение у него – хуже некуда. Да не позовет он меня сегодня. Завтра помоюсь, если нужно будет.

Она покачала головой:

– Не хочу рисковать. Помоешься сегодня.

Она ошиблась, но промахнулась только на один день. На следующий вечер королева сидела одна в своей опочивальне с приближенными придворными дамами, а я пировала в королевских покоях с братом, его друзьями и самим королем. Веселее вечера и придумать нельзя. Музыка, танцы, карты. В ту ночь я снова оказалась в королевской спальне.

Теперь мы с Генрихом были неразлучны. Весь двор знал – мы любовники, королева знала, даже простые люди, приезжавшие из Лондона полюбоваться, как король обедает, знали. Я носила его золотой браслет на запястье, скакала на его лошади во время псовой охоты. В ушах у меня блестели бриллиантовые сережки, мне пошили три новых платья, одно из золототканой парчи. И в одно прекрасное утро он сказал мне в постели:

– Ты так и не спросила, что случилось с тем портретом, который с тебя рисовали на верфи.

– Совсем о нем позабыла.

– Пойди сюда, поцелуй меня, и я тебе скажу, почему приказал его нарисовать, – лениво проговорил Генрих.

Он откинулся на подушки; было уже далеко не раннее утро, но занавески на кровати еще не отдернули, они защищали нас от нескромных глаз прислуги, вошедшей развести огонь в камине, принести горячей воды, вынести ночной горшок. Я перекатилась в постели поближе, прижалась к нему – круглые грудки против его теплой груди, позволила распущенным волосам пролиться потоком золота и бронзы. Вдохнула теплый, возбуждающий запах бороды, почувствовала мягкое покалывание коротких волосков над верхней губой, прижалась к его губам, впилась в них, слыша, нет, чувствуя вырвавшийся стон желания.

Подняла голову, улыбнулась, глядя ему прямо в глаза.

– Вот твой поцелуй, – прошептала хрипло, во мне тоже поднималось желание. – Почему ты приказал художнику нарисовать мой портрет?

– Я тебе покажу, – пообещал он. – После мессы. Отправимся вниз по реке на верфи посмотреть новый корабль, а заодно увидишь, что сталось с рисунком.

– А корабль уже готов? – Мне не хотелось отодвигаться от него, но он откинул покрывала, намереваясь встать.

– Да. Будем спускать на воду на следующей неделе.

Он чуть отдернул занавеску и крикнул слуге позвать Джорджа. Я накинула платье и плащ, Генрих помог мне спуститься с кровати, поцеловал в щеку:

– Пожалуй, позавтракаю с королевой, а потом поедем посмотреть на корабль.

Чудесное было утро. Я надела новый, желтого бархата костюм для верховой езды, сшитый из подаренной королем материи. Анна была рядом со мной, в одном из моих старых платьев. Что за удовольствие – наблюдать сестру в своих обносках! В то же время, как это обычно бывает у сестер-соперниц, я в восхищении разглядывала, что она сделала с платьем: приказала его укоротить и слегка перешить в модном французском стиле. На голове маленькая французского покроя шапочка из того же материала, сшитая из обрезков укороченной юбки. Генрих Перси глаз от нее отвести не мог. Но она с равным очарованием флиртовала со

всеми приятелями короля. Всего нас было девять. Во главе, бок о бок, скачем мы с Генрихом, за нами Анна с Перси и Уильямом Норрисом. Следом Джордж и Джейн – унылая молчаливая парочка, последними Фрэнсис Уэстон и Уильям Брертон[16], хохочут и перебрасываются шуточками. Впереди – пара конюхов, а сзади – четыре вооруженных солдата.

Мы подъехали к реке. Прилив был высоким, волны накатывали на берег, оставляя белую пену. Чаек ветром относило к земле, мы слышали их крики, крылья кувыркающихся в воздухе, борющихся с ветром птиц блестели серебром на ярком весеннем солнце. Зеленая изгородь вдоль дороги сияла свежей порослью, кремово-желтые островки первоцветов сверкали на обочинах солнечными зайчиками. Дорога вдоль реки была неплохо утоптана, и лошади без труда скакали легким галопом. Король, верхом на коне, пел мне любовную песню своего сочинения. А когда принялся исполнять во второй раз, я стала ему подпевать. Он рассмеялся, слушая мои попытки. Нет у меня сестринского таланта к пению, ну да какая разница. В тот день все было прекрасно, ничто не могло испортить нашего настроения, мы с возлюбленным скачем вместе, солнце сияет ярче не придумаешь, чудесное путешествие, он счастлив, и я счастлива его счастьем.

Мы добрались до верфи быстрее, чем мне хотелось, и Генрих, спешившись, снял меня с седла, сорвав быстрый поцелуй, прежде чем поставить на землю.

– Красавица моя, – шепнул на ухо, – у меня для тебя небольшой сюрприз.

Он развернул меня в другую сторону, сам встал рядом, чтобы не загораживать великолепное новое судно, почти готовое выйти в море. С характерной высокой кормой и носом боевого корабля, оно было создано для скорости.

– Гляди.

Генрих понял, что я вижу красоту корабля, но упускаю детали. Он указал на имя судна на украшенном орнаментом носу – изогнутые позолоченные буквы складывались в четкую надпись: «Мария Болейн».

Я застыла, читая буквы собственного имени, еще не понимая, в чем дело. Он не рассмеялся, глядя на мое изумленное лицо, просто наблюдал за мной, пока удивление не сменилось наконец пониманием.

– Ты назвал корабль в честь меня! – Я слышала, как дрожит мой голос.

Слишком большая почесть, я – такая юная, такая незначительная, а здесь целый корабль, да еще и какой, назван моим именем. Теперь весь мир будет знать, я – возлюбленная короля. Теперь уже не скроешь.

– В честь тебя, красавица моя, – улыбнулся король.

Он-то думает, я должна быть в восторге. Взял меня под руку – руки у меня холодны как лед, – повлек вперед. Резная фигура на носу корабля, благородный, прекрасный профиль, глядящий туда, вдаль, на Темзу, на море, на Францию. Это же я. Мои губы, слегка приоткрытые, легкая улыбка, будто я и вправду готова к ждущим меня приключениям. Словно я не жалкая марионетка в руках семьи Говард, а храбрая, прекрасная леди, сама творящая свою судьбу.

– Это я? – Голос чуть слышен за шумом воды, плещущейся у края сухого дока.

Губы Генриха у самого моего уха, его теплое дыхание греет холодную щеку.

– Ты. И красавица, как ты. Счастлива, Мария?

Я повернулась к нему, он меня обнял, я, привстав на цыпочки, зарыла лицо в теплоту его шеи, сладкий запах бороды и волос и прошептала:

– О Генрих.

---

[16] *Фрэнсис Уэстон* (1511–1536) и *Уильям Брертон* (ок. 1487–1536) – приближенные Генриха VIII, впоследствии казненные по обвинению в заговоре.

Мне хотелось спрятаться от его взора, я знала, на лице моем написан ужас, а не удовольствие и сейчас его все заметят.

– Счастлива? – настойчиво переспросил он. Поднял мое лицо, взял за подбородок, будто хотел прочитать душу, как манускрипт. – Это огромная честь.

– Я знаю. – Улыбка дрожала у меня на губах. – Благодарю вас.

– И ты будешь спускать его на воду, – пообещал король. – На следующей неделе.

– Не королева? – произнесла я после секундного колебания.

Меня страшила эта участь – занять место королевы при спуске на воду новейшего, наивеличайшего судна, которое он когда-либо построил. Но ясно же, кроме меня, некому. Не может же она спускать на воду корабль, носящий мое имя.

Он отмел ее в сторону, словно они не были женаты уже тринадцать лет, и только и сказал:

– Нет, не королева. Ты.

У меня достало сил улыбнуться и тем самым скрыть ужас – я несусь куда-то слишком быстро, слишком далеко, и в конце дороги ждет не беззаботная радость, подобная радости сегодняшнего утра. Нет, там куда темнее и страшнее. Мы пока еще беззаботно скачем, распевая хором, перевирая мелодию, но мы уже не просто возлюбленный со своей подружкой. Если мое имя носит такой корабль, если мне его спускать на воду на следующей неделе, значит я и впрямь соперница королевы Англии, враг испанского посла, всего испанского народа, весомая сила при дворе, угроза семье Сеймур. Чем выше меня вознесет милость короля, тем сильнее грозящая мне опасность. Но я так молода, мне всего пятнадцать лет. Честолюбивые мечты не доставляют мне никакого удовольствия.

Как будто догадавшись о моем внутреннем сопротивлении, Анна была уже тут как тут.

– Ваше величество, какая высокая честь оказана моей сестре. Потрясающая шхуна, прекрасная, словно женщина, именем которой названа. Сильный, могучий корабль – как вы, ваше величество. Да благословит эту шхуну Бог, пусть сражается с вашими врагами, кто бы они ни были.

Генрих улыбнулся, услышав комплимент:

– Она обречена на успех. С лицом ангела на носу – другому не бывать.

– Она уже в этом году отправится бить французов? – спросил Джордж, взяв меня за руку и легонько ущипнув, чтобы напомнить, в чем заключается работа придворного.

Король грозно усмехнулся:

– Без всякого сомнения. И если испанский император будет действовать со мной в союзе, план таков – мы атакуем на севере Франции, пока он нападает на юге. Тогда уж обуздаем гордыню Франциска. Без сомнения, будущим летом все так и будет.

– Если мы можем доверять испанцам, – вкрадчиво заметила Анна.

Лицо Генриха потемнело.

– Это они в нас нуждаются, не мы в них. И пусть Карл не забывается, дело не в родстве и семейных связях. Если королева почему-либо со мной не в ладах, ей следует помнить: она в первую очередь королева Англии, а уже потом испанская принцесса и прежде всего должна быть предана мне, своему королю.

Анна кивнула:

– Ненавижу раздвоенность. Хвала Господу, мы, Болейны, всецело преданы Англии. Целиком, без остатка.

– Несмотря на свои французские платья, – с проблеском остроумия заметил король.

Анна улыбнулась:

– Платье – всего лишь платье. Платье Марии сшито из желтого бархата, но вам лучше, чем кому-нибудь другому, известно – под платьем скрывается верноподданное, преданное сердце.

Он повернулся ко мне, улыбнулся:

– Счастлив вознаградить такое верное сердце.

Я чувствовала, как к глазам подступают слезы, попыталась смигнуть их с ресниц, но одна никак не хотела уходить. Генрих наклонился, поцеловал меня в глаза.

– Сладчайшее создание, – прошептал он. – Моя маленькая английская роза.

При спуске прекрасной «Марии Болейн» на воду присутствовал весь двор, только королева заявила, что ей неможется, и осталась дома. Испанский посол наблюдал, как корабль шел к воде, и, что бы он ни думал об имени шхуны, вслух он своих мыслей не высказал.

Мой отец пребывал в состоянии неистового раздражения на самого себя, на меня, на короля. Великая честь, оказанная мне и всему семейству, оказалась недешева. В подобных делах королю Генриху равных не было. Когда отец с дядей пришли поблагодарить за такое использование нашего родового имени, он разразился благодарностями за те пожертвования, которые они, несомненно, сделают в пользу замечательного корабля, носящего их имя, что, несомненно, укрепляет их репутацию.

– Так что ставки поднялись еще выше, – весело заметил Джордж, пока мы наблюдали, как судно скользит по стапелям по направлению к соленым водам Темзы.

– Куда им быть еще выше? – чуть слышно, еле шевеля губами, спросила я. – И так уже моя жизнь поставлена на карту.

Рабочие верфи, полупьяные от дарового эля, с громкими криками махали шапками. Анна улыбнулась и замахала в ответ. Джордж усмехнулся. Ветер теребил перо у него на берете, ворошил темные кудри.

– Теперь отцу придется потратиться, чтобы ты оставалась королевской фавориткой. На карту поставлено не только твое сердечко и твое счастье, моя маленькая сестричка, но и все семейное состояние. Мы думали сыграть на его любовной тоске, но дело обернулось так, что он выставил нас заимодавцами. Ставки поднялись выше. Отец и дядя захотят, чтобы их вложения окупились. Спорю, мы это скоро увидим.

Я отвернулась от Джорджа, поискала глазами Анну. Она стояла немного поодаль, рядом с ней, как обычно, Генрих Перси. Они оба следили за кораблем, буксиры потащили судно по реке, потом развернули и, борясь с течением, пришвартовали к пристани, чтобы оснастить прямо на воде. Лицо Анны оживленно, ей всегда нравится флиртовать.

Она улыбнулась мне и насмешливо крикнула:

– Да здравствует королева дня!

Я скорчила гримаску:

– Перестань меня дразнить, Анна. Мне уже довольно досталось от братца.

Генрих Перси шагнул поближе, взял мою руку, поднес к губам. Взглянув на его склоненную светловолосую голову, я поняла, как высоко меня вознесла моя звезда. Это был Генрих Перси, сын и наследник герцога Нортумберленда. Во всем королевстве не нашлось бы другого с такими возможностями и таким состоянием. Сын самого богатого человека в Англии, влиянием уступающего только самому королю. И вот он склоняет голову и целует мне руку.

– Она больше не будет вас дразнить, – заверил он, поднимая голову и улыбаясь, – поскольку я веду вас обедать. Мне сказали, повара из Гринвича трудятся с рассвета, чтобы все было готово. Король уже направил свои стопы к столу, не пора ли и нам последовать за ним?

Я помедлила минутку, но королева, которая всегда придавала такое большое значение формальностям, осталась в Гринвиче, лежала там в затемненной комнате с болью в животе и страхом в сердце. На пристани толпились лишь никчемные, ничем не занятые придворные. Никому и дела не было ни до каких правил, кроме одного – победитель ступает первым.

– Конечно, – ответила я. – Почему бы и нет.

Лорд Генрих Перси предложил другую руку Анне:

– Могу ли я завладеть обеими сестрами?

– Сдается мне, Библией это запрещено, – игриво парировала Анна. – Библия, однако, разрешает выбирать между сестрами, а потом уж хранить верность выбору. Все остальное – смертный грех.

Лорд Генрих Перси рассмеялся:

– Не беспокойтесь, я смогу получить индульгенцию. Папа римский, без сомнения, отпустит мне грехи. С двумя такими сестрами как можно ожидать от смертного, что он сумеет сделать выбор!

Мы отправились домой только после того, как пали сумерки и на бледном небе начали проступать звезды. Я скакала рядом с королем, рука в руке; лошади шли неторопливой иноходью по проложенной по берегу реки дороге. Мы въехали под арку, ведущую во дворец, прямо к настежь открытой двери. Он натянул поводья, лошади встали. Король снял меня с седла и прошептал в самое ухо: «Как бы я хотел, любовь моя, чтобы ты была королевой – все дни, не только один день на пиру у реки».

– И он это сказал? – переспросил дядюшка.

Я стояла перед ним, как обвиняемый во время допроса на суде. В помещениях, принадлежащих семье Говард, за большим столом сидел дядя Говард, герцог Суррей, а рядом с ним отец и Джордж. На другой стороне комнаты, у меня за спиной, устроились мать и Анна. Я, одна-одинешенька, стояла посредине комнаты, словно нашкодивший ребенок перед старшими.

– Он сказал, что хотел бы видеть меня королевой все дни, – еле слышно прошептала я.

До чего же ненавижу Анну – разболтать такой секрет! – ненавижу отца и дядю, их ледяным сердцам ничего не стоит производить вивисекцию страстных речей любовников.

– И что, по твоему мнению, он имел в виду?

– Ничего, – мрачно ответила я. – Это просто любовная болтовня.

– Нам нужно получить хоть что-то взамен этих бесконечных ссуд, – раздраженным голосом проговорил дядя. – Пообещал он тебе какие-нибудь земли? Награду Джорджу? Нам?

– Может, намекнешь на это? – предложил отец. – Напомни ему, твой брат собирается жениться.

Я взглянула на Джорджа с немой мольбой.

– Дело в том, что король весьма чувствителен к подобным вещам, – заметил брат. – Все у него чего-нибудь беспрерывно выпрашивают. Каждое утро, когда он выходит из опочивальни и идет к мессе, выстраиваются целые ряды просителей. Сдается мне, ему нравится, что Мария совсем не такая. По-моему, она ни о чем не должна просить.

– У нее и так в ушах алмазы ценой в целое состояние, – резко вступила в разговор мать.

Анна кивнула:

– Она их не выпрашивала. Он сам ей подарил. Ему нравится выказывать щедрость, когда никто не ожидает. Пусть лучше Мария ведет свою игру. У нее такой талант – любить короля.

Я прикусила губу, чтобы ничего не сказать. Да, у меня такой талант – я его люблю. Может, мой единственный талант. А наша семейка, все эти влиятельные мужчины, они просто используют – в интересах семьи, конечно, – мой талант к любви, точно так же как используют талант Джорджа к фехтованию или отцовские способности к иностранным языкам.

– Двор на следующей неделе переезжает в Лондон, – бросил мой отец. – Король увидится с испанским послом. Вряд ли он еще что-нибудь такое сделает для Марии, пока нуждается в испанских союзниках для войны с Францией.

– Тогда придется стремиться к миру, – злобно посоветовал дядя.

– Так я и делаю. Я известный миротворец, – ответил отец. – Блажен, не правда ли, как и подобает миротворцу?

Переезд двора всегда являет величественное зрелище, нечто среднее между деревенской ярмаркой, балаганом и ристалищем. Все было организовано кардиналом Уолси, при дворе, да и во всей стране, всяк подчинялся его команде. Он сражался бок о бок с королем в «Битве шпор» во Франции, заведовал провиантом, и ни в одном походе солдаты не ели так обильно и не спали так мягко. Он улавливал все, что ни происходило, а перевозя двор с одного места на другое, обращал внимание на мельчайшие детали. Что бы ни делалось в политике, он все знал: где остановиться, какого лорда осчастливить визитом во время королевского летнего путешествия. И в хитрости ему не откажешь – ни в коем случае не беспокоил короля подобными вопросами, чтобы молодому Генриху доставались одни только удовольствия, пусть думает, будто припасы, слуги и все такое прочее само собой падают с неба.

Именно кардинал определял, кто в каком порядке переезжает. Сначала едут пажи, над головами развеваются штандарты с гербами всех лордов королевского кортежа. Потом через некоторое время – пусть пыль уляжется – выступает сам король на лучшем коне, седло красной кожи и попона богато украшены всеми атрибутами королевской власти. Над головой вьется королевский стяг, рядом скачут приятели, которых он выбирает заново каждый день: мой муж Уильям Кэри, сам кардинал Уолси, мой отец, а за ними бесчисленная королевская свита – эти скачут как хотят, то осаживая коней, то снова пришпоривая. Вокруг свободным строем, с пиками наперевес личная королевская охрана. И не то чтобы они его защищают – кому придет в голову нападать на короля? – но толпу, собирающуюся в каждом городке или селении у нас по дороге, чтобы поприветствовать монарха и потаращить глаза на великолепие кортежа, оттесняют.

Потом снова никого, пусть пыль уляжется. И тут кортеж королевы. Она верхом на старой, покойного хода лошади под дамским седлом – королева всегда на ней ездит. Платье спадает крупными неуклюжими складками, шитая парча топорщится. На голове замысловатая шляпка, глаза чуть прищурены – солнце светит слишком ярко. Королеве нездоровится. Я знаю, я была рядом с ней, когда она садилась утром на лошадь, и слышала – забираясь в седло, она тихонько ойкнула, как от боли.

За королевской свитой остальные домочадцы – кто верхом, кто в повозках. Распевают песни, попивают эль, чтобы в горле оседало поменьше пыли. Всем нам весело и беззаботно, настроение праздничное, двор покидает Гринвич и едет в Лондон. Начинается новый сезон пиров и забав, и кто знает, что случится в этом году?

В Йоркском дворце у королевы маленькая, чистенькая, уютная комната. У нас всего несколько дней, чтобы все распаковать, разложить по местам. Король, как обычно, наносит утренние визиты, а с ним и придворные, среди них лорд Генрих Перси. Его светлость и Анна нередко сидят бок о бок у окна, головы склонились друг к дружке, – трудятся над одной из поэм, сочиняемых лордом. Он клянется и божится, что станет под ее руководством великим поэтом, а она утверждает, что ему в жизни ничему не выучиться и все это пустая трата времени, убиваемого на подобного болвана. Сдается мне, не девушке из семейства Болейн, родившейся в маленьком замке в Кенте, у которой всех владений – горстка полей в Эссексе, подобает называть болваном сына герцога Нортумберленда, но Генрих Перси только хохо-

чет, зовет ее слишком суровой учительницей и убеждает всех, что его талант еще покажет себя, дайте только срок.

– Кардинал вас спрашивал, – говорю я лорду Генриху.

Он поднимается не торопясь, целует руку Анне и направляется на поиски кардинала Уолси. Анна собирает бумаги, над которыми они так самозабвенно трудились, и складывает их в свой ящичек для письменных принадлежностей.

– И что, прорезался его поэтический талант? – спрашиваю я.

Анна с улыбкой пожимает плечами:

– Он, право, не Уайетт[17].

– А что касается ухаживаний – здесь он Уайетт?

– Он не женат, а потому весьма привлекателен для тонко чувствующих особ.

– Высоковато будет, даже для тебя.

– Не знаю, не знаю. Я его хочу, он хочет меня, почему бы и нет.

– Попроси отца поговорить с герцогом, – саркастическим тоном советую я. – Посмотрим, что герцог на это ответит.

Анна отвернулась к окну. Внизу виднелись бесконечные ухоженные лужайки Йоркского дворца, почти теряющиеся внизу у реки.

– Не собираюсь просить отца. Поверь мне, сама соображу, как справляться со своими делами.

Я чуть не расхохоталась, но вдруг поняла – сестра говорит серьезно.

– Анна, ты одна ни с чем не можешь справиться. Он еще так молод, тебе самой только семнадцать, такие дела самостоятельно не решают. У его отца уже наверняка все планы готовы, а у наших – отца и дядюшки – тоже небось на тебя свои виды. Мы не сами по себе, мы – из семьи Болейн. Поэтому нами и руководят, направляют нас куда следует. Посмотри на меня!

– Да, именно, посмотрите-ка на нее! – Она внезапно резко повернулась, излучая, казалось, зловещую силу. – Замуж выдали еще ребенком, а теперь – королевская любовница. Вдвое глупее меня и вполовину не так образованна, а туда же – в самом центре двора! А я – я никто! Быть при тебе фрейлиной – ничего другого не остается. Не желаю больше тебе прислуживать, Мария, это ниже моего достоинства.

– Я никогда тебя не просила… – еле смогла выговорить я.

– Кто заставляет тебя принимать ванну и моет тебе голову? – прозвучал сердитый вопрос.

– Ты, конечно. Но, Анна…

– Кто помогает тебе выбрать подходящее платье, подсказывает, как вести себя с королем? Кто тебя сотни раз выручал, когда глупость и неповоротливый язык не давали найти подходящий ответ?

– Ты. Но, Анна…

– И что от этого хорошего мне? Даже мужа нет, которому король мог бы пожаловать землю в знак своего благоволения ко мне. Некому дать высокую должность за то, что моя сестра – любовница короля. Мне ничего не достается. Вознесись ты хоть выше небес, мне ничего не получить. Приходится искать собственное место.

– Да, тебе необходимо свое место, – согласилась я. – Тут не возразишь. Я только сказала, герцогиней ты станешь вряд ли.

– Не тебе решать, – набросилась на меня сестра. – Кто ты такая? Только мешаешь королю заниматься важным делом: завести сына и наследника, если может, собрать армию и выиграть войну, если сумеет.

---

[17] *Томас Уайетт* (1503–1542) – английский дипломат и первый поэт английского Возрождения.

– Я не говорю, что мне решать, – шепнула я. – Я просто сказала, они тебе все равно не позволят.

– Когда дело сделано, оно сделано. – Анна решительно тряхнула головой. – А пока не сделано – никто ничего не узнает.

Она вдруг, как змея в броске, протянула руку и с силой схватила меня. Вывернула мне руку за спину, вцепилась так, что я и шевельнуться не могла, только вскрикнула от нестерпимой боли:

– Анна! Перестань! Больно же.

– Ну вот, послушай, – прошипела мне в самое ухо. – Послушай, Мария. Я веду свою игру, так что ты уж лучше не вмешивайся. Никто ничего не должен знать, пока я сама не скажу, а когда они узнают, будет слишком поздно.

– Собираешься переспать с ним?

Она неожиданно выпустила мою руку, я потерла плечо и локоть – болит по-настоящему.

– Я его заставлю на мне жениться, – тихим голосом произнесла Анна. – И если ты кому-нибудь хоть словом проболтаешься, я тебя убью.

Теперь я куда внимательней наблюдала за Анной. Было ясно, она вертит им как хочет. Остались позади долгие зимние месяцы сближения в Гринвиче, а теперь, когда вышло солнышко и мы прибыли в Йоркский дворец, она вдруг пошла на попятную. И чем сильнее сестра отстранялась, тем дальше завлекала ухажера. Стоило ему войти в комнату, она бросала улыбку – словно стрелу пускала прямо в яблочко мишени. Весь ее облик, казалось, зовет, источает желание. Но Анна тут же отворачивалась и больше на него не глядела, сколько бы он ни оставался в комнате.

Он состоял в свите кардинала Уолси, и предполагалось, что ему следует ждать его милость, пока тот наносит визит королю или королеве. На деле это означало следующее – юный лорд слонялся по покоям королевы и флиртовал с любой дамой, которая пожелает с ним разговаривать. Понятно, он глаз не спускал с Анны, а она проходила мимо, не глядя, и танцевала с бесчисленными кавалерами. Роняла перчатку, позволяла ему ее поднять, садилась рядом, не произнося ни слова, и вернула ему его поэмы, сказав, что не может помогать дальше.

Она явно решила постоянно уклоняться от встреч, и молодой человек никак не мог взять в толк, что же делать, как снова ее заполучить.

В один прекрасный день он подошел ко мне:

– Мадам Кэри, скажите, не обидел ли я чем вашу сестру?

– Не думаю, нет.

– Она раньше так мило мне улыбалась, а теперь от нее все чаще веет холодом.

Я на минуту задумалась, никогда у меня не получались быстрые ответы. Сказать правду – с тобой играют, как кошка с мышкой? Но я знала – Анне такой ответ ни к чему. С другой стороны, можно поступить по-другому, и сестра будет довольна. Я поглядела на него с подлинным состраданием – на мгновение. Потом одарила улыбкой сестер Болейн и ответила, как подобает даме из семейства Говард:

– Дело в том, милорд, что она боится проявить слишком много тепла.

Я заметила – его наивное мальчишеское лицо осветилось надеждой.

– Слишком много тепла?

– Она же всегда так добра к вам, милорд.

– Да, да, я ее верный раб.

– Мне кажется, она боится слишком к вам привязаться.

Он наклонился поближе, будто выхватывая слова прямо у меня изо рта:

– Слишком привязаться?

– Привязанности опасны для мира в душе, – тихо произнесла я.

Он вскочил, отошел от меня, снова вернулся:

– Так я ей нравлюсь?

Я улыбнулась, слегка отвернула голову – ложь никогда мне особенно не удавалась. Но от него так легко не отделаешься. Он опустился передо мной на одно колено и впился в меня глазами.

– Скажите же мне, мадам Кэри, – умоляюще начал он. – Я не сплю ночами. У меня пропал аппетит. Я измучен душой. Скажите мне, вы думаете, она меня любит? Вы думаете, она сможет меня полюбить? Ответьте, сжальтесь над беднягой.

– Не могу вам ответить. – И вправду, что я могла сделать? Ложь бы застряла у меня в горле. – Спросите ее сами.

Он подпрыгнул – словно заяц из кустов, за которым гонятся собаки:

– Спрошу, непременно спрошу. Где она?

– Играет в шары в саду.

Больше ему ничего не надо, распахнул дверь и выскочил из комнаты. Я слышала только стук каблуков по каменным ступеням. Джейн Паркер, сидевшая напротив, недоуменно взглянула на меня:

– Хочешь покорить еще одно сердце? – Она, как всегда, попала впросак.

Я улыбнулась – столь же ядовитой улыбкой – и сказала словно невзначай:

– Одни женщины привлекают мужчин, другие – нет.

Он обнаружил ее на лужайке для игры в шары, где сестра элегантно, с заранее обдуманным намерением проигрывала сэру Томасу Уайетту.

– Я напишу сонет в вашу честь, – пообещал поэт. – Вы отдали мне победу с непередаваемой добротой.

– Нет-нет, у нас честное состязание.

– Если бы мы играли на деньги, мне бы пришлось, без сомнения, развязать кошелек. Вы, Болейны, проигрываете только тогда, когда на кону ничего достойного нет.

Анна улыбнулась:

– В следующий раз вы поставите на кон все свое состояние. Видите, я уже убаюкала вас, и вы думаете – бояться нечего.

– Состояния у меня нет, но могу предложить свое сердце.

– Не хотите ли прогуляться со мной? – громко, куда громче, чем намеревался, воскликнул, прерывая галантный разговор, Генрих Перси.

Анна изумленно вздрогнула, будто не заметила его раньше:

– О, это вы, лорд Генрих.

– Дама играет в шары, – сказал сэр Томас.

Анна улыбнулась обоим мужчинам разом:

– Я разгромлена наголову, лучше мне пойти прогуляться и обдумать стратегию борьбы. – И она протянула руку лорду Генриху.

Он повел ее прочь от лужайки, по извилистой тропинке, ведущей к скамейке под большим тисом.

– Мисс Анна, – начал он.

– Слишком сыро, чтобы сидеть, правда?

Он немедленно скинул плащ, постелил на каменной скамье.

– Мисс Анна…

– Нет, слишком прохладно, – заявила она и поднялась.

– Мисс Анна! – воскликнул он, на этот раз чуть сердито.

Анна помедлила, повернулась, одарила его самой соблазнительной из своих улыбок:

– Ваше сиятельство?

– Я хочу знать, почему с недавних пор вы так холодны со мной?

Она помолчала минутку, потом, отбросив привычное кокетство, поглядела на него – лицо такое серьезное и прекрасное.

– Я не хотела быть неласковой, – медленно начала она, – я просто пытаюсь быть поосторожней.

– Правда? Я так мучился!

– Я вовсе не желала вас мучить. Мы оказались слишком близко, так оставаться не может.

– Почему? – прошептал юноша.

Она обвела взглядом сад, поглядела на реку, проговорила тихо:

– Я думала, так будет лучше – для меня, а может, и для нас обоих. Наша дружба сделалась слишком тесной, я чувствовала себя неловко.

Он отступил от нее, потом снова приблизился.

– Я бы в жизни не причинил вам никакого неудобства, – заверил Генрих Перси. – Хотите, поклянусь, что это будет просто дружба и даже тени скандала на вас не упадет.

Она взглянула на него сверкающими черными очами:

– Пообещаете, что никто и никогда не скажет, что мы влюблены друг в друга?

Он, не говоря ни слова, отрицательно мотнул головой. При этом дворе, где каждый только и мечтает о скандале, как можно такое пообещать?

– Пообещаете, что мы никогда друг в друга не влюбимся?

– Конечно, я люблю вас, мисс Анна, – раздумчиво произнес он. – Нежно, как положено придворному.

Она улыбнулась, будто довольная его ответом:

– Я знаю, это просто весенняя игра, и больше ничего. Я тоже, конечно, вас люблю. Но эта игра опасна, если игроки – привлекательный мужчина и молодая девушка. Тогда многие сразу скажут – они просто созданы друг для друга.

– А такое говорят?

– Да, когда мы танцуем. Когда видят, как вы глядите на меня, как я улыбаюсь в ответ.

– А что еще они говорят? – Он завороженно следил за рассказом.

– Говорят, вы в меня влюблены. Говорят, я влюблена в вас. Говорят, мы по уши увязли в любви, а думаем, это просто игра.

– Боже. – Он вдруг будто прозрел. – Да ведь это правда.

– Но, милорд, что вы такое говорите?

– Каким же я был дураком. Давным-давно уже в вас влюбился, а сам все время думал – это просто забава, вы меня дразните, ничего серьезного.

– Для меня все куда как серьезно, – ласково на него глянув, прошептала она.

Юноша застыл под взглядом этих темных глаз.

– Анна, – шепнул он, – любовь моя.

Ее губы как будто ждали поцелуя. Она выдохнула:

– Генрих. Мой Генрих.

Он приблизился, обнял затянутую в кружева талию. Притянул Анну к себе, та подалась, источая соблазн, чуть двинулась навстречу. Генрих наклонился к ней, губы нашли губы девушки – в первом поцелуе.

– Скажи это, – прошептала Анна, – скажи прямо сейчас, в этот самый момент, скажи мне, Генрих.

– Выходи за меня замуж!

– Вот дело и сделано, – небрежно рассказывала Анна вечером, когда мы остались в спальне вдвоем.

Она приказала принести горячей воды, и мы обе сидели в ванне, поочередно терли друг другу спинки и мыли друг дружке волосы. Анна, как и все при французском дворе, большая поклонница чистоты, на этот раз занималась мытьем еще неистовей, чем обычно. Она проверила мои ногти – и на руках, и на ногах, будто я была грязнулей-мальчишкой, дала мне специальную палочку слоновой кости – вычистить уши, словно я была годовалым младенцем, расчесала частым гребнем – нет ли вшей – каждую прядку моих волос, сколько я ни ойкала от боли.

– Что сделано? – сердито спросила я, вылезая из ванны и завертываясь в простыню.

Вода с меня капала на пол. Вошли четыре служанки вычерпать воду, чтобы можно было унести громоздкую деревянную ванну. Они собирали воду большими грубыми, уже намокшими простынями, так что дело продвигалось медленно.

– Все, что ты мне рассказала, – просто флирт, и только.

– Он сделал мне предложение, – ответила Анна, чуть за служанками закрылась дверь. Она потуже обернулась в простыню и уселась перед зеркалом.

Раздался стук в дверь.

– Ну кто там еще? – раздраженно крикнула я.

– Это я, – ответил Джордж.

– Мы ванну принимаем.

– Ничего, пусть войдет. – Анна уже начала расчесывать иссиня-черные волосы. – Поможет мне расчесать этот колтун.

Брат ступил в комнату и только брови поднял, заметив весь этот беспорядок: вода на полу, повсюду мокрые простыни, мы обе полуодетые, густая грива Анны в беспорядке рассыпалась по плечам.

– Что такое – маскарад? Нарядились русалками?

– Анна решила, надо помыться. Опять!

Сестра протянула брату расческу.

– Расчеши мне волосы, – улыбнулась хитрой улыбкой. – А то Мария всегда их так дерет.

Брат покорно принялся расчесывать густые черные кудри, прядку за прядкой. Он орудовал бережно, будто расчесывая гриву любимой кобыле. Анна от удовольствия даже глаза зажмурила.

– Вши? – внезапно насторожилась она.

– Пока нет, – доверительным шепотом, достойным венецианского парикмахера, ответил брат.

– Что сделано? – повторила я, возвращаясь к рассказу Анны.

– Он у меня в кармане, – без обиняков заявила сестра. – Генрих Перси. Сказал, что меня любит, сделал предложение. Ты и Джордж должны быть свидетелями на обручении. Пусть даст мне кольцо, тогда и впрямь дело сделано, не разобьешь, ничуть не слабее, чем венчание в церкви со священником. И я буду герцогиней.

– Господи боже мой. – Джордж застыл с расческой в руках. – Анна! Ты уверена?

– Мне что, упускать такое? – резко бросила она.

– Нет, – согласился брат, – но все-таки. Герцогиня Нортумберленд! Боже, Анна, тебе будет принадлежать почти весь север Англии.

Она кивнула, улыбнулась своему отражению в зеркале.

– Господи, мы станем одной из самых влиятельных семей в стране! А может, и во всей Европе! Мария в постели короля, ты – жена одного из самых могущественных его подданных. Мы навсегда вознесем Говардов на небывалую высоту. – Он прервал взволнованную речь, будто уже обдумывал следующий шаг.

– А если Мария забеременеет от короля и родится мальчик, то при поддержке Нортумберлендов он может и на трон претендовать. И я буду дядей короля Англии!

– То-то и оно, – вкрадчиво сказала Анна. – Об этом я и думаю.

Я промолчала, наблюдая за сестриным лицом.

– Семья Говард на троне, – бормотал Джордж себе под нос. – Союз Нортумберлендов и Говардов. И дело уже сделано, да? Как две такие семьи могут сойтись вместе? Только через брак и общего наследника. Мария может родить наследника, а Анна – привязать к нему Перси и его родных.

– Ты думала, я ничего не добьюсь. – Анна показала на меня пальцем.

Я кивнула:

– Считала – ты метишь слишком высоко.

– В следующий раз не возражай, – предупредила сестра. – Я куда целюсь, туда и попадаю.

– В следующий раз буду знать, – покорно кивнула я.

– А он? – забеспокоился Джордж. – Вдруг они его наследства лишат? Хорошенькое тогда будет дело – выйти замуж за мальчишку, которому светила герцогская корона, а достался позор и больше ничего.

Она покачала головой:

– Ничего такого не случится, они им слишком дорожат. Но вам придется меня поддержать, тебе, Джордж, и отцу с дядей. Его отец должен убедиться, что мы достаточно для них хороши. Тогда они разрешат помолвку.

– Сделаю все, что смогу, – пообещал брат, – но не забывай, такая гордая семейка. Его собирались женить на Марии Талбот, пока Уолси не стал возражать против этого брака. Они не захотят тебя вместо нее.

– Ты за его богатством гонишься, да? – задала я свой вопрос.

– Конечно, и за титулом тоже, – грубо бросила сестра.

– Понятно, понятно, но он тебе хоть немножко нравится?

Сначала я подумала – она снова отмахнется от вопроса, отпустит какую-нибудь шуточку, будто его мальчишеское обожание и впрямь ничего для нее не значит. Но она наклонила голову, и свежевымытые волосы полились Джорджу в руки тяжелой темной струей.

– О, я сама знаю, это глупо. Я знаю, он просто мальчишка, и притом глупый мальчишка, но, когда он со мной, я тоже становлюсь молоденькой девчонкой. Мне тогда кажется – мы два подростка, влюблены и ничего не страшимся. При нем я такая беспечная, будто он меня заворожил! Словно я и впрямь его люблю.

Казалось, говардовское заклятие холодности вдруг исчезло, разбилось, как зеркало, и все вдруг заиграло настоящими, живыми, яркими красками. Я рассмеялась, схватила сестру за руки, заглянула ей в лицо.

– Правда, чудесно быть влюбленной? – требовала я ответа. – Лучше ничего на свете нет.

Она отняла руки:

– Отвяжись, что ты, право, как маленькая, Мария? Да, да, совершенно чудесно, но перестань надо мной сюсюкать, я этого не переношу.

Джордж взял густые пряди ее волос, обернул короной вокруг головы, залюбовался сестриным отражением в зеркале.

– Анна Болейн – и влюблена! Кто бы мог представить!

– Такого бы в жизни не произошло, не будь он вторым человеком в королевстве после самого короля, – напомнила ему сестра. – Я своего долга перед семьей не забываю.

Брат кивнул:

– Я знаю, Анна-Мария. Мы все знаем, ты целишься высоко. Но семейство Перси! Это куда выше, чем я воображал.

Она двинулась ближе к зеркалу, пристально вглядываясь в свое отражение. Потом спрятала лицо в ладонях:

– Моя первая любовь. Первая и навеки.

– Проси у Бога, чтобы это и впрямь была такая удача: последняя любовь и она же первая, – внезапно трезвым, рассудительным голосом произнес Джордж.

Ее темные глаза встретились в зеркале с глазами брата.

– Пожалуйста, Господи, ничего в жизни не хочу больше, чем Генриха Перси. Этим я буду довольна. Знаешь, Джордж, не могу даже сказать, как я буду довольна, если получу его.

Как Анна приказала, на следующий день пополудни Генрих Перси пришел в покои королевы. Время выбрано искусно, все фрейлины отправились на мессу, и мы были в комнате одни. Генрих Перси вошел и огляделся, удивляясь непривычным молчанию и пустоте. Анна подошла к нему, взяла обе руки в свои. Я заметила – он выглядит не столько влюбленным, сколько загнанным.

– Любовь моя, – произнесла Анна, и от звука ее голоса лицо юноши просветлело, к нему вернулась былая отвага.

– Анна, – шепнул он.

Пальцы нащупали что-то в кармане, он вытащил кольцо. С моего места у окна я разглядела отблеск алого рубина – символа добродетельных женщин.

– Тебе, – тихо сказал он.

Анна снова взяла его за руку:

– Хочешь, чтобы мы прямо сейчас поклялись друг другу в верности?

Он сглотнул:

– Да.

Она просияла:

– Тогда начнем.

Он взглянул на нас с Джорджем, будто надеясь, что мы его остановим.

Мы ободрительно улыбнулись, по-болейновски, этакая пара симпатичных змей.

– Я, Генрих Перси, беру тебя, Анну Болейн, в свои законные супруги, – произнес он, держа Анну за руку.

– Я, Анна Болейн, беру тебя, Генриха Перси, в свои законные супруги. – Ее голос дрожал куда меньше.

Он нашел средний палец:

– Этим кольцом я обещаю себя тебе. – И надел кольцо на палец. Оно было чуть великовато. Сестре пришлось сжать руку в кулак, чтобы кольцо не упало.

– Этим кольцом я беру тебя, – ответила она.

Он наклонился, поцеловал ее. Когда она повернулась ко мне, глаза ее затуманились желанием.

– Оставьте нас одних, – хрипло приказала она.

Брат и я дали им два часа, а потом услышали, как по каменным плитам коридора зазвучали шаги королевы и ее дам, возвращающихся с мессы. Мы громко забарабанили в дверь особым ритмом, означающим «Болейн!», зная, что Анна услышит, даже если крепко спит, насытившись любовью. Но, открыв дверь и войдя в комнату, обнаружили их с Генрихом Перси за сочинением мадригала. Она играла на лютне, а он напевал слова, которые они только что сочинили. Головы обоих почти соприкасались в попытке разглядеть на пюпитре написанные нотные знаки, но, если не считать этой близости, все было как в любой другой день в течение последних трех месяцев.

Анна улыбнулась мне, когда мы с Джорджем, а за нами фрейлины королевы вошли в дверь.

– А мы тут премиленькую мелодию сочинили, все утро трудились, – сладко пропела Анна.

– И как она называется? – спросил Джордж.

– «Веселее, веселее», – ответила сестра. – «Веселее, веселее мы идем вперед».

В эту ночь настала очередь Анны тайком выбираться из нашей спальни. Когда башенные часы пробили полночь, она набросила поверх платья темную накидку и направилась к двери.

– Куда это ты среди ночи? – удивленно спросила я.

Из-под капюшона накидки показалось бледное лицо сестры.

– К моему мужу, – просто сказала она.

– Анна, так нельзя. – Я была в ужасе. – Тебя могут заметить, и тогда все пропало.

– Мы обручились в глазах Божьих и перед свидетелями. Крепко, как брак, правда ведь?

– Да, – против воли подтвердила я.

– А брак можно объявить несостоявшимся, если он не завершен, так?

– Да.

– Значит, надо поторопиться. Тогда и его семье не увильнуть – если мы оба скажем, что и обручились, и поженились.

Я стояла на коленях в кровати, умоляя ее остаться:

– Что, если тебя увидят!

– Не увидят.

– Тогда его семья будет знать, что ты и он бродите по замку по ночам!

Она пожала плечами:

– Какая разница! Дело уже будет сделано.

– А если все закончится ничем…

Под взглядом ее жгучих глаз я оборвала фразу на середине. Она одним прыжком очутилась у кровати, схватила ворот моей ночной рубашки, скрутила его жгутом на шее.

– Оттого я и иду, – прошипела сестра. – Ничего ты не понимаешь. Чтобы все не закончилось ничем. Чтобы никто не мог сказать, что ничего не произошло. Чтобы все было подписано и скреплено печатью. Обручились и поженились. Дело сделано, не отречешься. А ты спи. Я вернусь скоро, задолго до рассвета. Но теперь мне пора.

Я кивнула и больше не произнесла ни слова, пока она не взялась за дверное кольцо.

– Но, Анна, ты его любишь?

Капюшон почти закрывал ее лицо, но я все же разглядела уголок улыбки.

– Глупо, ясное дело, в этом признаваться, но я вся словно в лихорадке, стоит ему только меня коснуться.

Тут она открыла дверь и исчезла.

Лето 1523 года

На Майский день кардинал Уолси придумал новую забаву – игру в разбойники. Придворные дамы, все в белом, погрузились на барки, и на них – вот неожиданность – напали французские разбойники, все в черном. Вольные английские стрелки, одетые в зеленое, на своих барках попытались отбить пленниц. Завязалась веселая потасовка, противники окатывали друг друга водой из ведер, стреляли налево и направо снарядами, сделанными из свиных пузырей, наполненных водой. Королевская барка, богато изукрашенная зелеными флагами с зеленым же вымпелом на мачте, оснащенная маленькой пушечкой, забрасывала французских разбойников водяными снарядами, так что нападавших пришлось спасать при помощи лодочников с Темзы, которым за это немало заплатили. Одно плохо, им тоже хотелось поучаствовать в битве.

Королева во время сражения вымокла с головы до пят. Она веселилась, как девочка, глядя на мужа в роли Робин Гуда Ноттингемского, с маской на лице и зеленой шапочкой на голове. Я сидела рядом с королевой, король бросил мне розу. Мы вернулись к пристани Йоркского дворца, там нас приветствовал сам кардинал. Заиграли спрятавшиеся за деревьями музыканты. Золотоволосый, на голову выше всех остальных, Робин Гуд повел меня в танце. Улыбка, я видела, ни на миг не покидала лица королевы, хотя король, танцуя, взял мою руку и прижал ее к зеленому камзолу, там, где было сердце. Чепец не скрывал великолепия торчащей за ухом розы.

Повара кардинала превзошли самих себя. Фаршированные павлины и лебеди, гуси и утки, оленина всех сортов, четыре вида жареной рыбы, а лучше всех жареный карп. Засахаренные фрукты и марципаны в форме цветов и букетов – отпраздновать май – так хороши, что даже есть жалко. После трапезы, когда от реки потянуло прохладой, музыканты заиграли таинственную мелодию и повели нас темнеющими аллеями обратно ко дворцу.

Дворец преобразился, кардинал приказал задрапировать зал зеленой материей, в каждом углу огромные букеты цветов, а в центре два зеленых трона – один для короля, другой для королевы. Перед тронами маленькие танцовщики исполняют замысловатый танец. Мы заняли свои места, полюбовались на детишек в маскарадных костюмах, а потом и сами принялись танцевать.

Все веселились до полуночи, и только тогда королева поднялась и приказала придворным дамам покинуть зал. Я следовала за ней, но тут король ухватил меня за подол платья.

– Пойди сюда, – нетерпеливо приказал он.

Королева повернулась, собираясь сделать прощальный реверанс, и увидела – король держится за мою юбку, а я растерянно гляжу на него. Она, не задумываясь, опустилась перед мужем в самом что ни есть изысканном испанском реверансе:

– Спокойной ночи, супруг мой. – Голос – слаще не бывает. – Спокойной ночи, мадам Кэри.

Я тоже присела в реверансе и прошептала, склонив голову:

– Спокойной ночи, ваше величество.

Как мне хотелось опуститься еще ниже, на пол, провалиться сквозь пол, чтобы она не видела моего пылающего лица.

Когда я выпрямилась, королевы уже не было. Король будто совсем о ней позабыл, словно это мать ушла, оставив детишек резвиться на свободе.

– Музыканты, играйте, – весело скомандовал он. – И подать сюда еще вина.

Я огляделась вокруг: придворные дамы удалились вместе с королевой. Джордж ободряюще улыбнулся мне и шепнул еле слышно:

– Не тушуйся, сестренка.

Я не знала, что отвечать, но тут Генрих поднял бокал и повернулся ко мне:

– За Майскую королеву!

Придворные, которые повторили бы за королем все, что угодно, хоть голландскую скороговорку, подняли бокалы:

– За Майскую королеву!

Генрих взял меня за руку и повел к трону, где только что сидела королева. Я покорно следовала за ним, только ноги заплетались. Не готова я сесть в ее кресло.

Он нежно подтолкнул меня у первой ступеньки, я обернулась взглянуть на невинные детские мордашки и на такие знакомые лица приближенных короля.

– Давайте станцуем для Майской королевы!

Он подхватил какую-то девчушку, и они принялись исполнять сложные фигуры танца. Я сидела в кресле королевы, глядя на ее мужа, танцующего передо мной, слегка флиртующего с партнершей, и понимала: у меня на лице такая же улыбка-маска, как у королевы, – все понимающая, все принимающая.

На следующий день после Майского дня Анна – лицо белее мела – влетела в комнату.

– Посмотри! – прошипела она, бросив на кровать листок бумаги.

> *Дорогая Анна, сегодня я не могу с Вами увидеться. Его преосвященство кардинал все знает, и мне приказано дать ему полное объяснение. Клянусь, я Вас не подведу.*

– Боже мой, – тихо сказала я. – Кардинал знает. Значит, король тоже узнает.

– И что с того? – проговорила сестра, бросаясь на меня, словно ядовитая змея. – Ну и пусть все знают. Мы обручились по всем правилам, правда ведь? Значит, все и должны узнать.

Я видела, листок бумаги дрожит у нее в руках.

– Что он хочет сказать – он тебя не подведет? – спросила я. – Если обручение было по всем правилам, то и подвести нельзя. О чем он таком говорит?

Анна в три шага добралась до стены, развернулась, шагнула обратно, точно лев в клетке – один из тех, в Тауэре.

– Не знаю, о чем он таком говорит. Он совсем дурачок.

– Ты сказала, он тебя любит.

– Это еще не доказывает, что он не дурак. – Тут ей что-то пришло в голову. – Мне нужно к нему пойти. Он во мне нуждается. Он перед ними не устоит.

– Нельзя тебе идти, лучше обожди.

Она открыла сундук и вытащила накидку.

Тут раздался громоподобный стук в дверь, мы обе замерли. Анна мгновенно сдернула накидку, бросила ее в сундук и устроилась на крышке, будто с самого утра с места не вставала. Я отворила дверь, там стоял слуга кардинала Уолси.

– Госпожа Анна здесь?

Я чуть шире приоткрыла дверь, чтобы он мог ее увидеть. Анна глядела вдаль, на стоящую на якоре барку с ясно различимыми алыми вымпелами кардинала Уолси.

– Не соблаговолите ли пройти в приемную кардинала? – спросил гонец.

Анна повернула голову, но ничего не ответила.

– Немедленно, – добавил он. – Господин мой кардинал приказал, чтобы вы явились незамедлительно.

Она не возмутилась высокомерию этой команды. Ни для кого не секрет – кардинал управляет страной, а потому его слово весит никак не меньше слова самого короля. Анна

подошла к зеркалу, бросила взгляд на свое отражение, ущипнула себя за щеки – вернуть на лицо краску, – прикусила нижнюю губу, а потом и верхнюю.

– Мне тоже пойти? – спросила я.

– Да, будь рядом со мной, – быстрым шепотом пробормотала она. – Тогда он, может, вспомнит – король тебя слушает. А если там будет и король – ты уж постарайся его умилостивить.

– Я не могу ничего требовать, – напомнила я ей тоже шепотом.

Даже в такой момент сестра не удержалась – скорчила одну из своих гримасок:

– Это мне известно.

Мы последовали за слугой через парадный зал в комнату, где давал аудиенции Генрих. Там, против обыкновения, никого не было. Король уехал на охоту, большинство придворных вместе с ним. У дверей стояли люди кардинала в алых ливреях. Они отступили, пропуская нас, а потом снова заняли свои места, преграждая дорогу. Его преосвященство не хотел, чтобы нас прерывали.

– Госпожа Анна, – обратился он к сестре, когда та вошла в комнату, – мне сегодня сообщили ужасную новость.

Анна стояла неподвижно, руки сложены на груди, лицо спокойное.

– Какая жалость, ваше преосвященство, – невозмутимо произнесла она.

– Я узнал, что мой паж, молодой Генрих Нортумберленд, осмелился злоупотребить вашей с ним дружбой и той свободой, которую я ему предоставил, позволяя себе целыми днями флиртовать и болтать о любви в покоях королевы.

Анна покачала головой, но кардинал не дал ей рта раскрыть:

– Я сегодня ему указал, что подобные легкомысленные занятия несовместимы с положением того, кто в будущем унаследует северные графства и чей брак небезразличен его отцу, королю и мне самому. Он не парень с фермы, чтобы заигрывать с молочницами в копне сена, до чего никому и дела нет. Брак для лорда в его положении – событие политическое, никак не меньше. – Кардинал на минуту умолк. – А политика в этом королевстве дело мое и короля.

– Он предложил мне руку и сердце, и я дала свое согласие, – ровным тоном ответила Анна. Я заметила, золотая буква «Б», которую сестра носила на жемчужном ожерелье, плотно обвивающем шею, подрагивает в такт ее быстрому дыханию. – Мы обручены, ваша милость, прошу прощения, если союз вам не по вкусу, но дело уже сделано. И тут уж ничего не изменишь.

Он бросил на нее мрачный взгляд из-под широкой кардинальской шляпы:

– Лорд Генрих согласился подчиниться власти своего отца и его величества короля. Я сообщаю эти новости не из любезности, госпожа Болейн. Может быть, вы остережетесь наносить оскорбление тем, кто поставлен Богом выше вас.

Она побледнела:

– Он никогда не согласится. Он ни за что не подчинится отцу вместо того, чтобы…

– Вместо того, чтобы подчиняться вам? Интересно, так вот и обстояло дело? Но он повинуется отцу, госпожа Анна. Теперь дело в руках герцога и короля.

– Он обещался мне, мы обручились! – гневно заявила Анна.

– Это было обещание жениться в будущем, – объявил кардинал. – Обещание жениться, если представится возможность.

– Нет, это обещание жениться в настоящем, – непоколебимо стояла на своем Анна. – Помолвка перед свидетелями, со вступлением в брачные отношения.

– Ага. – Пухлая рука предупреждающе поднялась. Тяжелое кардинальское кольцо, казалось, подмигнуло Анне: «Не забывай, кто духовный глава Англии». – Пожалуйста, даже не пытайтесь меня убедить, что дело сделано. Если я сказал – обещание жениться в будущем,

значит так оно и есть, госпожа Анна. Я никогда не ошибаюсь. И если дама вступает в отношения с кавалером на основании такого незначительного обещания, это не свидетельствует в пользу ее ума. Такая дама, отдавшаяся кавалеру, а потом брошенная, уже себя погубила, ей больше никогда не выйти замуж.

Анна бросила на меня быстрый взгляд. Наверное, кардинал понимает: смешно проповедовать добродетель девственности той, чья сестра, как известно всему королевству, постоянно нарушает супружескую верность. Но он и взглядом не выдал, что заметил мое присутствие.

– Никому не пойдет на пользу, госпожа Болейн, если чувства к лорду Генриху толкнут вас на ложь.

Я видела – сестра борется с охватившим ее паническим страхом.

– Ваше преосвященство, милорд, – начала она, голос чуть дрожит. – Из меня выйдет неплохая герцогиня Нортумберленд. Я буду заботиться о бедных, о том, чтобы на севере царило правосудие. Я охраню Англию от шотландцев. И всегда буду вашим верным другом, вашей должницей на веки вечные.

Он слегка улыбнулся, словно хотел показать: дружбой с Анной его не подкупишь, у него бывали предложения и получше.

– Не сомневаюсь, из вас вышла бы превосходная герцогиня, если не в Нортумберленде, то где-нибудь еще. Такое решение должен принять ваш отец, ему выбирать, за кого вам выходить замуж. Да и мы с королем можем подсобить. Уладив все остальные дела, моя дорогая дочь во Христе, я позабочусь и о ваших желаниях. Я не позабуду, – теперь он уже не сдерживал улыбки, – я не позабуду, что вам хочется стать герцогиней.

Он протянул ей руку, Анна шагнула вперед, присела в грациозном реверансе, поцеловала кольцо, затем попятилась к двери. Пока за нами не закрылись двери, она не произнесла ни слова. Повернулась и пошла по каменным ступеням, ведущим в сад. Всю дорогу вниз по извилистым тропкам сестра молчала и заговорила только тогда, когда мы добрались до каменной скамьи в зарослях роз, подставляющих солнцу белые и алые лепестки.

– Что мне теперь делать? Думай! Думай!

Я только хотела сказать, что ничего не в силах придумать, как поняла – сестра говорит не со мной, она обращается к самой себе.

– Как же мне перехитрить Нортумберлендов? Сможет Мария уговорить короля? – Она покачала головой. – На Марию полагаться нельзя, она ничего толком не сделает.

Я сдержала негодующий ответ. Анна вышагивала взад-вперед по траве, юбка завивается вокруг сапожек на высоких каблуках. Я села на скамью, не сводя с сестры глаз.

– Послать Джорджа, пусть подбодрит Генриха? – Она кружила по траве. – Отца? Дядю? В их интересах, чтобы я поднялась повыше. Пускай поговорят с королем, и на кардинала у них есть влияние. Пускай найдут приданое, достойное Нортумберлендов. Им же выгодно, чтобы я стала герцогиней. Они придут на помощь. А когда герцог Нортумберленд приедет в Лондон, ему сообщат, что помолвка состоялась и брак заключен.

Семейный совет собрался в доме Говардов в Лондоне. Мать и отец сидели за огромным столом, дядя Говард – между ними. Мы с Джорджем, в немилости вместе с Анной, жались у стенки в дальнем конце комнаты. Анна – в самом центре, у стола, словно заключенный у тюремной решетки. Но она не опускала головы, как я. Нос задран, брови слегка подняты, глядит дяде прямо в глаза, как равная равному.

– Жаль, вместе с французскими модами ты выучилась французским привычкам, – прямо начал дядя. – Я тебя предупреждал – никаких сплетен вокруг твоего имени. Теперь я слышу – ты позволила Перси то, чего позволять нельзя.

– Я делила ложе со своим мужем, – без всякого выражения в голосе произнесла Анна.

Дядюшка взглянул на нашу матушку.

– Если ты еще раз повторишь подобную чепуху, я тебя выпорю и сошлю в Хевер навечно, никогда не позволю вернуться ко двору, – тихо сказала мать. – Лучше мне увидеть тебя мертвой, чем обесчещенной. Говорить такое перед отцом и дядей – постыдилась бы. Ты – позор семьи.

Я сидела за спиной у Анны и не видела ее лица, но заметила – пальцы вцепились в опушку платья, так утопающий хватается за соломинку.

– Ты отправишься в Хевер, покуда все не позабудут об этой ужасной ошибке, – прозвучал приказ дяди.

– Прошу прощения, но это вы, а не я совершаете ужасную ошибку. Мы с лордом Генрихом поженились. Он меня не оставит. Вы с отцом должны повлиять на его отца, на короля, на кардинала. Пусть признают наш брак. Если вы это сделаете, я стану герцогиней Нортумберленд, а значит, одна из Говардов войдет в знатнейшую семью Англии. Если я стану герцогиней, а у Марии родится сын, он будет племянником герцога Нортумберленда и королевским бастардом. Мы тогда сможем посадить его на трон.

Дядя уставился на Анну и тихо произнес:

– За куда меньшее король два года тому назад отправил на плаху герцога Бекингема. Смертный приговор был подписан моим отцом. Этот король заботится о наследниках. Никогда, никогда больше не произноси таких слов, а не то очутишься не в Хевере, а за стенами монастыря, монахиней на веки вечные. Анна, я не желаю, чтобы из-за твоего недомыслия благосостояние семьи подвергалось риску.

Сдержанный тон, скрывавший страшный гнев, потряс сестру. Она пыталась собраться с мыслями, прошептала:

– Я больше ничего не скажу. Но это могло бы сработать.

– Ни за что, – резко ответил отец. – Нортумберлендам ты не нужна. К тому же Уолси не позволит нам взлететь так высоко. А король делает то, что ему Уолси скажет.

– Лорд Генрих мне обещал.

Страстные слова Анны пропали впустую. Дядя только покачал головой и привстал, показывая – заседание окончено.

– Подождите, – отчаянно крикнула Анна. – Все еще может получиться. Клянусь вам. Если вы меня поддержите и лорд Генрих будет со мной, тогда и кардиналу, и королю, и герцогу придется с этим смириться.

– Они не смирятся. – У дяди явно нет ни малейших сомнений. – Ты просто дурочка. Никто не может справиться с Уолси. Ни один человек в стране. Мы не станем рисковать и наживать в нем врага. Стоит ему пожелать, и в постели короля будет не Мария, а какая-нибудь девчонка из семьи Сеймур. Все, чего мы добились с Марией, пропадет, если примемся помогать тебе. Это ее шанс, не твой. И ты можешь его погубить. Придется тебя убрать с дороги, на все лето по крайней мере, а то и на год.

Она застыла в ужасе:

– Но я его люблю.

В комнате повисло молчание.

– Да, – повторила она, – я его люблю.

– Это все совершенно несущественно, – ответил ей отец. – Твое замужество – семейное дело, и заниматься этим будем мы. Отправишься в Хевер по меньшей мере на год. Нечего околачиваться при дворе, и считай, тебе еще повезло. А если посмеешь ему писать, или же отвечать, или пытаться с ним увидеться, тогда в дело пойдет монастырь, и притом затворнический орден.

– Ну, дела не так уж плохи.

Джордж пытался сохранять веселый тон. Мы втроем направлялись к реке, чтобы сесть на лодку и вернуться во дворец. Один слуга в ливрее дома Говард шагал впереди, расталкивая попрошаек и уличных продавцов, еще один шел за нами следом. Анна брела, ни на что не глядя, не обращая внимания на людские водовороты, запрудившие улицы.

Продавцы торговали товаром с тележек, хлебом, фруктами, живыми утками и курами, только что привезенными из деревни. Находчивые, с хорошо подвешенными языками, толстые лондонские домохозяйки торговались без устали, не то что сельские жители, неторопливые, сосредоточенные, пытающиеся получить побольше выгоды за проданный товар. Бродячие торговцы предлагали книжки с балладами и нотные листы, сапожники показывали готовые сапоги и ботинки, клянясь и божась – подойдут на любую ногу. Цветочницы и продавцы салата, бездельники-пажи и трубочисты, факельщики, которым нечего было делать до наступления темноты, подметальщики улиц – тут были все. Слуги, решившие побездельничать чуток по дороге на рынок или с рынка, а перед каждой лавкой сидит на табурете дородная жена владельца, улыбается прохожим, приглашая их зайти и посмотреть, что сегодня продается по дешевке.

Джордж без устали, словно острое и увертливое шило, тянет нас с Анной сквозь пестроту базара. Он явно хочет доставить Анну домой раньше, чем буря в ее душе вырвется наружу.

– Нет, скажу вам, дела совсем не плохи, – все повторяет брат.

Мы наконец добрались до причала на реке, слуга махнул лодочнику.

– В Йоркский дворец, – резко бросил Джордж.

Наступил прилив, лодка быстро двигалась вверх по реке. Анна невидящими глазами смотрела по сторонам, на берега, заваленные городским мусором.

Мы пристали к дворцовой пристани, слуга поклонился и отправился на лодке обратно в город. Джордж потащил нас с Анной наверх в нашу комнату, и вот мы дома, за закрытой дверью.

Тут Анна обернулась и набросилась на брата, словно дикая кошка. Он поймал ее за запястья, оторвал руки от своего лица.

– Дела совсем не плохи! – заорала она. – Совсем не плохи! Я потеряла любимого, а заодно и репутацию! Я почти уничтожена, должна схоронить себя в деревне, пока все обо мне не позабудут. Совсем не плохи! Мой собственный отец не желает меня поддерживать, моя мать говорит – лучше бы ей увидеть меня мертвой. Ты совсем с ума сошел, идиот? Совсем с ума сошел? Или просто дурак, слепой, глухой недоумок?

Брат все еще держал ее за запястья. Она старалась вцепиться ногтями ему прямо в лицо. Я подобралась сзади и оттащила ее, а она все пыталась брыкаться. Мы стояли пошатываясь, словно трое подравшихся пьяниц, я ударилась об спинку кровати, когда она чуть не высвободилась из моих рук и снова набросилась на брата, но мне удалось вцепиться мертвой хваткой, да и Джордж не выпускал ее рук, не давая расцарапать лицо. Казалось, мы сражаемся не с Анной, а с чем-то похуже, каким-то непонятным демоном, овладевшим ею, а вместе с ней и всеми нами, Болейнами. Это демон гордыни, что загнал нас в маленькую комнатку во дворце, довел сестру до такого страшного сумасшествия, подогревает эту жестокую, бессмысленную битву.

– Мир, ради бога, мир! – кричал Джордж, стараясь избежать ее ногтей.

– Мир! – орала в ответ сестра. – О каком мире ты говоришь?

– Ты проиграла, – без обиняков ответил брат. – Теперь незачем сражаться. Ты уже проиграла.

На мгновение она замерла, но мы из осторожности не отпустили ее. Анна уставилась на брата невидящим, бессмысленным взглядом, потом запрокинула голову и расхохоталась диким, безумным смехом.

– Мир! – страстно произнесла она. – О боже! Да, я умру в мире. Они пошлют меня в Хевер, и я останусь там до самой своей мирной кончины. И никогда его больше не увижу!

Она издала отчаянный вопль, прямо из глубины сердца, и, перестав сопротивляться, сползла на пол. Джордж ослабил мертвую хватку, подхватил сестру. Анна обвила шею брата, спрятала лицо у него на груди. Она рыдала так ужасно, что я сначала не могла разобрать ни слова, а потом поняла – она снова и снова повторяет: «Боже, я его любила, я его любила, моя единственная любовь, о моя единственная любовь». Тут и из моих глаз ручьем полились слезы.

Они времени даром не теряли. Одежда Анны была упакована, лошадь оседлана, Джорджу было приказано сопровождать ее в Хевер в тот же самый день. Никто не сказал лорду Генриху Перси, что она уехала. Он передал для нее письмо, и моя мать, следившая за всем и вся, вскрыла послание, спокойно прочла его и бросила бумагу в камин.

– Что он пишет? – негромко спросила я.

– Клянется в вечной любви, – отвечала она таким тоном, будто считает подобное признание безвкусицей.

– Надо сообщить ему, что ее нет.

– Скоро и сам узнает, – пожала плечами мать. – Он сегодня утром виделся с отцом.

Другое письмо прибыло пополудни, имя Анны накорябано дрожащей рукой, чернила слегка смазаны, видимо капнувшей слезой. Мать – выражение лица каменное – распечатала письмо, и его постигла участь первого.

– Лорд Генрих? – задала я вопрос.

Она только кивнула.

Я поднялась со своего места у камина и пересела к окну:

– Хочу выйти на воздух.

Матушка повернула голову и резко ответила:

– Останешься здесь.

Давняя привычка к повиновению и почтение к матери все еще меня не покинули.

– Как прикажете, матушка. Не разрешите ли пройтись по саду?

– Нет, – прозвучал короткий ответ. – Отец с дядей приказали, чтобы ты никуда не выходила, покуда Нортумберленд выясняет отношения с сыном.

– Не возьму в толк, чему может помешать моя прогулка?

– А вдруг ты отнесешь ему записку?

– Ни за что! – воскликнула я. – Богом клянусь, одно вы бы могли заметить: я всегда, всегда делаю то, что мне приказано. Вы выдали меня замуж в двенадцать лет, мадам. Спустя два года, только мне исполнилось четырнадцать, вы разрушили мой брак. Вы подложили меня в постель королю, а мне еще пятнадцати не было. Не сомневайтесь, я всегда делаю то, что мне прикажет семья. Если я не боролась за свою свободу, с чего мне бороться за свободу сестры?

Она кивнула:

– Это хорошо. В мире не существует свободы для женщин, борись ты за нее или не борись. Сама видишь, где очутилась Анна.

– Да, в Хевере. Но там она хотя бы свободна пройтись по саду.

– Ты что, завидуешь? – с удивлением спросила мать.

– Мне там было хорошо. Иногда кажется, там куда лучше, чем при дворе. Но сердце Анны разбито.

– Чтобы от нее была хоть какая польза семье, нужны разбитое сердце и сломленный дух, – холодно заметила мать. – Этим приходится заниматься еще в детстве. Я думала, там,

при французском дворе, вас обеих научат повиновению, но они, похоже, оплошали. Ну что же, наверстаем теперь.

В дверь робко постучали, через порог неловко переступил простолюдин в потрепанной одежде:

– Письмо для Анны Болейн. Не велено передавать никому, кроме нее, и молодой господин сказал – смотри, как она его читает.

Я в нерешительности поглядела на мать. Она кивнула, я сломала красную печать с гербом Нортумберлендов и развернула туго свернутую бумагу.

Жена моя!

Дабы не быть клятвопреступником, не нарушу наших клятв друг другу. Я Вас не покину, если Вы меня не покинете. Отец на меня разгневан ужасно, и кардинал тоже сердится, и потому мне страшно за нас обоих. Но если мы будем держаться друг друга, они нас не разлучат. Пришлите мне хоть слово, хоть одно словечко, что вы меня не покинете, и я Вас ни за что не покину.

Генрих

– Он велел непременно дождаться ответа.

– Подожди снаружи, – приказала мать посланцу и захлопнула дверь у него перед носом. Потом повернулась ко мне. – Пиши ответ.

Она протянула мне лист бумаги, вложила в пальцы перо и продиктовала:

Лорд Генрих!

Мария пишет это письмо за меня, мне запрещено брать в руки перо, чтобы я Вам не отвечала. Все бесполезно. Они не позволят нам пожениться, мне все равно не быть Вашей. Не сражайтесь за меня против своего отца и против кардинала, ибо я уже сдалась. Это было просто обещание жениться в будущем, которое ни Вас, ни меня ничем не связывает. Освобождаю Вас от Ваших клятв и сама свободна от моих.

– Вы разобьете этим два сердца, – заметила я, присыпая невысохшие чернила песком.

– Может быть, – холодным тоном отозвалась мать. – Но юные сердца нетрудно склеить, а у сердца того, кто владеет половиной Англии, есть занятия получше, чем страдать от любви.

Зима 1523 года

Теперь, когда Анна исчезла, я оставалась единственной юной Болейн в мире, к тому же королева решила провести лето с принцессой Марией, и только я скакала рядом с королем во время путешествия. Лето было чудесным – мы вместе с королем мчались по полям, охотились, танцевали каждый вечер, а к возвращению двора в Гринвич в ноябре я шепнула Генриху, что уже второй месяц у меня нет женских дел, а значит, я ношу его ребенка.

В мгновение ока все переменилось. У меня теперь были новые покои и горничная к услугам. Генрих купил мне меховую накидку, чтобы я не простудилась. Повитухи, знахарки, гадалки сменяли одна другую в моих покоях, у всех спрашивали одно и то же: «Мальчик?» Большинство отвечали утвердительно, получая в награду золотой, одна или две осмелились сказать «нет», вызвав недовольную гримасу короля. Мать ослабила шнуровку моего платья, мне больше не позволяли быть в постели короля по ночам, оставалось только лежать одной в своей комнате да молиться, чтобы родился сын.

Королева смотрела на мой растущий живот глазами, полными горечи и боли. Я знала, что и у нее нет обычных женских дел, но даже вопроса не возникало – она уже не могла зачать. Она продолжала улыбаться во время рождественского пира, маскарада и танцев, сделала Генриху роскошный подарок, который ему ужасно понравился. После двенадцати дней маскарада наступила пора очищения, когда все должно быть ясно и честно, тогда она попросила его о разговоре без свидетелей. У королевы хватило мужества, бог знает откуда взялось, признаться ему – у нее уже давно нет женских дел, она теперь бесплодна.

– Сама мне сказала, – возмущенно повторял Генрих тем же вечером – я сидела у него в опочивальне, завернувшись в меховую накидку, с большой кружкой подогретого вина в руках, босые ноги протянуты к ревущему огню камина. – Сама сказала, без малейшего стыда.

Я не отвечала. Что я могла сказать – женщине уже почти сорок, ничего тут нет постыдного, ну прекратились месячные, это же нормально. Кому лучше его знать: если бы Бог слышал ее молитвы, у них бы сейчас росло не меньше десятка детей, и половина – мальчики. Но король будто забыл обо всем. Ему теперь казалось – она не дала мужу того, что обязана дать, я сразу заметила, что он не просто разочарован, он возмущен до глубины души.

– Бедняжка, – пробормотала я.

Он испепелил меня взглядом и поправил:

– Богачка. Жена одного из самых богатых людей в Европе, королева Англии, ни больше ни меньше, а что дала взамен – одного ребенка, да и то девочку.

Я кивнула – какой смысл спорить с Генрихом.

Он наклонился ко мне, положил руку на мой огромный живот.

– Даже если там мой сын, ему все равно носить имя Кэри, и мне от этого никакого проку, ни мне, ни Англии.

– Но все будут знать – он твой. Все знают, что ты сделал этого ребенка.

– Мне же нужен законный сын, – с горячностью в голосе произнес король, будто я, или королева, или какая-то еще женщина могла дать ему сына просто по собственному желанию. – Мне совершенно необходим сын, Мария. Англия должна получить моего наследника.

Весна 1524 года

Все долгие месяцы ссылки Анна писала мне раз в неделю письма, напоминавшие мои в ту пору, когда меня отослали в деревню. Помнится, она мне так ни разу и не ответила. Теперь я при дворе, а она там, далеко, во тьме кромешной, беру верх над сестрой щедростью – я-то отвечаю без промедления и, конечно, не премину рассказать о беременности и благосклонности ко мне короля.

Нашу бабушку Болейн тоже послали в Хевер приглядывать за Анной, и теперь обе они – молодая, элегантная леди французского двора и мудрая старуха, свидетельница того, как муж ее внезапно угодил из грязи в князи, – ссорились с утра до ночи, как пара кошек на крыше конюшни, отчего обе пребывали постоянно в самом несчастном расположении духа. Анна писала:

Если не смогу вернуться ко двору, сойду с ума. Бабушка колет орехи голыми руками и везде разбрасывает скорлупу, которая хрустит под ногами, как ракушки улиток. Старуха настаивает на ежедневных совместных прогулках по саду, даже когда идет проливной дождь. Считает, что дождевая вода полезна для кожи и оттого у англичанок такой бесподобный цвет лица. Смотрю на ее морщинистые, старые щеки и думаю: по мне, так лучше уж оставаться в комнатах.

Она пахнет просто ужасно и будто этого не замечает. Я приказала приготовить ей ванну, так служанка на другой день призналась: бабушка разрешила только посадить ее на табурет и помыть ноги. За столом она непрестанно мычит какую-то мелодию, а какую – сама не знает. Считает, мы должны держать открытый дом, чтобы любой бродяга из Торнбриджа или фермер из Эденбриджа мог войти в зал и любоваться тем, как мы едим, будто у нас королевский двор и нам больше нечего делать с деньгами, только раздавать нищим.

Пожалуйста, ну, пожалуйста, скажи дяде и отцу: если мне позволят вернуться, я буду делать все, что велят, им не надо меня бояться. Я на все готова, только бы уехать отсюда.

Я написала ей в тот же день:

Тебе скоро разрешат вернуться. Я уверена, потому что лорд Генрих помолвлен против воли с леди Марией Талбот. Говорят, жених во время помолвки разрыдался. Он уехал сражаться на шотландскую границу – командовать отрядом своих людей из Нортумберленда. Их семейству приходится охранять северную границу, пока королевская армия воюет во Франции. Испанцы по-прежнему наши союзники, обе армии пытаются закончить этим летом то, что было начато прошлым.

В этом месяце наконец состоится свадьба Джорджа и Джейн Паркер. Я спрошу матушку, можно ли тебе приехать на свадьбу. Уверена, в этом она не откажет.

Я чувствую себя неплохо, только очень устаю. Дитя уже огромное и по ночам не дает мне спать – ворочается и брыкается в животе. Генрих ко мне ужасно ласков, и мы надеемся на мальчика.

Хотелось бы, чтобы ты была рядом. Он так мечтает о мальчишке, я просто боюсь – а вдруг девочка! Как бы сделать этого младенца мальчиком?

Только не говори мне о спарже. Я все знаю про спаржу. И так уже заставляют ее есть три раза в день.

Королева не спускает с меня глаз. Теперь уже беременности не скроешь, ни для кого не секрет – это от короля. Уильяму не приходится сносить поздравлений с первым ребенком. Все знают и потому молчат, всем удобно, кроме меня. Иногда я себя чувствую полной идиоткой – живот далеко впереди, по лестнице без одышки не подняться, и муж, который мне улыбается, будто мы едва знакомы.

И еще королева…

Бога молю, чтобы не надо было ходить на службу в ее часовню два раза в день. Уж не знаю, о чем таком она теперь молится, теперь, когда надежд уже нет. Хотелось бы, чтобы ты была рядом. Мне не хватает твоего ядовитого язычка.

Мария

Джордж и Джейн Паркер наконец, после множества проволочек, поженились в маленькой церквушке в Гринвиче. Анне разрешили вернуться из Хевера на один день, позволили сидеть на одной из дальних закрытых скамей, где ее никто не увидит, но до свадебного пира не допустили. Но важнее всего – свадьба намечалась на утро, а значит, Анна сможет вернуться из Хевера с вечера, и мы трое, Джордж, Анна и я, проведем целую ночь с ужина до рассвета вместе.

Мы готовились к этой ночи, как повивальные бабки готовятся к долгим родам. Джордж запасся вином, элем и легким пивом, я прокралась на кухню и выпросила у поваров хлеба, холодного мяса, сыра и фруктов, они с радостью навалили мне целый поднос еды, подумали – я такая голодная, потому что уже на седьмом месяце.

Анна была в коротком платье для верховой езды. Выглядела старше своих семнадцати лет, похудела, побледнела.

– Это все прогулки под дождем со старой ведьмой, – объяснила она угрюмо.

Грусть придавала ей новый оттенок – никогда еще сестра не была так безмятежно спокойна. Словно выучила тяжелый урок – удача не падает тебе прямо в руки, словно спелые вишни. Сестра тосковала по тому, кого любила, – Генриху Перси.

– Он мне все время снится, – просто сказала она. – Как бы мне хотелось о нем не думать. Нет смысла оставаться такой несчастной. Я просто устала от этого. Звучит странно, правда. Устала быть несчастной.

Я глянула на брата. Он наблюдал за сестрой, лицо полно сочувствия.

– Когда его свадьба? – уныло спросила Анна.

– Через месяц, – ответил Джордж.

Она кивнула:

– Тогда все кончится. Если она, конечно, не умрет.

– Если она умрет, он сможет, наверное, жениться на тебе, – с надеждой в голосе произнесла я.

Анна пожала плечами, сказала резко:

– Ты просто дурочка. Не могу я сидеть и ждать его, надеясь, что Мария Талбот в один прекрасный день отправится на тот свет. Когда все это кончится, я еще кое на что сгожусь, правда ведь? Особенно если ты родишь мальчика. Тогда я буду теткой королевского бастарда.

Непроизвольно я положила руку на живот, будто стараясь охранить младенца: негоже ему слушать, что его тут хотят, только если он мальчишка.

– Он будет носить имя Кэри, – напомнила я ей.

– А если родится мальчик, сильный, здоровый и в придачу золотоволосый?

– Тогда назову его Генрихом. – Я улыбнулась, представляя себе золотоволосого мальчугана. – И король наверняка пожалует ему что-нибудь стоящее.

– Мы все вознесемся вместе с ним, – вздохнул мечтательно Джордж. – Тетя и дядя королевского сынка. Вдруг он получит какое-нибудь герцогство или графство? Кто знает?

– А ты, Джордж? – спросила Анна. – Рад-радешенек в эту радостную ночь? Я думала, ты будешь кутить всю ночь напролет, а не сидеть тут с двумя дамами, одной – толстой как бочка, другой – с разбитым сердцем.

Джордж налил еще вина и мрачно уставился в бокал.

– Две дамы, одна – толстая как бочка, другая – с разбитым сердцем, вполне подходят к моему настроению. Я бы не смог танцевать и распевать песни даже ради спасения собственной жизни. До чего же она отвратительна! Моя любимая! Будущая женушка! Скажите мне по правде, это ведь не только мне кажется? Она такая отвратительная, что всякому хочется держаться от нее подальше?

– Чепуха, вовсе она не отвратительная, – резко ответила я.

– Меня от нее с души воротит, всегда воротило. – Анна своих чувств не скрывает. – Что бы ни случилось: сплетни, слухи, отвратительный скандал, напраслина, – она тут как тут, подслушивает, за всеми наблюдает, в каждом видит только самое худшее.

– Я знаю, – угрюмо отозвался брат. – Боже! До чего милая у меня будет жена!

– В первую брачную ночь можешь ожидать какого-нибудь сюрприза, – хитро подмигнула Анна, подливая себе вина.

– Что такое?

Анна подняла брови:

– Для девственницы она слишком много всего знает. Большой запас сведений, куда более подходящий замужним дамам. Замужним дамам и шлюхам.

Джордж остолбенел:

– Только не говорите мне, что она не девица. Не будь она девственницей, я бы точно смог от нее отделаться.

Анна покачала головой:

– Нет, я никогда не видала, чтобы какой мужчина переступил с ней границы приличий. Да и кому бы это понадобилось, ума не приложу. Но она смотрит во все глаза, слушает во все уши, не стесняется задавать разные вопросы и выслушивать всевозможные ответы. Я раз подслушала, как она разговаривала с девицами Сеймур о какой-то любовнице короля. Не о тебе, конечно. – (Это было сказано в мою сторону.) – Они затеяли целую беседу о поцелуях с открытым ртом, и о том, что делать с языком и где должен был быть король, снизу или сверху, и про ласки, и про руки, и как доставить ему такое удовольствие, чтобы вовек не забыл.

– Так она знает про эти французские штучки? – изумленно переспросил Джордж.

– Уверяла, что знает, – расхохоталась в ответ Анна.

– Вот и славно. – Брат налил себе вина в бокал и помахал бутылкой – хочу ли я еще. – Может, и не так плохо быть ее мужем, может, я зря опасаюсь. Про ласки, про руки… ну и что ты знаешь про руки, глубокоуважаемая Анна-Мария? Сдается мне, ты услышала не меньше, чем моя будущая женушка.

– Ну нет, меня не спрашивай, – ответила сестра. – Я – девственница. Спроси кого хочешь, хоть матушку, хоть отца, хоть дядю. А лучше кардинала Уолси, он сам меня провозгласил девицей. Официально объявлена девственницей, да не кем-нибудь, а самим архиепископом Йоркским. Кому быть более девственной, чем я?

– Тогда я тебе расскажу, когда узнаю, – куда более веселым тоном объявил Джордж. – Я тебе напишу в Хевер, сможешь читать мои письма вслух бабушке Болейн.

Наутро свадьбы Джордж являл собой весьма бледное зрелище, но только мы с Анной знали – тут дело не в беспутной ночи накануне. Он даже не улыбнулся, когда Джейн Паркер подошла к алтарю, но она так сияла, что хватило на обоих.

Сцепив руки на огромном животе, я думала о том времени, когда сама стояла у алтаря и обещала оставить всех и вся и прилепиться к Уильяму Кэри. Он взглянул на меня, слегка улыбнулся, будто тоже думал: тогда, только четыре года назад, нам, крепко взявшимся за руки во время церемонии, такое будущее и в голову бы не пришло.

Король Генрих сидел недалеко от алтаря, глядел на моего брата, венчающегося с молодой невестой, а я думала: семейство неплохо наживается на моем животе. На мою собственную свадьбу король опоздал, да и вообще – он туда явился скорее почтить Уильяма, своего друга, чем выказать уважение семейству Болейн. Но теперь он возглавлял процессию желающих счастья жениху и невесте, когда те после церемонии шли от алтаря по проходу церкви. Потом мы с королем, рука об руку, повели гостей к свадебным столам. Матушка улыбалась мне так, будто я ее единственная дочь, а Анна тихонько выскользнула в боковую дверь, села на лошадь и поскакала обратно в Хевер, сопровождаемая только несколькими слугами.

Я представила себе, как она скачет в Хевер одна и, подъехав к сторожке у ворот, видит в лунном свете хорошенький, словно игрушечный, замок. Мысленным взором видела я дорогу, петляющую между деревьями, ведущую прямо к подъемному мосту. Воображала ржавый скрип опускаемого моста, гулкие удары копыт по деревянному настилу, кони ступают осторожно, сырой дух идет ото рва с водой, дымок несет запах мяса, готовящегося на кухне на вертеле, аромат доносится до всякого вступающего во внутренний двор. Представляла себе яркий свет луны, заливающий двор, ломаную линию фронтонов крыши на фоне темного неба и в глубине души, вопреки всему, мечтала очутиться сейчас там, в Хевере, а не изображать шутовскую королеву маскарадного двора. От всей души желала я носить в своем чреве законного ребенка, сидеть у окна и глядеть на мою землю, даже если это всего лишь маленькое поместье, и знать – в один прекрасный день земля будет по праву принадлежать моему сыну.

Но вместо этого я была счастливицей Болейн, одаренной всеми благами, а главное, королевским благоволением. Кто знает, где пройдут границы земель моего сына, кто знает, как высоко суждено ему подняться?

Лето 1524 года

Когда пришел июнь, я перестала показываться на людях, готовясь к родам. У меня была затененная комната, увешанная гобеленами. Мне не полагалось ни видеть свет, ни дышать свежим воздухом, пока не пройдут шесть долгих недель после рождения ребенка. Получается, мне придется оставаться в четырех стенах два с половиной месяца. При мне будут матушка и две повивальные бабки, пара служанок и одна горничная. За дверью комнаты по очереди дежурят два знахаря, ожидая, когда их позовут.

– Пусть Анна тоже будет со мной, – попросила я матушку, оглядывая затемненную комнату.

Та нахмурилась:

– Отец приказал ей оставаться в Хевере.

– Ну пожалуйста, это так долго, мне с ней будет веселей.

– Хорошо, пускай тебя навестит, – решила мать. – Но мы не можем ей позволить присутствовать при рождении королевского сына.

– Или дочери.

Она осенила мой живот крестным знамением и шепнула:

– Проси Господа послать тебе мальчика.

Я больше ничего не сказала, довольная, что удалось выпросить визит сестры. Она приехала на один день и осталась на два. Анна настолько скучала в Хевере, так злилась на бабушку, так хотела оттуда уехать, что даже затемненная комната и сестра, убивающая время за шитьем маленьких распашонок для королевского бастарда, оказались немалым развлечением.

– Была на ферме при усадьбе? – спросила я сестру.

– Нет, только мимо проезжала.

– Мне просто интересно, какой у них урожай клубники.

Она пожала плечами.

– А ферма Петерсов? Не пошла туда на стрижку овец?

– Нет.

– А сколько мы собрали урожая в этом году?

– Не знаю.

– Анна, чем же ты тогда там занимаешься?

– Читаю. Музицирую. Сочиняю песни. Езжу верхом каждый день. Работаю в саду. Чем еще можно заниматься в деревне?

– Я посещала разные фермы.

Сестра только вскинула брови:

– Они все одинаковые. Трава растет – вот и все.

– А что ты читаешь?

– Богословие, – бросила она. – Слышала о Мартине Лютере?

– Конечно слышала. – Я просто остолбенела. – Слышала достаточно, чтобы знать: он еретик и книги его запрещены.

Анна улыбнулась, будто знала какой-то особый секрет:

– Кто сказал, что он еретик? Все зависит от точки зрения. Я прочла все его книги и многих других, кто думает, как он.

– Ты уж лучше об этом молчи. Мать с отцом узнают, что ты читаешь запрещенные книги, тебя снова ушлют во Францию или еще куда подальше, с глаз долой.

– На меня никто не обращает внимания, – отмахнулась сестра. – Твоя слава меня совершенно затмила. Существует только один способ привлечь к себе внимание семьи – забраться в постель к королю. Чтобы семья тебя любила, надо стать шлюхой.

Я сложила руки на необъятном животе и улыбнулась, ее ядовитые слова меня совершенно не трогали.

– Вовсе не обязательно щипать меня из-за того, что моя звезда меня туда привела. Тебе никто не приказывал заводить шашни с Генрихом Перси и навлекать на себя позор.

На мгновение с прекрасного лица упала маска, и я увидела тоскующие глаза.

– Ты о нем что-нибудь слышала?

Я покачала головой:

– Даже если бы он и написал, мне этого письма не увидать. Думаю, все еще сражается с шотландцами.

Она крепко сжала губы, пытаясь сдержать стон.

– Боже, а вдруг его ранят или убьют?

Я почувствовала, как младенец шевельнулся, положила теплые ладони на растянувшуюся кожу живота.

– Анна, что тебе до него?

Ресницы опустились и скрыли горящие глаза. Сестра ответила:

– Конечно, мне до него и дела нет.

– Он теперь женатый человек. А ты, если хочешь вернуться ко двору, должна о нем крепко-накрепко позабыть.

Анна указала на мой живот и откровенно сказала:

– В этом-то и беда. Вся семья только и занята возможностью рождения королевского сынка. Я написала отцу десяток писем, а в ответ получила только одну записку от его секретаря. Он про меня совершенно забыл. Все, что его волнует, – ты да твой толстый живот.

– Скоро мы все узнаем.

Я старалась казаться спокойной, но на самом деле меня пронзал страх. Если родится девочка, сильная и здоровенькая, Генрих должен быть счастлив – он докажет всему миру, что может произвести потомство. Но ведь король – не обычный человек. Он хочет показать всему миру произведенного им здоровенького мальчишку. Он хочет показать всему миру своего сынка.

Родилась девочка. Столько месяцев надежд и ожиданий, особые службы в церкви – в Хевере и в Рочфорде, ничего не помогло – родилась девочка.

Моя маленькая девочка! Чудесный сверточек с ручками такими маленькими, что казались лапками крошечного лягушонка, с глубокой синевой глаз, напоминающей ночное небо Хевера. На макушке волосики такие черные, чернее не придумаешь, совсем не золотисто-рыжие кудри Генриха. Ротик – просто розовый бутон, так и хочется поцеловать. Она зевала – ну прямо король, утомленный постоянными восхвалениями. Она плакала – и по розовым щечкам текли настоящие слезки, словно у государыни, которую лишили законных прав. Когда я ее кормила, крепко прижимая к себе, в восторге от того, с какой силой она сосет грудь, крошка надувалась, как маленький ягненок, и засыпала, словно пьяница, отвалившийся от кружки медового вина.

Я не спускала ее с рук. Ко мне приставили кормилицу, но я схитрила и сказала, что ужасно болит грудь, просто необходимо кормить самой, и малышку у меня не забрали. Я в нее просто влюбилась. Я настолько ее полюбила, что никак не могла себе представить – чем она могла быть лучше, родись она мальчиком.

Даже Генрих растаял при виде ее, когда пришел с визитом в затененную тишину родильного покоя. Он вынул девочку из колыбельки и с восхищением оглядел совершенную

красоту личика, маленькие ручки и ножки малышки, высовывающиеся из-под вышитого платьица.

– Назовем ее Елизаветой, – сказал он, легонько покачивая дочку на руках.

– А можно мне выбрать другое имя? – осмелилась спросить я.

– Не нравится Елизавета?

– Мне хотелось назвать ее иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.